

Александр и Олеся Кущак

ГУСЬ

роман-антиутопия

Александр Владимирович Кушак
Олеся Валерьевна Кушак
Гусь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24719705

Аннотация

В Аскерии – обществе тотального потребления, где человек находится в рабстве у товаров и услуг и непрекращающейся гонки достижений, – проводится научный эксперимент. Стремление людей думать заменяется потребительским инстинктом. Введение подопытному гусю человеческого гена неожиданно приводит к тому, что он начинает мыслить и превращается в человека. Почему Гусь оказывается более человеческим, чем люди? Кто виноват в том, что многие нравственные каноны погребены под мишурой потребления? События романа, разворачивающиеся вокруг поиска ответов на эти вопросы, унесут читателя далеко за пределы обыденности. Таинственный Мистер Гавер, летающие по небу клаеры, жуткий горбун, пожар и погони заставят переживать, смеяться, бояться и радоваться за героев романа.

Содержание

1	6
2	13
3	18
4	24
5	29
6	33
7	37
8	43
9	45
10	48
11	55
12	60
13	66
14	70
15	80
16	82
17	93
18	101
19	107
20	111
21	114
22	123
23	135

24	140
25	149
26	165
27	168
28	174
29	178
30	181
31	196
32	200
33	208
34	225
35	236
37	245
38	250
39	253
40	255
41	259
42	263
43	269
44	274
45	281
46	290
47	305
48	311
49	324
50	332

51	347
52	352
53	357
54	367
55	375
56	385
57	389
58	399
59	402
60	413
61	414
62	418

1

Вечерний сумрак постепенно охватывал Аскерию. Дневной свет медленно уступал место ярким вспышкам электрических таблоидов, свету прожекторов, направленных на рекламные баннеры. Со всех сторон мигали, высвечивались, кричали призывы «Достигай!», «Контролируй баланс!», «Подними рейтинг!», «Займи своё место в Золотом районе!». В этот момент Аскерия напоминала большой праздничный торт, на котором выборочно, всё больше сгущаясь к центру, горели яркие свечи. Окраины продолжали находиться во власти темноты, изредка мигали огни летящих клаеров и ползущих по земле санеров. Воздушный и наземный транспорт перемещался, выстраивался в единый поток по направлению к центру Аскерии, в Золотой район, где проходил ежегодный праздник – День Достижений.

Воздушные пробки всегда напрягали Рэйфа. Как глава Службы Защиты Аскерии, он мог использовать специальный сигнал для беспрепятственного полета клаера. Иногда ему нравилось, неожиданно подав звуковое предупреждение, вырваться вперед, оставляя позади аскерийцев, ещё минуту назад двигавшихся рядом с ним. Присутствие Рэйфа на Дне Достижений в этом году носило особый характер. Такого странного поручения ранее ему выполнять не приходилось.

Учёные всегда напрягали главу Службы Защиты Аскерии, но в этот раз их поведение явно начало создавать проблемы для спокойного и размеренного графика работы его ведомства.

Парковки возле центральной площади Золотого района заполнялись спускающимися с воздуха клаерами. Аскерийцы занимали свои места в соответствии с уровнями их Достижений. Справа и слева от клаерных парковок теснились санеры, беспорядочно оставленные жителями Земляного и Песочного районов.

Толпа аскерийцев гудела, роилась, создавая группы людей, активно обсуждавших друг с другом свои Достижения за прошедший год.

– О, привет, Хелли! – громко воскликнула полная женщина, пробираясь к своей знакомой, нервно теребившей сумочку.

– Кэйт, неужели это ты? – удивилась Хелли. – Тебя и не узнать.

– Конечно, за год столько поменялось, – ответила толстушка. – Мы теперь живем в Серебряном районе. Взяли еще один бредит, купили большой дом с садом.

– Дом с садом? – поднимая брови, уточнила Хелли.

– Да! Ты не представляешь! Это совсем другая жизнь. Хотя, Бин теперь еще реже появляется дома, ему приходится много работать, чтобы гасить новые бредиты, – вздохнула Кэйт. – А у тебя как дела?

– Я все также работаю помощником младшего специали-

ста на метеостанции, – опуская взгляд, проговорила Хелли.

Мимо них проходили двое бурно обсуждавших свои дела собеседников.

– Хочу сегодня взять дешёвый бредит, – сказал высокий рыжий мужчина с тараканьими усами.

– А что сегодня опять будут давать, как в прошлом году? – уточнил низенький аскериец, вытирая платком взмокший лоб.

– Да! Говорят, у тех, кто имеет определенный уровень Достижений за год, будет большая скидка по процентам. А у меня, смотри, какой рейтинг получился! – тыча грязным пальцем в гаверофон, воскликнул рыжий.

– И это ты всё на своих свиньях заработал? – удивился низенький.

– На свиньях, на свиньях! В этом году у меня их шестнадцать уже! – показывая фотографии в гаверофоне, хвалился рыжий. А что у тебя с твоей газетой?

– Тираж продолжает падать, все сидят в гаверофонах, – кисло скривив губы, ответил низенький. – Хотя мои статьи про положительное влияние аскерийского климата на жизнь горожан добавили мне рейтинга.

Рэйф пробирался сквозь толпу к сцене. Внешне по линии его ведомства ничего не вызывало подозрений. Он чётко знал свою работу, отлично владел ситуацией, понимал, что в Аскерии порядок наведён, прежде всего, в головах людей. Гениальная идея Мистера Гавера о Достижениях уже много

лет, как отточенный механизм, управляла поведением аскерийцев.

Громкий голос ведущего со сцены объявил о начале праздника.

– Уважаемые аскерийцы! День Достижений объявляется открытым! Для зачитывания обращения главного аскерийца Мистера Гавера на сцену приглашается заведующий канцелярией Чертингс.

Горожане, обратившись лицом к сцене, старательно зааплодировали.

Седоватый человек небольшого роста и плотного телосложения подошел к микрофону.

– Аскерийцы! Вы – умны, талантливы, конкурентоспособны! Сегодня, в День Достижений Аскерии, я обращаюсь к вашему сердцам. Знаю, что они рвутся к новым победам, увеличению рейтинга, плюсовому балансу! – Чертингс поднял глаза от послания и перевёл дыхание.

На огромном таблоиде появилось изображение Мистера Гавера с приложенной к сердцу рукой. Толпа замерла, солидарно повторив жест главного аскерийца. Зазвучала музыка. Губы горожан рефлексивно задвигались:

Достигай! Достигай! Достигай! Рейтинг ждёт, ты его обновляй. Раз родился на свет ты в Аскерии, Будут ждать тебя бонусы, премии!

– День Достижений – это день справедливости! Каждый вправе получить то, что он хочет. Сегодня в честь Дня До-

стижений мы исполняем ваши мечты. Только сегодня мы даем вам возможность получить праздничный бредит. Прямо сейчас вы можете активировать его на своем гаверофоне.

Аскерийцы уткнулись в экраны персональных устройств.

– Вам нравится процент по бредиту? – заводя толпу, воскликнул ведущий.

Продолжая двигать пальцем по экранам гаверофонов, не поднимая головы, люди выдохнули: «Да!».

– А теперь, – главное событие праздника, – не унимался ведущий, – награждение лидеров Достижений этого года!

Под аплодисменты и завистливые взгляды горожан на сцену поднялась семья Кинусов. Глава семейства тяжело дышал, жмурился под непривычным светом софитов и пожирающим его взглядом толпы. Рубашка окончательно промокла. Боясь потерять контроль над членами семьи, он положил руки на плечи двух сыновей-близнецов, как две капли воды похожих на него. Высокая и долговязая жена Кинуса переминалась с ноги на ногу и поправляла причёску.

– За прошедший год баланс семьи Кинусов достиг рекордной отметки. В рейтинге Достижений они вышли на первое место и по праву заслужили, – ведущий сделал многозначительную паузу, – новейшую модель семейного клаера!

На миг, оцепенев от неожиданности, Кинусы дружно подняли глаза вверх на спускавшийся с неба золотистый клаер. Толпа взвизгнула, взорвавшись аплодисментами. Растерявшись, Кинусы глупо улыбались. Тем временем клаер спу-

стился на сцену. Взяв себя в руки, жена Кинуса подошла к микрофону.

– Нам не верится, что такое возможно. Было так тяжело, когда наши сыновья родились с двойным отрицательным балансом, пришлось брать двойной бредит, – промокнув глаза платком, начала она. – За восемь лет мы своими Достижениями не только смогли перевести наш отрицательный баланс в положительный, но и стали лидерами Достижений. Мы благодарны Мистеру Гаверу за возможность Достигать, Достигать и еще раз Достигать! Ведь правда? – закончила она, обернувшись к мужу.

Старший Кинус активно закивал головой, нетерпеливо поглядывая на новый клаер.

– Теперь он по праву ваш! Знайте, – обратился ведущий к толпе, – вы тоже можете оказаться на их месте! Главное, не останавливайтесь в Достижениях!

Семья Кинусов заняв свои места в клаере и махая руками толпе взмыла в воздух.

После короткой заминки на сцене, ведущий серьезным голосом сообщил:

– Внимание! Специальное сообщение от главы Службы Защиты Аскерии.

На сцене появился Рэйф. Толпа удивленно замолкла.

– Аскерийцы! Я пришел обратиться к вам с просьбой о помощи. Наша наука, достигшая больших высот, находится на грани великого открытия. Учёные доказали, что птицы

тоже могут Достигать. Но научный эксперимент под угрозой. Вчера ночью из лаборатории исчез гусь, – Рэйф сделал паузу, – говорящий гусь.

Толпа охнула. В воздухе повисло напряжение.

– Да, вы не ослышались! Говорящий гусь – это реальное Достижение нашей науки. Однако эксперимент не закончен. Гуся необходимо найти и вернуть учёным. Кто-то из вас получит небывалое вознаграждение за поимку гуся.

Твердо, чеканя каждую цифру, Рэйф назвал сумму. Удивление от новости о говорящем гусе уступило место ошеломлению от возможности стать этим счастливымчиком и получить столько гаверов.

С чувством выполненного долга Рэйф спустился со сцены. Он хорошо знал аскерийцев и был уверен, что поимка гуся – решённый вопрос.

2

Заведующий кафедрой орнитологии Высшего Аскерийского Климатооста с удовольствием встречал новый день. Маленькие аккуратные глазки на круглом лице Керси оценивающе уставились в зеркало. С этого ритуала начиналось каждое утро учёного в лаборатории.

– Ну что, доктор Керси? – обратился учёный к себе, поправляя белый ворот идеально накрахмаленного лабораторного халата и приглаживая блестящую лысину. – Будем надеяться, что к концу дня вас ждёт великое открытие! – вдохновенно продолжил он, глядя на отражение клеток с гусями в зеркале.

Еще несколько месяцев назад он был бесконечно далек от этого счастливого дня. Удача, как это часто бывает, пришла неожиданно. Телефонный звонок разрезал реальность Керси на две половинки. Нудная и бесперспективная работа осталась в прошлом.

– Доктор Керси? – раздался официальный голос в трубке. – Меня зовут Бэйк, я представляю Корпорацию «Аскертех». У меня к вам срочное дело.

Керси не любил внезапных гостей, даже пугался их. Однако корпорация «Аскертех» вызывала у него уважение по двум причинам: масштаб деятельности и первое место в рей-

тингге крупного бизнеса.

В лабораторию проскользнул худощавый невзрачный мужчина. Керси внимательно оглядел визитёра. Внешность ничем не примечательного человека, ставящего себе задачу не выделяться на общем фоне, тихо выполнять предназначенную ему работу, а затем беззвучно исчезать в неизвестном направлении. Весь облик Бэйка говорил: воспринимайте меня по делу – ничего личного, я и есть моя работа.

– Да, да, проходите, – услужливо засеменил за гостем Керси, предлагая ему присесть.

– Доктор Керси, – бесцветно улыбнувшись, вкрадчиво начал Бэйк, – всем в Аскерии известны ваши Достижения. Не буду скрывать, многие считают вас первым номером в своём деле.

Керси довольно поёжился. Он любил, когда ему говорили правду. Конечно, не все в Аскерии признавали его первенство. Ученый вспомнил спор со своим оппонентом Дайлоном на прошлой научной конференции.

– Перейду к сути моего визита. Скажу сразу, речь идет о деле, которое будет курировать лично Мистер Гавер, – проговорил Бэйк, изучающе посмотрев на Керси.

При упоминании Мистера Гавера эго Керси устроило настоящий «танец тщеславия». Сердце учёного учащенно заколотилось, взгляд невольно упал на часы. Он любил замечать точное время важных минут своей жизни: в 10.03 сам Мистер Гавер обратил на него внимание. Керси представил

продолжение спора с его оппонентом Дайлоном. «А может, спора теперь и не будет?» – пронеслось в мозгу Керси. С этой минуты он работает по заданию Мистера Гавера.

– Вы лучше меня знаете, что птицы гораздо организованнее людей. Ваши мысли о том, что исследуя птиц, мы лучше можем понять поведение людей, показались нам свежими и интересными, – продолжил Бэйк. – При перелётах птицы, выстраиваясь косяком, подражают полёту первого, что делает их передвижение организованным и предсказуемым.

– Да, вы правы! – подтвердил Керси, подхватывая мысль гостя, пускаясь в пространные научные размышления на любимую тему.

– Мы не сомневаемся в вашей компетентности, – прервал его Бэйк, – Не секрет, что существуют люди, которые не хотят Достигать, приобретать рейтинг, то есть, выражаясь языком поведения птиц, лететь организовано в одном направлении.

– Вы хотите укрепить тотальное общество потребления? Примитивная роботизация? – Керси удивленно уставился на Бэйка.

– Не так грубо, но, по сути, об этом. В целом изучение закономерностей потребительского поведения. Достижения, сами знаете, великое дело. Сегодня многие оценивают потенциал управления людьми с помощью теории Достижений Мистера Гавера выше прямого принуждения!

Керси понимающе закивал головой. Решение глобальных

задач явно тешило его самолюбие. «Это будет настоящая бомба для научного сообщества», – подумал Керси. Он ещё докажет всем, что великие открытия могут делать только подлинно талантливые люди вроде Керси.

– Не секрет, что при прямом принуждении требуется большая сила, чтобы удерживать власть немногих над многими, – продолжал Бэйк. – Аппарат принуждения всегда дорог, более того недолговечен. Теория Достижений мягко, красиво, рождает у людей иллюзию выбора. Однако, посмотрите, все совершают стандартные действия: покупают дома, летают на клаерах, хорошо одеваются, отдыхают и вкусно кушают, а самое главное, безвыходно привязаны к гаверофонам как основному источнику информации!

Керси задумался. В словах Бэйка он невольно узнавал и себя. Но роль режиссёра, которую ему предлагали, перекрывала все противоречия.

– Вы слышите меня, Керси! Вы должны исследовать на птицах и отдать нам рецепт лидерства Достижений над людьми. Понимаете, мы хотим не просто управлять, мы хотим понять, как заменить вожака стаи на стимул. Мы хотим создать систему, которая не зависела бы от человека. Полная идиллия: мы им – сладкие сахарные призы в виде комфортного жилья, дорогих клаеров, изобилия колбасы и штанов, а они в ответ – прогнозируемое и направляемое нами поведение. Но необходимо исключить появление ЕГО!

– Кого ЕГО? – уточнил Керси, вдавливаясь в кресло.

– Человека-лидера, который своими идеями может разрушить этот сладкий рай под названием Достижения. Вы должны найти искусственный заменитель лидерства! Стимул – лидер, вот ваша задача.

– Это очень дорогостоящий проект, – сглатывая слюну, выдал из себя Керси.

– Не волнуйтесь, финансирование проекта будет осуществлять наша Корпорация «Аскертех», – успокоил его Бэйк.

3

Керси посмотрел на часы. 10.03. «Это был знак», – подумал учёный. Прошло несколько суток с того момента, как он ввёл одному из гусей человеческий ген. Учёный внимательно осмотрел все клетки. Он предвкушал длительный эксперимент и не ждал быстрых результатов. Керси наслаждался своей важной миссией, регулярно поступающим финансированием и приближающейся возможностью переиграть Дайлона.

– Что-то вас давно не видно, доктор Керси. Сидите в своей лаборатории, как сыч? – ехидно заметил Дайлон, встретив учёного в Великом Аскерийском Климадосте.

– Работаю над масштабным проектом, – важно сообщил Керси.

В глазах Дайлона проскользнули злоба и зависть. Но в этот раз Керси был спокоен, за ним стоял сам Мистер Гавер.

Довольно потирая руки, учёный налил себе кофе. Опустившись с чашкой в кресло, он мечтательно устремил взгляд в окно.

– Кер-р-р-си, Кер-р-р-си! – раздалось в лаборатории.

Учёный дёрнулся, пролив горячий напиток на белоснежный халат.

– Кер-р-р-си, Кер-р-р-си! – снова повторился звук.

Он испуганно повернул голову в сторону клеток. Глядя прямо на него, ритмично разевая клюв, гусь повторял имя учёного.

– Сработало! – заорал на всю лабораторию Керси. – Ну, давай, скажи ещё что-нибудь! – подбежав к клетке с гусем, он нервно её затряс.

– Ну, давай, скажи ещё что-нибудь! – повторил гусь.

– Конец Дайлону! – визжал Керси.

– Конец Дайлону! – снова повторил гусь.

В этот момент учёный подумал, что любой успех должен иметь свободу. Решительным движением он открыл клетку.

– Иди ко мне, – позвал Керси.

Гусь спокойно смотрел на учёного, не делая никаких движений. Керси захохотал, запрокинув голову назад.

– Я даю тебе свободу! Ты что, не понимаешь? Выходи!

– Свободу? – уточнил гусь.

Керси присел на край кресла. Голова учёного шла кругом. Он впервые видел, чтобы птица разговаривала и думала, выделяя отдельные слова из предложения. Напряжение зашкаливало, и Керси испытал острую необходимость расслабиться. Он решительно подошел к бару, откупорил бутылку и плеснул в бокал коньяка. Выпив залпом, учёный вернулся к клетке.

– Ты знаешь, что такое свобода? Ты, дурень, ты – птица, ты не можешь этого знать! Ты можешь только подчиняться! Выходи, я тебе говорю!

Гусь оставался в клетке, никак не реагируя на призывы Керси. Учёный занервничал. Схватив клетку с гусем, он поднёс ее к окну.

– Смотри, вон там свобода. Лес, небо, озеро.

– Люди, – коротко произнёс гусь.

– Люди? – удивлённо спросил Керси.

Оставив клетку на окне, учёный снова налил себе коньяка. Впервые в жизни он не мог объяснить, что происходит. Его пытливый ум фиксировал нелогичное поведение птицы. Всю жизнь он считал, что свобода и люди – понятия несовместимые. Никогда люди не смогут взять на себя ответственность за свою свободу. Их будет волновать только стремление казаться лучше своего ближнего. Зависть всегда перевесит свободу, становясь катализатором Достижений. Люди – это толпа, сметающая отдельную личность, претендующую на свободу. Достижения, Достижения и еще раз Достижения – вот цель их существования.

Керси взбесило, что эта жалкая птица начала задавать вопросы. Зачем спрашивать, когда на всё уже есть ответ. Какой смысл выходить за рамки алгоритмов? Счастье робота в том, что он не думает.

К клетке Керси подошёл уже с пустым бокалом. Взгляды учёного и птицы встретились. Мурашки побежали по спине Керси. Гусь внимательно наблюдал за ним. Пронизывающие глаза чужеродно смотрелись на птичьей голове, вызывая беспокойство.

Керси вернул клетку на место и закрыл её на щеколду. Необъяснимое чувство страха постепенно охватывало его. Станный и цепкий взгляд он чувствовал даже спиной. В момент, когда Керси снова протянул руку к бутылке, гнетущая тишина в лаборатории нарушилась новым словесным вторжением гуся.

– Ты кто?

Керси вздрогнул и отхлебнул из бутылки. Боясь снова встретиться взглядом с гусем, учёный застыл на одном месте, не оборачиваясь. Допив бутылку до дна, Керси на ватных ногах подошёл к окну.

Такого вопроса ему никто никогда не задавал. Он – известный учёный, первый в своём деле, состоятельный человек, живущий в Серебряном районе. Его карьера пошла в гору. Мистер Гавер обратил на него внимание. Он тот, кто докажет Дайлону своё превосходство.

– Ты кто? – повторил гусь.

Усилием воли Керси обернулся. Птица начала раздражать учёного.

– Я тот, кто дал тебе возможность разговаривать человеческим языком! Ты всего лишь жалкая птица! – разозлился учёный.

– Зачем ты это сделал? – снова задал вопрос гусь, испытываяще посмотрев на Керси.

В очередной раз от этого взгляда учёному стало не по себе.

– Ты-то кто такой, чтобы я отвечал на твои вопросы? – заорал Керси.

– Кто я? – гусь задумался и замолчал.

Керси открыл окно настежь, пытаясь вырваться из душной атмосферы лаборатории. Усталость и опьянение давали о себе знать. За окном смеркалось. Вернувшись к столу, учёный опустился в кресло. Возникающие вопросы тянули за собой вереницы путающихся мыслей, всё больше переплетавшихся в густом тумане наползающего сна.

Гусь потоптался в клетке. Однозначность сменилась шумом в голове. В ней что-то бурлило, плюхалось, сталкивалось, перемешивалось. Не сказать, что думать было приятно, но не думать было невозможно. Маленькая гусяная голова, как локатор, улавливала поток человеческих мыслей. Птичий инстинкт проседал под давлением названий и формулировок. Всё это отдавало тупой болью. Бесконечные мысли проклятьем обрушились на гуся. Неужели люди постоянно о чём-то думают? Мозг уже не птицы, но ещё и не человека натыкался на непробиваемую стену вопросов. Они как инородные тела врезались в спокойный размеренный ритм жизни гуся. Аскерия увлекала в свои сети нового члена общества.

Солнечные лучи пробивались сквозь открытую створку окна. Пробуждение Керси сопровождалось ощущением раскалывающейся головы. Напрягаясь, Керси вспомнил вчерашний день. Медленно переводя взгляд на клетку, он за-

жмурился. Но наваждение не исчезло. Клетка была пуста. Остальные гуси мирно спали. Керси вскочил, обежал лабораторию, заглядывая во все возможные места, где могла бы спрятаться птица. В ужасе учёный уставился на открытое окно.

Продовольственная база в Земляном районе Аскерии располагалась в ветхом здании. Вокруг базы, словно грибы из земли, близко друг к другу множилось новые каменные жилища местных жителей. Изредка среди них попадались старые деревянные дома. Обитатели Земляного района жили за счёт выращивания овощей. Особо предприимчивые и стремящиеся к Достижениям занимались разведением скота и домашней птицы.

Возле базы постоянно толпилась очередь желающих обменять продукты своего труда на гаверы. Приёмщики на базе регулярно менялись. В этот раз в окне приёма овощей появилась коротко стриженная голова с маленькими, хитрыми глазками.

– О, опять новенький, – пронеслось по очереди.

– А где Родди? – спросил толстый мужчина в грязной кепке.

Голова промолчала, жестом предлагая начать приём овощей. Первым в очереди стоял крепкий человек с взъерошенными волосами. Проверив засаленный длинный список, голова спросила:

– Сдавать будете в счёт погашения долга по бредиту?

– Да, – уныло протянул обладатель взъерошенных волос.

– Значит вам гаверы не полагаются, – удовлетворенно, поставив крестик в списке, изрекла голова. – Следующий.

К окошку подошла маленькая тщедушная женщина с бледным лицом. Протянув небольшой мешок с овощами, она вопрошающе посмотрела на голову.

– Это всё? – поморщившись, спросила голова.

– Всё, урожай совсем плохой, – еле слышно пролепетала женщина.

– Только очереди создаёте, бумаг больше заполнять, – проворчала голова, отсчитывая несколько гаверов.

Начал накрапывать мелкий дождь. Люди накинули на головы капюшоны, еще больше отделившись друг от друга. Этот год в Земляном районе выдался неурожайным. Платить по долгам становилось с каждым разом все сложнее. Бредитная радость очень быстро сменялась бредитным страхом. Пребывая в иллюзии владения материальными благами, люди не замечали, как становились рабами вещей. Настоящие хозяева их жизни диктовали новые правила. Всё это напоминало гонку по порочному кругу. Там, где маячил финиш, мгновенно начинался старт. Опьянение возможностью получить любые блага, только протянув руку, засасывало в болото приобретательства. Впуская вещи в свой мир, человек быстро привыкал к ним. Они же, превращаясь в обыденность, теряли новизну и уже не приносили счастья.

Дождь усилился. Редкие разговоры в очереди прекратились. Люди молча подходили к окну, сдавали овощи и спе-

шили по своим делам. Общаться, что-то обсуждать означало еще больше промокнуть под дождем. Следующим в очереди оказался приземистый, худощавый человек со спокойными добрыми глазами и осторожными, неторопливыми движениями.

– Хоних? – уточнила голова, уставившись в список с коротким перечнем имён, в котором значились жители Земляного района, не имеющие бредитов.

– Да, да, это я, – подтвердил мужчина, протягивая мешок с овощами для обмена на гаверы.

В Земляном районе к Хониху относились настороженно. Он не имел друзей, но и не нажил врагов. Медлительность, немногословность Хониха создавала диссонанс с вечно бегущими, торопящимися людьми. Он часто уходил в лес один. Жена Хониха – Салли – являлась полной противоположностью мужа. Её говорливость, несдержанность, завистливость могли ужиться только с мягкостью и терпимостью Хониха. Вместе они прожили долгую жизнь, в которой Салли говорила, а Хоних слушал. Химия их брака нейтрализовывала активность Салли при столкновении с внешней пассивностью Хониха. Это приводило к стабильному отсутствию изменений в их судьбе.

Сдав овощи, Хоних не торопясь возвращался к своему дому, расположенному на окраине Земляного района Аскерии. Он любил дождь. Особенно ему нравилось наблюдать, как мелкие капельки воды соединялись в лужи, образуя причуд-

ливую сеть узоров на ещё час назад сухой дороге. Он, как ребенок, умел радоваться воде, падающей с неба, не боясь промокнуть. Наедине с дождем он чувствовал себя комфортнее, чем с людьми.

Возле дома Хониха, рядом с большой лужей переминался на красных лапах промокший гусь. Человеческие глаза птицы умоляюще смотрели на него.

– Вот чудной! Смотрит на меня, как человек! Откуда ты взялся ты здесь? – удивился Хоних. – Эх... Надоть тебя забрать под крышу. Он, аккуратно подхватив гуся правой рукой, прижал его к себе и отнёс в сарай.

Высокая, тощая женщина встретила Хониха недобрым взглядом, искажившим её узкое, сухое лицо.

– Шатаешься под дождём, дурачина этакий! Промокнешь, простынешь, помрёшь! На какие гаверы тебя хоронить? – ворчала Салли.

– Что уж умереть нельзя, раз у нас гаверов мало? – в ответ спросил Хоних. – Непонятно, что дешевле – жить или умереть.

– Выгоднее было нам с тобой вообще не встречаться в жизни. Это мне бы обошлось дешевле всего, – математически подвела итог Салли.

– Ты не знаешь, чей гусь сидел возле нашей калитки? – перевёл разговор в другое русло Хоних, дослушав привычную тираду Салли.

– Гусь? Нет там никакого гуся.

– Я забрал его к нам в сарай, что ж ему мокнуть-то под дождем.

Накинув куртку, Салли решительно побежала в сарай.

– Один, два, три, четыре, пять, – донеслось со двора. – В кои-то веки и от тебя есть толк в этом мире. Целого гуся притащил, это ж сколько мяса!

Хоних устало опустился на скамейку. Радостная новость о гусе давала ему передышку от постоянных обвинений и ворчания жены.

Забившись в угол тёплого и сухого сарая, гусь ловил на себе взгляды других четырёх птиц. Обрывки мыслей металась в его голове, не создавая стройной картины. Люди казались ему странными существами. Они постоянно куда-то неслись, суетились, устраивали никчёмную возню, которая, видимо, в их понимании называлась жизнью. Как заведенные чьей-то рукой, они механически двигались и выполняли нужные команды, забывая, кто они есть на самом деле. Суматошная беготня по лабиринту жизни, пронизанному множеством дверей, никогда не заканчивалась. Кто-то невидимый нарочно то открывал, то закрывал эти двери, неслышно вставляя ключ в замочную скважину, продолжая бесконечную игру. Где же хранилище ключей, и кто ими владеет? Вопросы наслаивались друг на друга, разжигая удивление и растущее любопытство гуся.

Разбросанное на дощатом полу тонким слоем сено, согревало его. Тепло постепенно разливалось по телу. Завернув голову под крыло, гусь опустил на брюхо и заснул.

Лабиринты белого коридора мелькали перед глазами. Туманный свет наполнял пустые пространства. Красные лапы шлёпали по скользкому блестящему полу, гулко нарушая стерильную тишину. Коридор казался нескончаемым. Пово-

рот направо привёл в большую ярко освещенную комнату. В этот момент всё наполнилось звуками, разговорами, стонами. Люди в белом окружили большое кресло с лежавшей на нём женщиной. Волны её длинных каштановых волос беспорядочно раскинулись в разные стороны. Пушистые ресницы мягко подчеркивали зелёные глаза. На лбу выступили мелкие капельки пота. Напряженный подбородок то поднимался вверх, то снова пригибался к груди. Женщина тяжело дышала, жадно глотая воздух. Grimаса боли отразилась на её усталом лице. Широко раскрыв глаза, она импульсивно подалась вперед. Плотно сжатые губы разомкнулись, послышался стон. Женщина откинулась на кресло, а чьи-то сильные руки отделили от неё маленькое розовое тельце. Глаза женщины засияли счастьем, на лице появился лёгкий румянец. Природа не знала большей красоты. Крик младенца мгновенно перешёл в плач новой жизни.

Раскаты грома и вспыхивающие молнии бушевали над сараем, где на сене лежал уже не гусь – лежал человек. Проснувшись, он резко встал, мысли приобрели стройность и ясность. В противоположном углу сарая мирно спали четыре гуся, совсем не похожие на него. Он неуютно поёжился. Холод и сырость с каждой минутой всё больше пронизывали его человеческое тело. Он оглядел сарай в поисках возможности согреться. В этот момент его охватило новое чувство – чувство стыда. Накрывшись найденными старыми тряпками, человек успокоился и снова задремал. Гроза за-

кончилась, и частые капли дождя перестали стучать по крыше сарая.

Хоних просыпался с восходом солнца. Первым делом он насыпал в чашку овес и шёл кормить гусей. Четыре птицы голодными глазами смотрели на Хониха.

– А где же новенький? – начал он свой утренний разговор с гусями.

Поставив чашку с кормом перед гогочущими птицами, Хоних стал оглядывать сарай в поисках пятого гуся. В углу, на сене, из-под старого, наваленного кучей тряпья, торчали голые человеческие ноги. Обернувшись, мягким движением Хоних взял со стенки топор.

– Эй, ты кто? – осторожно спросил Хоних, толкая ногой человека под тряпками.

Куча зашевелилась, открыв голое тело молодого мужчины. Два испуганных глаза уставились на Хониха.

– Откуда ты тут взялся?

– Я здесь и был, – выпалил человек.

– Не было тебя тут! Да и откуда тебе здесь взяться, это же мой сарай! Вчера я сюда принёс пятого гуся. Теперь тут гуся нет, а лежишь ты!

– Был гусь... А теперь человек, – с сожалением оглядывая себя, проговорил он.

Удивившись, Хоних присел на корточки, внимательно посмотрел на человека и отложил в сторону топор. Незнакомец казался беспомощным и испуганным. Хониху стало понят-

но, что никакой угрозы он не представляет. Скорее, наоборот, обнаженный мужчина вызывал у него жалость.

– Ты тут лежи, – заботливо проговорил Хоних. – А я пойду одежду тебе принесу. Надоть голую попу то прикрыть.

Вскоре Хоних вернулся со старыми, но чистыми штанами, курткой и парой поношенных башмаков. Человек неуверенно оделся.

– Тебя как зовут то? – спросил Хоних.

– Не знаю... – задумавшись, ответил незнакомец.

– Надоть имя иметь! Вот я – Хоних, а ты?

Человек молчал, с интересом глядя на Хониха.

– Раз ты среди гусей появился, значит будешь Гусом! Пока не вспомнишь своего настоящего имени.

– Гус, – повторил Человек. – Я – Гус! – Всё должно иметь имя. Понятно. А что там? – указывая на дверь, поинтересовался Гус.

– Там жизнь, – рассмеялся Хоних.

– Что такое жизнь? – изумился Гус.

– Жизнь – это то, что ты видишь, – объяснил Хоних, выводя Гуса во двор. – Поля, деревья, солнце, я, ты – это и есть жизнь.

– Интересно, – с восхищением оглядывая окрестности, отреагировал Гус. – Я хочу посмотреть, что там.

– Так иди и смотри, – улыбнулся Хоних. – Гаверы за просмотр этого пока еще не берут, – тихо добавил он.

Гус шёл по лесной тропинке, вдоль непохожих друг на друга деревьев. Он остановился рядом с огромным, развесистым деревом. Причудливые тени бродили по лицу Гуса, будто сканируя его суть. Он прислонился к дереву рукой, ощупывая его шершавую кору. Капли ночного дождя, удерживаемые плотными листьями, брызнули россыпью на Гуса. Несмотря на неподвижность исполина, в нём бурлила жизнь. Гус видел движения верхушки дерева, вызываемые порывами ветра, но больше всего его волновало движение энергии внутри ствола. Ладонь Гуса теплела, казалось, дерево начало разговор с ним.

– Люди! – говорило дерево. – Я видело много людей. Они останавливались здесь так же, как и ты. Некоторые любовались мной и проходили мимо, кто-то садился рядом и отдыхал. Их объединяло одно – они думали, а вот мысли у них различались. Вот у тебя мысли совсем молодые, будто ты и думать-то начал недавно. У людей постарше мысли спрессованы, одна под другую. Они разучились чувствовать, обычно достают из своей головы какую-нибудь заготовку и подменяют ею реальность.

– А сейчас люди о чём думают? – спросил Гус, прижимая ладонь ещё плотнее к коре.

– Они сравнивают себя с другими! Страх быть непохожими, не такими, как все, сильно тревожит их. Боятся отстать в нескончаемой гонке друг за другом. И мысли эти боль вызывают, страдания, сомнения. Как вирусы, выпущенные из пробирки злоумышленником, жаждущим захватить власть над головами людей, поражают каждую клетку и навязывают свои правила. Мыслей столько, что голова раскаляется. Будто натолкали их битком, а люди не знают, что с ними делать. Уже и не человек думает, а за него думают.

– А кто эти правила создаёт? – изумился Гус.

– Тот, кто создаёт правила, лишь использует попутный ветер. Против ветра идти тяжело, но, раскрыв тайну, ты окажешься над правилами.

Гус продолжил путь. Ему не терпелось поскорее попасть в мир тех людей, о которых говорило дерево. Таинственные правила вызывали у него любопытство. Гус поднял глаза. Яркое солнце ослепило его, заставив зажмуриться. Не опуская головы, он продолжал нежить своё лицо под его лучами.

– Ты всех так греешь?

– Я всем отдаю свое тепло! – засияло солнце.

– А что они делают под твоими лучами? – поинтересовался Гус.

– О, разное! Любят, воюют, бедствуют, радуются, строят, разрушают! – с жаром воскликнуло солнце.

– Зачем же они воюют и страдают, раз всем тепло и на всех твоих лучей хватает? – удивился Гус.

– Они делают выбор, это их право!

– Право? А как же правила? – пытаюсь открыть глаза, воскликнул Гус.

– Нет никаких правил, есть личный выбор каждого! – ответило солнце, спрятавшись за облаком.

– Выбор! – повторил Гус. – Интересно!

С каждой минутой жизнь виделась ему всё более увлекательной, потрясающей, непонятной, манящей в свои объятия. Он задавал много вопросов, но полученные ответы продолжали множить неизвестное.

Гус долго шёл в задумчивости. Он не заметил, как мысли снова захватили его в свой плен. Реальность, отступила на задний план. Он не видел леса, не замечал летающих вокруг насекомых. Плеск воды вырвал его из задумчивости. Сквозь расступившиеся деревья на солнце переливалась водная гладь бурной реки. Что-то неуловимое шевельнулось в его памяти, но тут же ускользнуло. Вода манила, желание всем телом почувствовать силу и жизнь реки пьянило Гуса. Скинув одежду, подаренную Хонихом, и обжигаясь ледяными брызгами, он погрузился в реку. Восторг и мнимая победа над водной стихией сменились беспомощностью перед несущимся потоком, который подхватывал Гуса, играл им.

– Веками люди пытались делать то же, что и ты – плыть против течения, – сбивая в очередной раз Гуса с ног, усмехнулась река. – Мало кто из них оставался верен своей идее до конца. Я разворачивала их и заставляла подчиниться. И

они присоединялись к покорно плывущему большинству.

Перестав сопротивляться, Гус лёг на воду, и течение понесло его. Используя силу воды, он быстро преодолевал большие расстояния. Восторг охватил Гуса. Отсутствие действий с его стороны не означало отсутствия движения. Иная логика начала управлять его жизнью. Мысли стали не главными. Энергия потока соединилась с ним. Он не был покорным и не сопротивлялся, он познавал. Жизнь начала движение через него.

Река удивлялась тому, как быстро Гус учился и не боялся получать опыт. Отпустив его из водных объятий, она вернула его на берег. Одежда ждала Гуса в том месте, где он ее оставил. Ощувив прилив сил, он снова двинулся в путь.

Природные просторы сменились городским пейзажем. Первым при входе в Песочный район Гуса встретил большой баннер. Изображение жирного белого гуся дополнялось ярким призывом «Найди говорящего гуся и получи вознаграждение!» Рядом с баннером, задрав головы и тихо перешёптываясь, стояли двое подростков.

– А почему надо искать этого гуся? – обратился Гус к ним.

– Ну, даёт! – воскликнул кудрявый мальчик в очках. – Ты что, не знаешь? Сейчас вся Аскерия ищет говорящего гуся! За него такие гаверы обещают, что можно до конца жизни ничего не Достигать.

Гус непонимающе уставился на мальчика.

– Мы вчера всей семьёй в Земляной район ездили, кучу гусей пересмотрели, но они все только гогочут, – расстроено добавила такая же кудрявая девочка.

Песочный район смотрел на Гуса глазами маленьких окошек, натканных в многоэтажных зданиях. Многочисленные бетонные высотки исключительно песочного цвета теснились, зачастую примыкая к другу, оставляя лишь узкие переулки. Их одинаковость создавала впечатление громадного рыжего муравейника, где каждый получал право на своё мизерное пространство, вынужденно толкающееся с

пространствами других людей.

Идя по Песочному району, Гус удивлялся многочисленным картинкам с изображением гуся. Рекламные слоганы призывали «Новое Достижение – ГГ в твоих руках», «Повысь рейтинг – заработай на поимке ГГ», «Нет неорганизованной ловле ГГ! Устройся в специализированную фирму! Научись ловить профессионально!»

– Что такое ГГ? – уточнил Гус у парня, стоящего рядом с рекламной стойкой «Гусиная охота».

– ГГ – это говорящий гусь, – чётко поставленным голосом ответил парень. – Вы в данный момент где-то работаете?

– Работаете? – повторил Гус последнее слово. – Нет, я просто живу.

– Прекрасно, – улыбнувшись, продолжил парень. – Предлагаю вам стать профессиональным ловцом говорящего гуся, того самого ГГ, которым вы интересовались.

– А что нужно делать? – озадаченно спросил Гус.

– О, всё просто! Выгодно ловить гуся вместе с нами в дружном молодом коллективе. Мы категорически против неорганизованной ловли говорящего гуся. Многие думают, что поймать ГГ легко, забывая о профессиональных навыках распознавания необычной птицы. ГГ ловят многие, а мы уже вышли на след. Приходи к нам на работу, стань одним из нас! – заученно тараторил парень.

– А зачем вообще ловить гуся?

Парень смущенно замолчал. Прежняя уверенность усту-

пила место полной растерянности. Вытащив из правого кармана пиджака какие-то бумаги с записями, он быстро пробежался по ним глазами.

– Поиск ГГ – это важное Достижение для аскерийца и дополнительные баллы к индивидуальному рейтингу, – зачитал парень.

Замешательство овладело Гусом. Он попятился и, развернувшись, натолкнулся на новую рекламную стойку с красочным названием, выведенным танцующими буквами: «Купи карту гусиных подворий!» Сморщенный дед в костюме гуся размахивал пачкой свежееотпечатанных ярких буклетов.

– Всего десять гаверов! – истошно вопил дед. – Купи карту и первым поймай гуся!

Люди подходили, покупали брошюры, отчаянно торгуясь по цене с предприимчивым коммерсантом, ставя под сомнение точность информации.

– Покупай гусей на счастье! Два гуся по цене одного! – пытаюсь перекричать деда, голосила рядом полная раскрасневшаяся тётка, стоявшая за лотком со стеклянными фигурками гусей.

Стойка с дедом обрастала новыми зеваками. Сзади Гуса подпёрли двое крепких аскерийцев спортивного типа. Попытавшись вырваться из людской давки, он потерял равновесие и толкнул тёткин лоток. Звон разбившегося стекла слился с воплями и ругательствами разозлившейся продавщицы стеклянных гусей.

Гус, перепугавшись, бросился бежать.

– Держи его, – надрывно заорала тётка. – Всех гусей разбил, поганец! Что теперь делать-то? – продолжала охать пострадавшая.

Гус неся по узким улочкам Песочного района. Поняв, что его никто не преследует, он остановился и огляделся по сторонам. Во дворе большого многоэтажного дома он устало опустился на скамейку. Как только страх ушёл, в животе многозначительно заурчало. Чувство голода давало о себе знать. Нос Гуса поймал приятный запах жареного мяса, приведший его к яркой витрине. Огромные тарелки с красными помидорами и мясной рулькой на хрустящих листьях зеленого салата соседствовали с зажаристыми медальонами в брусничной подливке. Гус подошёл к витрине и начал её ощупывать. Мясной обман сопровождался призывом – «Зайди и попробуй прямо сейчас!» Руки Гуса, водившие по холодному стеклу, остановились на белой куриной грудке и аппетитных кусочках обжаренного картофеля. Под ложечкой бешено засосало. Мысли обмякли, скукожились, уступая место животному инстинкту. Голод втолкнул его в кафе.

Запахи еды все разом набросились на Гуса. Не дав опомниться, администратор усадил его за свободный столик, вручив меню.

В ожидании официанта Гус начал исследовать предметы на столе. Его внимание привлекли небольшие белые кубики. Один за другим Гус положил их в рот. Похрустывая сахаром

и проталкивая сладкую жижу в пустой желудок, он вытащил из вазы красную розу. Понюхав её, он начал отрывать лепестки, отправляя их в рот вслед за сахаром. Подошедший официант удивленно уставился на странного посетителя. Он работал в кафе уже несколько лет, но ни разу такого не видел.

– Что вы делаете? Зачем вы едите цветы? – поразился официант.

– Это вкусно, – облизывая сладкие губы, ответил довольный Гус. – Это, конечно, не то, что изображено на витрине, но тоже хорошо.

Мозг официанта отключился. Привычный порядок общения с клиентами неожиданно оказался перечеркнут, что вызвало у него растерянность. Тем временем Гус подошёл к соседнему столику и взял очередную розу.

Глупо улыбаясь, официант удалился. Через пару минут он появился в сопровождении администратора. Сотрудники кафе в четыре глаза уставились на Гуса, который в это время продолжал исследовать содержимое баночек с перцем, солью и различными соусами, высыпая и выливая всё на белоснежную скатерть.

– Вам придется заплатить за эти безобразия, – выдавил из себя шокированный администратор.

– Что значит «заплатить»? – поднимая радостные глаза, спокойно спросил Гус.

– Хмм... Вы должны отдать нам 30 гаверов за испорченную скатерть, – более твердым голосом добавил администрато-

тор.

– У меня нет никаких гаверов. Очень жаль, но нет, – продолжая свои эксперименты на столе, ответил Гус.

– Может вызвать бредитную службу? Ваш баланс позволяет оформить бредит? – пытаюсь найти выход, предложил администратор.

– Баланса у меня тоже нет. Но я бы ещё что-нибудь съел, – спокойно ответил Гус.

Администратор с официантом многозначительно переглянулись, скорчив удивлённые гримасы.

– Он ненормальный, – шепнул официант.

– Вызывай службу странных людей Аскерии, – отдал приказ администратор.

Через несколько минут в кафе появились двое рослых санитаров в белых халатах.

– Вот он, – решительно проговорил официант, указывая на сумасшедшего клиента.

Мягко взяв под руки Гуса, санитары вывели его из кафе.

– Куда вы меня ведёте? Что вам от меня нужно? – заволновался Гус. – Я так и не успел покушать.

– Не переживайте, всё будет хорошо, – в один голос ответили санитары.

– И не забудьте записать на его баланс тридцать гаверов! – прокричал вслед администратор.

Белая машина доставила Гуса в Дом странных людей Аскерии.

Рэйф привычно разглядывал огромный портрет Мистера Гавера, который занимал почти половину стены в его кабинете. Поиски говорящего гуся не давали результатов. Несколько десятков птиц, принесенных в Службу Защиты Аскерии предприимчивыми жителями, так и не заговорили. Будто издеваясь, они насмешливо гоготали над его сотрудниками. Рэйф всё чаще получал недовольные сообщения от Мистера Гавера на служебный гаверофон. Главный аскериец требовал немедленной поимки говорящей птицы. Но что-то шло не так. Проверенная временем тактика использования Достижений как главного механизма решения проблем впервые дала сбой. Такого раздражения и нетерпимости Мистера Гавера Рэйф не видел никогда. К слову сказать, он вообще никогда не видел Мистера Гавера. Все указания поступали исключительно на гаверофон, и отчеты отправлялись таким же образом. Работа строилась настолько гладко и чётко, что личного контакта не требовалось. Впрочем, он не знал ни одного человека, который бы видел Мистера Гавера воочию.

Рэйф привык действовать. Именно поэтому он вызвал к себе лучшего сотрудника СЗА. Задумчиво подойдя к столу, он налил себе большую кружку зелёного чая и положил в нее половину ложки тягучего мёда. Рэйф любил пить

чай с мёдом и смотреть в окно. Вернувшись к рабочему столу, он заметил, что лучший специалист СЗА – Борни – уже ждал его указаний. Рэйф привык к его внезапным появлениям. Этот сухощавый, небольшого роста человек с дымчатыми умными глазами обладал редким профессиональным умением по-кошачьи бесшумно появляться рядом.

– Борни... – постукивая пальцами по столу начал разговор Рэйф. – Прошла уже неделя, а мы до сих пор не нашли эту глупую птицу. Мистер Гавер крайне недоволен таким положением вещей.

– Разрешите доложить свои соображения, – привычно начал Борни бархатным голосом. – У меня создаётся впечатление, что мы ищем то, чего нет. Наши поиски говорящего гуся начались со слов учёного Керси.

Рэйф отхлебнул чай и с надеждой посмотрел на Борни. Он знал, что этот человек умеет подвергать сомнению факты, которые остальным кажутся очевидными.

– К чему вы клоните, Борни?

– Возможно, учёный что-то не договаривает. Надо бы его еще раз проверить. Есть у меня некоторые мысли, если не сказать подозрения.

– Так проверьте, Борни! И сделайте это немедленно! – воскликнул Рэйф.

Получив приказ, Борни удалился так же неслышно, как и появился.

Керси уныло глядел на себя в зеркало. Большие надежды на прорыв в карьере рухнули в тот момент, когда цель была близка. Дайлон всё чаще зловеще улыбался и косо поглядывал на него. Страх потерять финансирование и расположение Мистера Гавера наслаивался на жуткие воспоминания о зловещей ночи пропажи гуся. Человеческие глаза на гусяной голове и выплескивающаяся отнюдь не гусяная речь из клюва преследовали его теперь каждую ночь. В кошмарных снах созданное им существо с птичьими крыльями, коротким хвостом и человеческой головой носилось за ним по всей Аскерии. Люди толпились на улицах и громко смеялись над Керси. Просыпаясь с колотящимся сердцем и в спутанных, мокрых от пота простынях, учёный боялся сомкнуть глаза. Глотая литрами крепкий кофе и алкоголь, Керси пытался бороться со своими внутренними монстрами. Синяки под глазами и бездонно расширенные от постоянных выбросов адреналина зрачки, плескавшиеся коньячным блеском, состарили его на несколько лет.

– Керси? – чей-то шуршащий голос вытащил учёного из раздумий.

Керси бросило в жар, он медленно обернулся.

– Как вы сюда попали?

– Офицер Борни. Служба Защиты Аскерии. У вас всегда открыты окна и двери? – вопросом на вопрос ответил Борни.

– Я уже всё рассказал вашим коллегам, – сглотнув, помялся Керси.

– Тем не менее, нам бы хотелось уточнить некоторые данные, – спокойно продолжил Борни.

Медленно сев в кресло, учёный застыл в ожидании новых расспросов.

– Насколько мне известно, вы вели засекреченный научный проект. Мог ли кто-нибудь ещё знать о нём? – Борни вытащил гаверофон для записи ответов. Он старался фиксировать не только то, что слышал, но и любую интонацию, каждый жест и подергивание мышц на лице собеседника – всё, что замечали его цепкие глаза и уши.

Керси отрицательно помотал головой, поджав губы. Борни понимающе кивнул.

– Я не сомневаюсь в том, что вы – профессионал. Моя задача – помочь вам в этой непростой ситуации, – внимательно глядя на Керси, успокоил его офицер. – В свою очередь, и я жду от вас помощи.

Измощенный переживаниями Керси чуть подался вперёд. За все эти дни Борни оказался первым человеком, который поддержал учёного, заговорив о помощи. От Борни не ускользнуло изменение в настроении Керси.

– Я был бы вам признателен за ответ на следующий вопрос, – словно прося об одолжении, начал офицер. – Были

ли у вас недоброжелатели, которые могли догадываться о вашем участии в этом проекте?

Постепенно напряжение Керси уступало место доверию к этому человеку. В мозгу учёного мгновенно всплыл образ Дайлона, их разговоры, его ухмылки.

– Да! – разгоряченно воскликнул Керси. – Такой человек есть! Это мой коллега Дайлон.

Глаза Керси заблестели. Учёный понял, что даже в этой ситуации он способен дать твердый отпор своему недругу.

– Прекрасно! – чуть улыбнувшись, проговорил Борни. – Может он вам завидовал? Вы с ним виделись в период эксперимента?

– Да! Мы встречались в Великом Аскерийском Климадо-сте! – затараторил Керси. – У нас состоялся неприятный разговор, мне показалось, что он о чём-то догадывается.

Записав координаты Дайлона и поблагодарив Керси, Борни бесшумно исчез.

Дом странных людей располагался на окраине Лёстничного района Аскерии. Большое белое пятиэтажное здание с толстыми колоннами при входе скрывалось от посторонних глаз за таким же фундаментальным бетонным забором. Для всех достигающих аскерийцев оно служило молчаливым напоминанием о малоприятной альтернативе. Им пугали детей, соседей, нелюбимых родственников и неудачливых сослуживцев. Никто толком не знал, что происходило в его стенах. Оттуда мало кто возвращался, но к тем редким счастливым, сумевшим вырваться на свободу, относились с опаской и недоверием. В Дом странных людей забирали тех, кто не поддерживал слаженную систему Достижений, демонстративно не стремился повышать свой рейтинг. Мудрая Аскерия не давала этим заблудшим людям просто умереть с голоду, надёжно изолируя их от общества.

Гус сидел в своей палате, уплетая вторую подряд миску гречневой каши. Он находился здесь уже почти неделю. Добрые и вежливые люди разговаривали с ним, кормили и выводили погулять. Все текло по чёткому распорядку, и каждая минута была расписана.

Однако в последние дни беспокойство следовало за Гусом по пятам. Где бы он ни появлялся, за ним возникал чело-

век с горбом на спине и сверлил его бесноватым взглядом из-под толстых линз роговых очков. Гус внимательно рассмотрел своего преследователя. Внешнее безобразие и внушительные размеры отличали его от других странных людей. Природа согнула этого человека, невзирая на его большой рост, наделив огромным горбом. Он двигался, толкая свою вытянутую вперед голову с висящими патлами давно не стриженных волос. Большой мясистый нос раздувался при ходьбе. Горбун тяжело, прерывисто дышал, извергая свистящие звуки из своего непомерного рта. Шаги его были размашистыми, неритмичными, но в то же время смелыми и уверенными.

Гус сталкивался с ним на прогулке, в коридоре, видел под своими окнами. И каждый раз Горбун неотрывно смотрел прямо на него. Только закрывшись в палате, Гус скрывался от этого странного, непонятого ему человека.

Каждое утро в одноместную палату Гуса приносили буклеты, содержащие правила нормальной жизни в Аскерии. Он с интересом впитывал всю информацию, попадавшуюся ему на глаза. Вечером всегда в одно и то же время к нему приходил седовласый обходительный человек в белом халате. Гусу нравились эти встречи как единственная возможность с кем-то поговорить.

– Удалось ли вспомнить, где вы живете? – вкрадчиво в очередной раз спрашивал доктор.

– Я же вам уже говорил, что я просто живу, – с улыбкой

отвечал Гус.

Новый пациент немного смутил доктора. С одной стороны, он создавал много сложностей, не давая возможности установить его личность, персональный рейтинг и баланс. С другой стороны, ситуация давала уникальный шанс пропитать этот чистый лист чернилами сладких канонов Достижений, превратив его в идеального жителя Аскерии.

– Что нового вы узнали из утреннего буклета, Гус? – задал свой дежурный вопрос доктор.

Каждый раз в этот момент пациент возбуждался и сыпал странными вопросами, на которые ответ знали даже дети.

– А зачем вообще нужны Достижения?

– Хороший вопрос, – вскидывая брови, доктор начал терпеливо объяснять. – Каждый человек приходит в этот мир, чтобы быть счастливым. Счастье – это большой дом, современный клаер, статус, уважение. Но всё это не приходит сразу, к этому надо стремиться.

Доктор сделал паузу, внимательно посмотрев Гусу в глаза. Дождавшись, когда пациент кивнет головой, он продолжил.

– Понимаете, Гус, необходимо развиваться, ставить цели с самых ранних лет, двигаясь навстречу счастью. Каждый человек в Аскерии при рождении получает отрицательный баланс. Он еще ничего не сделал в своей маленькой жизни, а общество должно уже о нём заботиться. Только слушаясь родителей, он сможет преодолеть первый порог Достижений.

– Но он же совсем маленький! – прервал доктора Гус. –

А уже Достижения?

– Да! Да! Как только ребенок начинает ходить, он попадает в Домик Маленьких Достигаторов, – эмпатийно улыбаясь, продолжил доктор. – Дети, не имеющие замечаний по поведению, исправляют свой отрицательный баланс на нулевой. Послушание – первое Достижение. Там же они могут наблюдать Достижения родителей других детей и помогать своим Достигать того же.

– Это как? – непонимающе замотал головой пациент.

– Очень просто! Дети учат родителей Достигать, затем они и нужны. К примеру, принёс малыш в Домик Маленьких Достигаторов новую куклу! – всё больше увлекаясь рассказом, продолжал доктор. – А ребёнок вечером рассказал про это родителям. У него-то, такой куклы нет. И вот здесь, в этот момент начинает работать мудрая система Достижений. Родители сравнивают себя с другими родителями, и им не хочется быть хуже. Они сделают всё, чтобы у их ребенка была такая же кукла.

– Странно... – протянул Гус. – Получается, что всё работает само собой?

– А вы молодец, Гус! Уловили суть! – воскликнул доктор, похлопав пациента по плечу. – Аскерия заботится о своём подрастающем поколении, поэтому мы даём им возможность перейти на следующий уровень – обучиться правилам счастливой жизни в Климадостах.

– Это что такое? – заинтересованно спросил Гус.

Доктор крикнул, в очередной раз убеждаясь в полной потере памяти пациента. Гус подался вперед словно в ожидании чего-то важного.

– Климадосты – это великая система рождения полноценных членов общества – настоящих Достигаторов. Десять лет! – доктор многозначительно поднял указательный палец вверх. – Десять лет молодые аскерийцы учат правила счастливой жизни. Поверьте, Гус, это великая кузница правильного мышления. Аскериец привыкает делать правильно, слушая и повторяя то, что ему говорят опытные климадостеры.

Правила... Мысли Гуса взбунтовались и запутались, не в силах справиться с нитями и пересекающимися линиями правил и прав. Эти понятия явно не были равны друг другу. Неужели подчиняться чужим правилам и есть счастье? Разве человек может быть свободен, если он закован в чужое счастье? Ведь у каждого оно может быть своё.

– У меня нет никаких Достижений, – перебил его Гус. – Но я счастлив. Почему?

Доктор встревоженно посмотрел на пациента.

– Вы, вероятно, забыли, чему Вас учили в Климадосте. Человек не может быть счастлив, не имея ничего. Он должен быть кем-то и постоянно развиваться, стремясь к вершинам Достижений. В этом и есть смысл человеческой жизни. Вершина в Климадосте – сдать Великий Аскерийский Экзамен, который открывает двери к новому уровню Достижений. С этого этапа начинается самое интересное. Все работают на

благо Аскерии и получают за это гаверы. Рост баланса позволяет приобретать счастье, успех и свободу.

– Рейтинг? – вырвалось у Гуса.

– Умничка! – воскликнул доктор. – Вы отлично изучили утренние буклеты. Подозреваю, что вы хорошо учились в Климадосте. Высокий баланс позволяет приобретать, обозначая свой статус.

Доктор сделал паузу, перевёл дыхание.

– Посмотрите, как живут люди в Золотом районе! Многие, повторяю, многие переехали туда из других районов, а уже успели приобрести по два новых дома, клаеры для каждого члена семьи.

– А зачем два дома одной семье? – искренне не понимая, уточнил Гус.

– Как зачем? – доктор вскочил со стула и заходил по палате. – Вы что, не понимаете? Это же рейтинг, это же положение в обществе, доказательство всем окружающим, что вы состоялись, вы есть!

Грудь доктора тяжело вздымалась, на лбу выступил пот. Было очевидно, что он не просто рассказывал, он верил в это.

– Чем больше приобретений в карточке Достижений, тем выше рейтинг! – продолжил доктор с придыханием. – Но Аскерия мудра! Рейтинг – это динамика Достижений, сколько ты успел достигнуть за определенный период. Вот Кинусы, эта славная семья, не богаче других, но смогла за год пе-

ребраться из Земляного в Серебряный район. Заметьте, из Земляного! – проговаривая каждый слог, вскричал доктор.

Гус испугался напора доктора в этот момент. Страх противоречить пересиливал любопытство. Неужели также и в Климадостах? Неужели там такие же доктора десять лет лечат молодых аскерийцев?

Такие беседы продолжались изо дня в день. Однажды доктор удовлетворенно произнёс:

– Ну вот, Гус, теперь мы можем перевести вас в палату выздоравливающих. Будете общаться с другими аскерийцами и вместе готовиться к правильной жизни.

Гус и не подозревал, к чему приведёт впоследствии это общение.

Борни не любил лишних и пустых движений. Любую встречу с собеседниками он тщательно готовил. Лучший специалист СЗА буквально вгрызлся в содержание тех дней, которые человек прожил до встречи с ним. Идеальных собеседников Борни не встречал. Люди тщательно скрывали свою тёмную сторону Достижений, но он умел доставать осадок нарушенных правил с самого дна человеческой сущности. С наивысшим удовольствием Борни наблюдал, как мечутся пугливые глазки внешне очень успешных людей.

Стоял тёмный промозглый вечер. Профессор Дайлон потными от волнения пальцами пересчитывал толстую пачку новеньких гаверов, сидя в своём клаере на стоянке Великого Аскерийского Климадоста.

– День удался на славу, – победно процедил Дайлон. – Чем больше они дуреют, тем я становлюсь богаче.

Сегодня состоялась очередная защита учёных степеней Великого Аскерийского Климадоста, аттестационную комиссию которого возглавлял Дайлон. Он первым догадался, что аскерийцев интересуют не сами научные открытия, а лишь запись в Карточке Достижений. Все исследования проводили сотрудники его кафедры, за глаза он называл их научными рабами. Но с ними приходилось делиться. Со вре-

менем и сами исследования перестали проводиться, тасовались лишь их былые результаты, перетекая из одной работы в другую и продаваясь налево и направо.

– Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, – спокойно проговорил Борни, кладя руку на плечо Дайлона.

Гаверы застыли в руках учёного. Он вздрогнул и резко обернулся, моментально уткнувшись взглядом в удостоверение офицера СЗА.

– Вот снял наличные в гаверодеме, – помахивая купюрами, стал оправдываться Дайлон. Борни понимающе кивнул.

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов по поводу Керси.

– Керси? – облегченно выдохнул Дайлон, быстро распахивая гаверы по карманам пиджака.

– Что вы знаете о его последнем научном исследовании?

– Нет, нет, мне ничего не известно, – заёрзал Дайлон. – Он работал над каким-то новым проектом. Керси не делится со мной своими разработками, – поджал губы Дайлон.

– Что вы делали в ночь с пятницы на субботу на прошлой неделе?

– Я? – Дайлон сглотнул, – Я был у себя дома.

– Первая неувязка... – Борни не мигая смотрел на учёного. – Ваши соседи видели вас, выходящим в полночь из дома с большой сумкой. Куда вы ходили?

– Я... просто вышел подышать свежим воздухом, – забормотал Дайлон. – Дома душно, понимаете ли...

– С сумкой? Удаляясь быстрым шагом от дома?

– Это клевета! На меня наговаривают! Завидуют все вокруг! – заистерил Дайлон, размахивая руками.

– Завидуют по поводу удачных продаж научных работ в Великом Аскерийском Климадосте? – уточнил Борни.

Дайлон умолк, вытирая платком капельки стекающего со лба пота. Он понимал, что это конец. Живые гаверы, постоянно текущие в его карман, блестящая научная карьера, высокий рейтинг – всё шло прахом.

– Вы спрашивали про Керси? Хорошо, я всё расскажу – залепетал Дайлон. – Только пощадите меня, не рушьте мои Достижения, я всё исправлю!

– Я подумаю. Рассказывайте о Керси.

– Я всё время ненавидел Керси. Ему всегда везло. Достижения валялись на него с неба. А ведь он – полное ничтожество!

– Ближе к сути дела, – прервал его Борни.

– Да, да... В тот вечер я проходил мимо его лаборатории. Через открытое окно доносились восторженные крики этого зазнайки. Между прочим, он упоминал меня. Понимаете? Я имел основание подойти и послушать, что там происходит! Заглянув в окно, я увидел Керси, разговаривающего с гусем. Я подумал, что он сошёл с ума! Следовало немедленно сообщить вам о том, что в его лаборатории творятся странные вещи, которые могут представлять опасность для Аскерии. Я решил вернуться с сумкой, понимая, что возможно придётся

спасать бедных птиц из рук этого сумасшедшего!

Борни поморщился. Вечно эти учёные выворачивались и юлили при встрече с ним. Будь его воля, он бы давно отправил их всех в Дом Станных Людей.

– В тот момент, когда я попал в лабораторию с сумкой, этот научный светила, наклюкавшись, спал пьяный за столом. Я открыл первую попавшуюся клетку, осторожно переложил птицу в сумку и вылез обратно в окно.

– Вы всё-время входите и выходите через окно? – съязвил Борни.

– Вы понимаете, он страшный человек, я боялся его разбудить.

– И где же теперь находится гусь? – задал свой главный вопрос Борни.

– Случилось невозможное! Сумка завопила человеческим голосом. Она беспрестанно повторяла: «Свобода, свобода!» Я выронил сумку из рук, а оттуда продолжались крики. Я собрал всю волю в кулак и приоткрыл сумку. На меня смотрели настоящие человеческие глаза. Вы поймите, у меня случился шок. А этот странный гусь рванулся вперёд и, взмахивая крыльями, улетел...

– Человеческие глаза? – заострил внимание Борни.

– Я понимаю, – заволновался Дайлон, – Это звучит странно. Но я хорошо знаю птиц. Я специалист! У гусей не бывает таких глаз.

Теперь Борни понимал, как пропала птица. Но выяснить

её местонахождение по-прежнему не удавалось.

– Где вы упустили говорящего гуся?

– На окраине Земляного района Аскерии, – поспешно ответил Дайлон. – Но я не виноват, так получилось, я хотел лишь помочь! – начал снова оправдываться он.

– Наши встречи с вами еще впереди. Желаю приятных свиданий, профессор, – оборвал его Борни, что-то отмечая на карте в гаверофоне.

Заходите, Гус! – вежливо проговорил санитар, открывая дверь в палату для выздоравливающих. – Теперь вы будете жить здесь. Вот ваша кровать.

Гус благодарно кивнул санитару и огляделся. Три пары глаз молча уставились на него.

– Добрый день! – вырвалось у Гуса.

Глаза мигнули, после чего все трое, словно по команде, отвернулись к стенке. На стенах палаты висели яркие плакаты. Особо выделялся свеженапечатанный огромный постер с изображением счастливой семьи Кинусов на фоне нового клаера с надписью «Они достигли! А ты?» Плакаты с призывами «Достигай!», «Задумайся о своём рейтинге», «Будь похож на Кинусов!» закрывали все свободное пространство стен.

– А кто такие Кинусы? – бросил в тишину палаты Гус.

Люди высунулись из-под одеял и удивленно подняли глаза на Гуса.

– Победители! Им вручили клаер на Дне Достижений! – лениво ответил длинноносый мужчина с забинтованным пальцем.

– Это те, на кого необходимо равняться! – подтвердил второй мужчина с оттопыренными ушами.

Третий человек с бородой и хвостиком седых волос, перевязанных резиночкой, промолчал, демонстративно закатив глаза.

– Ясно! – ответил Гус, садясь на кровать.

В этот момент в коридоре зазвонил колокольчик, собирая обитателей Дома Станных Людей на завтрак. Трапеза проходила в большой столовой, разбитой на пять открытых зон соответственно уровням выздоровления пациентов.

– Вам на первый уровень! – строго сказал столовский санитар Гусу.

Гус занял свое место за столиком вместе со своими соседями по палате.

– О, а там не кашу подали! – удивился Гус, видя за столиками у окна бутерброды с икрой и бокалы с шампанским.

– Это те, кто на выписку идут! – пояснил Длинноносый.

– А там что? – продолжал интересоваться Гус, обращая внимание на йогурты в ярких баночках.

– Это следующий после нашего уровень! – завистливо отметил Оттопыренные уши.

Синие жирные буквы на белой скатерти их стола кричали яркой надписью «Кто Достигает, тот ест вкуснее». Столовая шумела разговорами, перемежающимися со звуками, издаваемыми настенными экранами.

Гус поднял глаза и увидел ролик с вручением семье Кинусов новенького клаера.

– Опять эти Кинусы! – воскликнул он.

– Они герои! Их вся Аскерия знает! Их сам Мистер Гавер наградил! – многозначительно изрек Длинноносый.

Оттопыренные уши и Хвостатый закивали, уплетая горячую кашу с вареными яйцами.

– А кто такой Мистер Гавер? – вырвалось у Гуса.

Хвостатый поперхнулся и закашлялся. Все трое ошарашенно выпучили глаза.

– Ты что, память потерял? – первым вернулся к разговору Длинноносый.

– Вроде того... – решил не продолжать диалог Гус, положив в рот очередную ложку каши.

Он уже не в первый раз замечал существование неудобных вопросов. Говорить надлежало так, чтобы не вызывать удивление собеседников. Так было проще! Доктор называл это мудреным словом «адекватность». Какое отношение вата имела к этому слову, Гус не понимал. Для соответствия требованиям доктора он даже спрятал в кармане пижамы немного ваты, чтобы быть более адекватным. Попадая в нелепые ситуации, он спасительно нащупывал пук ваты пальцами. Часто это помогало успокоиться и перевести разговор в другое русло.

– А когда мы пересядем за стол с йогуртами? – боязливо вытащил Гус новый вопрос.

– А чем тебе каша с яйцами не нравится? – впервые подал голос Хвостатый.

– Ты надоел нам! Всю дисциплину в палате портишь! –

огрызнулся Длинноносый, тыча забинтованным пальцем в Хвостатого. – Сам уже много лет на первом уровне сидишь и остальным рейтинг зарубаешь!

– Какая разница, что есть! Всё равно в одно превращается, когда из тебя выходит! – продолжал напирать Хвостатый. – Ты что, йогурт видел другим цветом на выходе?

– А где надо смотреть? – непонимающе спросил Гус, на всякий случай пощупав вату.

Сотрапезники прекратили есть и уставились на Гуса.

– Два ненормальных в нашей палате – это очень много! – возмутился Оттопыренные уши.

– Так мы до икры с шампанским никогда не доберёмся! – расстроился Длинноносый.

– Простите, – впервые в своей жизни произнес это слово Гус, оглядев своих сотрапезников.

Уткнувшись в тарелку и доедая кашу, он снова почувствовал спиной пронизывающий взгляд. Догадываясь, что это Горбун, Гус обернулся. Ещё ни разу он не видел его так близко. Чувство страха и беспокойства смешалось с интересом.

– Кто это? – спросил Гус у своих соседей по палате.

– Это местный, Горбун, самый странный из всех нас! – коротко определил Длинноносый.

– Никто не знает, почему он здесь! Он ни с кем не общается – добавил Оттопыренные уши.

– Я пытался поговорить с ним! – сказал Хвостатый! – В ответ получил лишь злобное шипение. Ненормальный, од-

ним словом.

Реплики соседей ещё больше озадачили Гуса.

Ежедневные прогулки в Доме Станных Людей Гус особенно ценил. Запреты отсутствовали, регламент позволял всем контактировать со всеми. По мнению докторов, свободное общение между странными людьми всех уровней ускорило выздоровление.

Гус жадно ловил каждое мгновение. Запах цветущих кустарников пьянил его, унося по тропинкам к дубовой роще. Там он крал редкие минуты единения с природой, когда на время исчезал из зоны видимости дежурных санитаров. Постояв немного у деревьев, он нёсся обратно к людям.

Возле аккуратно подстриженных газонов и чистых дорожек с редкими лавочками неизменно стояли многочисленные яркие баннеры, всё также призывающие к гонке Достижений. Но под ними разыгрывалась иная жизнь, не та, которую уже видел Гус в Песочном районе Аскерии. Прогулка тонула в вязком, тягучем времени жизни местных обитателей, обволакивавшем любое действие неторопливостью и размеренностью. Карманы пижам не были обременены гаве-рофонами, которые странные под любым предлогом отказывались носить с собой, нарочно оставляя их в палатах, столовой и туалетах или забывая зарядить. Тишину нарушало лишь пение птиц и тихие разговоры. Все имели один общий статус – статус странных людей, что ещё сильнее сближало их друг с другом. Поймав взгляд незнакомца, Гус мог запро-

сто поговорить с ним. Он жадно впитывал истории странных людей, всё больше узнавая о жизни в Аскерии.

Однажды, на прогулке, когда он уединился в дубовой роще, сзади послышалось хриплое шипение. Гус обернулся. В метре от него тяжело дышал Горбун.

– Не бойся! Я страшен, я чудовище... Но не опасен для тебя.

– Я не боюсь! – ответил Гус, сдерживая волнение и страх.

– Ты другой! Я за тобой давно наблюдаю! Ты не похож на них! – срывающимся голосом проговорил Горбун. – Я должен поведать тебе свою тайну, – перешёл он на шёпот.

– Тайну?

Двое санитаров показались в начале дубовой аллеи.

– Не сегодня, – прохрипел Горбун, хватая Гуса за рукав.

Гусь пропал! Салли тяжело дышала, облокотившись о дверь сарая. Несколько минут назад соседка сообщила ей главную новость Аскерии: все ищут говорящего гуся. Салли преодолела расстояние от дома соседки до сарая за считанные секунды. Так быстро женщина ещё никогда не бегала. Пятый гусь из сарая исчез.

– Вот, дуралей, упустил гуся, упустил такие гаверы! – шевелила пересохшими от волнения губами женщина.

Салли не сомневалась, что это был именно тот гусь. Но ей никто не верил. Она кричала, истерила, негодовала, встречая многочисленные комиссии, проверявшие её сарай. Конечно, она сама не слышала, как он говорил, но разве это имело значение. Гаверы! Гаверы безвозвратно упущены!

– Он жил у нас! Он просто сбежал! Ищите его рядом с моим сараем, пойдёмте искать вместе! – убеждала Салли проверяющих.

– Много вас таких! Все кричат, что именно у них говорящий гусь! Но никто не может предъявить никаких доказательств! – ворчали члены комиссий, уходя ни с чем.

Жизнь Хониха стала невыносимой. Напряжение не прекращалось даже ночью. Несколько раз жена во сне хватала его за руку с криком: «Держи гуся, Хоних! Хватай его!» Он

чаще стал уходить из дома, переделав все дела, убежал в лес. Там он ощущал покой, наслаждался жизнью. Самое главное, в лесу никто и никогда не требовал от него гаверов. Лес позволял Хониху расслабиться.

Утро нового дня началось привычным скандалом. Подгоревшая каша распространяла неприятные запахи по всему дому. Однако это только раззадоривало Салли.

– Из-за тебя каша пригорела! Сдали бы этого гуся, получили бы кучу гаверов и купили бы нормальный дом! – распекала Хониха жена.

Столько шума из-за какого-то гуся. Все как с ума посходили. Он догадывался, что голый человек в сарае, возможно, связан с этой историей, но предпочитал никому об этом не рассказывать, тем более жене. Свет, исходивший от него, искрился надеждой. Что-то чистое, открытое и искреннее играло свежими красками в этом молодом стройном белокуром мужчине. Он был другой, не похожий на всех остальных аскерийцев. Как младенец, только родившийся на свет и еще не попавший под каток общественных установок.

Хоних с Салли не имели детей. В Аскерии дети являлись таким же Достижением, как и всё остальное. Лозунги «Роди двух сыновей – повысь рейтинг поскорей!», «Три дочки – в карточку Достижений строчки!» побуждали аскерийцев размножаться ради Достижений. Но на Достижения требовались гаверы, которых у Салли с Хонихом всегда не хватало.

Хоних не знал, что такое отцовство, но странное чувство

связи с этим молодым человеком не оставляло его до сих пор. Он даже гордился тем, что дал ему имя. В тайне Хоних надеялся, что Гус находится в безопасности, но с тревогой ждал любых известий о нём.

Офицер Борни поднялся по ступенькам дома на окраине Аскерии. Взявшись за ручку, он застыл, услышав разговор, доносящийся из-за двери.

– Это ведь ты подобрал того гуся! Ты принёс его в наш сарай! Только подумать, у нас в сарае ночевал говорящий гусь! – женский голос разлетался осколками сожаления.

– Говорящий, не говорящий, а глаза у него человеческие, – едва слышно пробормотал мужчина.

Человеческие глаза! Борни понял, что он у цели. Дверь в кухню открылась. Оба собеседника резко обернулись.

– Офицер СЗА Борни, – представился гость. – Вы только, что упомянули о говорящем гусе. Так он у вас?

Салли подобралась и, выпятив грудь вперед, подскочила к Борни.

– У нас, у нас! Вчера говорил, сегодня молчит. Я сама хотела к вам бежать! – быстро сообразив, затараторила она. – Нам полагается вознаграждение!

– Где гусь? – отчеканил Борни.

– Он в сарае! Идёмте скорее! Я его покажу, – Салли трепетала от возбуждения, выталкивая офицера из дома.

Хоних плёлся следом, с удивлением глядя на жену и мало представляя, чем это может кончиться.

Заскочив в сарай первой, Салли истошно закричала. Борни схватился за кобуру с пистолетом. Хоних рванулся вперед, опережая офицера.

На полу сарая лежала мёртвая птица. Салли подскочила к гусю и, тиская мёртвую тушу, зарыдала.

– Родненький! Ещё вчера мы разговаривали! Как же так? За что? – причитала она. – Смотрите, офицер, это он! Тот самый говорящий гусь!

Подняв мёртвого гуся за тощую шею, женщина начал пихать его в лицо Борни.

– Посмотрите же! У него человеческие глаза! Это он, уверяю вас! Что же теперь делать-то? – оттесняя Борни к стенке сарая, завопила она.

Борни отшатнулся. Ну и новости. Что же он теперь предъявит Рэйфу? Да и тот ли это гусь? Хотя сама идея сдохшего гуся ему нравилась больше, чем продолжение глупых поисков. Нет Гуся – нет проблемы. Решительно вытащив гаверофон из кармана, он набрал номер Рэйфа.

– Я нашел говорящего гуся! Он сдох, – доложил Борни.
На том конце связи повисло молчание.

Короткие встречи Гуса и Горбуна в дубовой роще стали регулярными. Промозглая поздняя осень сыпала первыми несмелыми снежинками, таявшими под ногами на прелых опавших листьях. Два странных человека, совершенно разные и нелепо смотревшиеся вместе, прячась от посторонних глаз, сливались с этим островком естества. Всё больше сближаясь, узнавали друг друга. Законы природы не подчинялись ни гаверам, ни Достижениям. Они существовали независимо от придуманных систем. Из рассказов Горбуна перед Гусом открывалась иная сторона жизни Аскерии. Каждый день он подводил его к главному открытию – своей тайне.

Я родился не сказать что в счастливой, но в очень благополучной семье. Мой отец сделал прекрасную карьеру финансиста, работая в Главном Гаверодеме Аскерии. Трагедия моего рождения быстро поутихла. Родители поняли, что мой физический недостаток будет с лихвой компенсирован незаурядным умом. К трём годам я научился читать и считать. В пять лет перед моим упорством пала царица всех наук – математика. Родители хвастались мной, когда я в уме складывал, множил трёхзначные числа.

– У нас гений в семье! – восклицал отец. – Я убеждён, что дети должны достичь большего, чем родители, перерастить их.

Он станет Главным Аскерийским Финансистом.

Матери велели оставаться дома, заниматься воспитанием детей. Появление моей младшей сестры стало второй попыткой отца и матери родить физически полноценного ребёнка. Маленькое, очаровательное чудо с двумя большими белыми бантиками явилось настоящим спасением для семьи. Она завораживала! Её красота ещё больше выпячивала моё уродство. Лишь одиночество на мгновение позволяло мне не сравнивать себя ни с кем. Запираясь в своей комнате, я становился её узником и в то же время освобождался от чужой жалости и отвращения.

Просторное помещение выходило окнами в сад. В раскрытое окно пытались заглянуть пушистые шапки лип. По утрам их запах наполнял комнату и тонко щекотал ноздри, заставляя пробудиться ото сна. Прозрачные шторы цвета топленого молока подрагивали от ветра. Разноцветные игрушечные кубики, конусы, шары и другие геометрические фигуры стояли на полках, стульях, на полу, высились в центре комнаты в виде причудливых башенок и замков. Цифры находились повсюду: на постельном белье и обоях, деревянных прямоугольниках лото, многочисленных красочных книжках и в виде отдельно лежавших пластмассовых изваяний в большой синей коробке. Даже колючий кактус, скромно занимавший своё место на подоконнике, согнулся в виде зеленой шипастой двойки. И только добротный буковый стол был девственно чист. На нём аккуратной стопочкой рас-

полагались тетради для занятий и подточенные цветные карандаши в стаканчике.

Погружаясь в этот яркий мир, я растворялся в нём целиком, забывая о том, кто я есть.

В нашем доме часто устраивали приемы гостей. Отец, как это принято в Золотом районе Аскерии, любил хвалиться своими Достижениями перед многочисленными гостями. Меня усаживали на специально сделанное маленькое креслице, выносили на середину зала и заставляли решать сложные математические задачи в уме. Я никогда не ошибался, срывая восторженные аплодисменты гостей. Они хлопали, отводя глаза в сторону.

Часто у отца бывала женщина с высокой прической, в маленьких прямоугольных очках с золотой оправой. Она хлопала громче всех, но смотрела презрительно и свысока.

– Никогда не думала, что такой ум может сочетаться с такой омерзительностью, – наклонившись к своему мужу, шёпотом, который показался мне громом среди ясного неба, произнесла она.

Всю ночь я пытался спрятаться от этих слов, они меня душили, раздирали, приговаривая к безысходности. Впервые я ощутил силу слов, а не цифр. Цепляясь закорючками за логичные правила, цифры оставались моими единственными друзьями, которые не могли предать. Люди навешивали на других ярлыки, как ценники на выставленную на продажу вещь. Убивали не цифры, убивали слова!

Слова-убийцы рождали во мне ненависть. Зеркала! После этой кошмарной ночи я перебил в доме все зеркальные поверхности, в которых отпечатывалось моё уродство. Это не принесло облегчения. Рассыпавшись на окровавленные осколки, мои отражения множились и смеялись надо мной.

Прижавшись к матери, я долго плакал. Её глаза смотрели печально и задумчиво. Крепко обнимая, и слегка покачивая, она успокаивала меня.

– Я люблю тебя, сынок. Ты особенный, не такой как все, – она гладила мой горб и мягким тихим голосом шептала. – Знаешь, что там? Там растут твои крылья. Крылья твоей души. Доверься им. Делай то, что у тебя хорошо получается. Поверь, наступит время, и ты расправишь свои крылья и высоко взлетишь!

Я услышал слова-надежды. Натянув их как снегоступы, я постепенно выкарабкивался из ущелья, вырубленного словами-убийцами. С этого дня мои занятия математикой приобрели характер остервенения.

Я стал единственным аскерийцем, закончившим Климадост за семь лет вместо десяти. Теперь уже я смеялся над своими одноклассниками, не просто опережая их по всем предметам, а издевательски создавая интеллектуальную пропасть между нами. Великий Аскерийский Климадост запомнился мне восхищёнными, но завистливыми взглядами преподавателей, многие из которых понимали превосходство горбатого студента над ними. Крылья успеха несли меня вперёд, но

всё больше отдаляли от людей. Умственное первенство лишь подтверждало многочисленные фразы отца, которые я впитывал с раннего детства.

– Стремись к вершинам! Но помни, там, на самом верху, ты всегда будешь один. Судьба первого – одиночество, – пытаясь превратить мой физический недостаток в необходимое условие для Достижения, повторял отец.

Мне нравились многие женщины, но их постоянно отворачивающиеся лица не оставляли шанса на построение отношений. Я топил свою нераскрывшуюся любовь в математике, заглушая её цифрами и уравнениями.

Моя карьера развивалась стремительно. Сразу после окончания Великого Аскерийского Климадоста меня пригласили работать младшим специалистом в Гаверодом. Я поражал начальство быстротой действий и мысли. Любые, даже самые сложные задачи получали решение. Я шагал по карьерной лестнице, переступая через две, а то и три ступени. В рейтинге Достижений намечались рекордные для Аскерии показатели, а мой личный баланс рос с каждым днём.

Предсказание отца начало сбываться – вскоре мне предложили стать Главным Аскерийским Финансистом. Я хорошо помню тот вечер, когда сам Мистер Гавер прислал мне электронное письмо на гаверофон:

«Оценивая заслуги перед Аскерией и отдавая должное незаурядному финансовому таланту, предлагаю вам стать Главным Аскерийским Финансистом».

Я летал по комнате, семья ликовала. Мечта стала реальностью. Я ярко представлял себе свою миссию. В моей голове бурлили и сталкивались идеи. Я хотел изменить жизнь Аскерии к лучшему. Математика должна прийти на службу людям. За первые дни я разработал более десятка предложений по оптимизации финансовой системы Аскерии. Отправляя их в электронном виде в адрес Мистера Гавера, я ожидал ответа. Настанет тот день, когда Главный Аскериец вызовет меня к себе чтобы обсудить их. Десятки раз я представлял себе эту встречу. Я мечтал увидеть Мистера Гавера. Проходили недели, месяцы без ответов. Главный Аскериец молчал. Однажды меня пригласил к себе глава Службы Защиты Аскерии Рэйф.

Он стоял спиной ко мне, когда я вошёл в его кабинет. Резко обернувшись, он предложил мне присесть, сам продолжая нервно ходить по кабинету.

– Мистер Гавер просил меня поговорить с вами! – начал глава СЗА. – Вы прекрасный математик, гениальный специалист, но ЗДЕСЬ, в ЭТОЙ должности речь идёт об исполнении указаний Мистера Гавера.

– А что конкретно надо исполнять? – не понял я.

Рэйф остановился, просверлил меня взглядом, не отводя его ни на секунду. Глава СЗА присел напротив.

– Вы что, действительно так и не поняли, в чем состоит система Мистера Гавера?

– Я привык разговаривать языком цифр. Я математик.

Рэйф встал, отошёл к окну, закурил.

– Раз вы математик, то должны понять, что финансы – это главный инструмент управления людьми в Аскерии.

Рэйф достал из стола банкноту с изображением Мистера Гавера.

– Эта бумажка управляет ВСЕМ в Аскерии! Это понятно?

– Я не спорю!

– Так и считайте эти бумажки, не лезьте со своими предложениями к Мистеру Гаверу.

– Но ведь жизнь аскерийцев можно сделать лучше!

Рэйф смял сигару в пепельнице, превратив её в грудку отжившего своё материала.

– Всего доброго, продолжайте свою непосредственную работу, – проговорил он, заканчивая разговор.

Последующие после встречи с Рэйфом дни я болел. Впервые стало очевидно, что вершина, упоминаемая отцом, оказалась не тем местом, о котором мечталось. Суть системы Мистера Гавера оставалась мне непонятной. Не прописанная ни в одном документе, она пропитала всю Аскерию, управляла ВСЕМ, не будучи озвученной. Она доставала из самых глубин человека его комплексы и тайные желания и цинично использовала их, делая поведение большинства легко прогнозируемым. Я пытался говорить об этом со многими людьми, меня никто не понимал.

Миссия оказалось не миссией, я ни на что не мог влиять. Мой мозг пульсировал, готовый к решению задач, но они от-

существовали. Достигнув всего, поднявшись на неприступную для большинства высоту, я оказался близок к профессиональному краху. Привлекательная картинка Аскерии рухнула как картонный домик, рассыпавшись под словами Рэйфа. Я пал жертвой глобальной иллюзии. А теперь и от меня хотели получить исполнительность в копировании множества иллюзий под прикрытием гаверов. Заблуждался не только я, но и все жители Аскерии.

Последней надеждой оставалась встреча с Мистером Гавером. Я хотел с ним поговорить. Это стало навязчивой идеей. Пробриться к нему лично не представлялось никакой возможности. Ум математика наконец-то увидел задачу. Через некоторое время мне удалось разрушить сложные системы защиты и вычислить рабочее место Мистера Гавера, откуда посылались сообщения на служебные гаверофоны.

В то утро шёл снег, островки замёрзших лужиц, ухмыляясь, смотрели на меня расцарапанным морозом узором. Я заметно нервничал. Решать математические задачи оказалось куда легче, чем планировать несанкционированное проникновение в кабинет Главного Аскерийца. Несколько раз я останавливался, смотрел на редкие пролетающие по небу клаеры. Холодный ветер пробирался за воротник. Нужно действовать. Я должен лично ему рассказать. Он поймёт.

Из освещенных витрин магазинов меня провожали пустыми неподвижными взглядами манекены. Упакованные в праздничную блестящую бумагу товары призывно выгляды-

вали из-под ценников. Цифры... Теперь они не казались мне безобидными. Цифровая лихорадка под названием гаверомания опутывала аскерийцев, потуже затягивая узлы несвободы. При этих мыслях все привилегии Золотого района превращались в дешёвую мишуру.

Я шёл, привычно таща свой горб, но с каждым шагом он становился тяжелее, придавливая меня к земле. Богатые дома и кричащие баннерами и огнями рекламы улиц остались позади.

Ветер усилился. Кутаясь в пальто, я продолжал пробираться к намеченной цели. Строящиеся дома и пустыри сменяли друг друга. Наконец, я нашёл его. Невысокое здание из красного кирпича ничем не выделялось среди куч строительного мусора и редких, еще не вырубленных деревьев.

Никаких вывесок. С гулко колотящимся сердцем я достал запрограммированный пластик и приставил его к запертой двери. Сработало. Холл оказался небольшим, пахло затхлостью. Я снял запотевшие очки и размял замерзшие пальцы.

Расстегнув пальто, я огляделся. Справа у стенки громоздился большой пыльный диван. Повсюду стояли горшки и кадки с искусственными цветами. Гигантский аквариум от пола до потолка занимал левую часть помещения. Я подошёл ближе. Ни одной рыбины, ни одного живого существа. Водоросли и коряги уныло застыли в неподвижной мутной воде. Мертвечиной и заброшенностью отдавал каждый предмет.

«Неужели ошибся?» – думал я. Мистер Гавер и запущенное помещение никак не связывались в моей голове. Ум лихорадочно работал, ища объяснение.

В углу зияла чернотой лестница, призывно маня и одновременно пугая. Осторожно ступая по ступеням, я стал подниматься, тревожа слежавшуюся пыль. В тёмном закутке второго этажа меня встретила тяжелая металлическая дверь. Синий свет сочился в узкую щель. Я закашлялся, вытащил баллончик. Мне не хватало воздуха. Переждав приступ, я решился войти. В пустой комнате без окон одиноко мигал бегающими цифрами огромный монитор. Потрясённо я стоял и смотрел на него. Это и есть Мистер Гавер? Система проводов и программ? Машина, безжалостно управляющая Аскерией? Но кто? Кто придумал эту систему? Кто за этим стоит?

Мои размышления прервал шум на первом этаже. Несколько пар ног быстро и шумно поднимались по лестнице. Служба Защиты Аскерии чётко выполняла свою работу. Беседа с разгневанным Рэйфом ничего не прояснила. Я стал опасен для системы, и она меня исторгла, объявив странным, изолировала от правильных, слепо подчиняющихся людей. С этого момента моим пристанищем стал Дом.

Он снял очки. Его глаза вспыхнули болью, но при этом твердо и пристально смотрели на Гуса.

– Так что, Мистер Гавер не существует? – переваривая информацию, спросил Гус.

– Мистер Гавер сидит в наших головах, в каждом из нас, вдалбливая свою систему, ставя шум наших мыслей под свой контроль.

Гус нервно теребил вату в своём кармане.

– Я рассказал тебе свою историю потому, что ты не потерял себя, пока ты ещё человек! А они...

– А они кто? – удивился Гус.

– Они – говорящие вещи, они продали себя за гаверы, забыв свою суть! – Горбун схватил Гуса за рукав. – Не следуй за ними!

– А как же Достижения? Нам говорят, что они делают людей счастливыми.

Горбун хрипло расхохотался, закашлялся, сплюнув в сторону сгусток мокроты.

– Ты правда веришь в эту чушь? Только сам человек может сделать себя счастливым.

Мысли Гуса заметались. Откуда-то из глубины сознания вынырнули забытые ощущения.

– Здесь хорошо промывают мозги! – продолжил Горбун. – Ты хочешь узнать, зачем всё это делается?

– Я запутался.

– Тебя запутали! Пойми, ты нужен им как товар! Они без твоего ведома разменивают тебя. Ты им – себя, а они тебе – право быть среди них, играть в эту игру Достижений.

– Это что, не всерьёз, это игра?

– Это больше, чем игра. Это коллективный сон. Проснуться значит исключить зависимость от Достижений.

Две Аскерии столкнулись в голове Гуса. Одна являла собой яркую глянцевую картинку всеобщего счастья в погоне за Достижениями. Лакированная системой Мистера Гавера, жизнь становилась непрекращающимся соревнованием, результаты которого отражали рейтинг и баланс. Другая представлялась жутким коллективным сном, где человек становился вещью, послушным исполнителем, добровольно отдавшим себя во власть системы.

На большом круглом столе для совещаний Главы Службы Защиты Аскерии лежал мертвый гусь. Рэйф молча обошёл несколько раз вокруг стола, словно убеждаясь в безжизненности птицы. Борни стоял рядом, внимательно следя за перемещениями своего шефа.

– А где гарантии, что сдох говорящий гусь? Тот самый гусь, которого искали? – прервал молчание Рэйф.

– Никаких гарантий, – спокойно ответил Борни. – Я с ним не разговаривал, живым его не видел. Есть только свидетельские показания жительницы Земляного района Салли.

– Так почему же вы так легко поверили в них?

– Потому что нам это выгодно!

Рэйф одарил Борни удивленным взглядом, пытаясь понять идею своего подчиненного. Он не помнил случаев, чтобы Борни говорил ерунду.

– Поясните! – сухо потребовал глава СЗА.

Борни утвердительно кивнул, убеждаясь в том, что именно сейчас настало время изложить суть дела. Он хорошо знал своего шефа и привык делать паузы перед важными частями своего доклада. Опыт их общения показывал, что доложенная с порога информация редко имела успех. Рэйф был не быстр в своих мыслительных процессах, но основателен,

умел ценить хорошие идеи.

– Поиски говорящего гуся затянулись, – неторопливо начал Борни. – Удалось напасть на его след, прочесать весь этот район. Результаты отсутствовали.

Борни сделал паузу, дожидаясь одобрения со стороны шефа. Рэйф кивнул.

– Шансы на то, что мы найдём его там, минимальны. Вероятно, он либо уже улетел, либо действительно сдох, – осторожно предположил Борни.

– В первом случае у нас нет никаких доказательств, никто не видел говорящего гуся улетающим. Во втором случае есть свидетельница.

– И? Что предлагаете? – торопился Рэйф.

– Предлагаю объявить говорящего гуся мёртвым и закрыть дело! – на одном дыхании выдал Борни, встречаясь глазами с начальником.

– А если объявится настоящий говорящий гусь? – принимая «глаза в глаза», спросил Рэйф.

– Сделать его таким же неговорящим, как этого! – Борни указал на гуся, лежащего на столе.

Рэйф задумался, молча подошёл к окну, повернувшись к Борни спиной. Идея ему нравилась. Однако сотрудник СЗА изложил её слишком грубо. Аскерийцам она может не понравиться, не говоря уже о Мистере Гавере. Необходимо дать этой идее хорошую огранку, заключить её в правильную словесную оправу.

– Спасибо, Борни! – не оборачиваясь, проговорил Рэйф. – Усопшего гуся – в холодильник. Вы можете быть свободны.

Борни исчез с телом гуся так же неслышно, как и появился. Рэйф быстро набрал на гаверофоне чей-то короткий номер.

– Сурри! Вы мне нужны прямо сейчас! Есть такая возможность?

В ответ Рэйф услышал согласие собеседника прибыть к нему через тридцать минут.

В ожидании гостя глава СЗА налил себе очередную чашку чая, положив в неё полную ложку засахарившегося мёда. Растворяя сладкие сахаринки пчелиного продукта в горячей жидкости, Рэйф усмехнулся. Вероятно, сейчас Сурри – министр информации Аскерии, предложит ему то же самое сделать с гусиной историей. Сурри умел мастерски смешивать, запутывать, растворять и, как он профессионально выражался, перекодировать информацию.

– Любая информация несёт свой код восприятия! – говорил министр. – Ваши личные коды восприятия, коды масс, толпы – разные. Даже жители различных районов Аскерии имеют отличия в кодах восприятия. Информация как по-настоящему вкусное блюдо должно готовиться с учетом адресата. Буквы необходимо сложить в слова, а слова в предложения таким образом, чтобы мозг проглотил информацию как свою, родную. Отправитель информации реализует свою цель, а получатель её гармонично принимает. Это и есть код.

Мы, Сурри обводил пальцем себя и Рэйфа, готовим код информации, упаковываем его, а наши гаверофоны в роли официанта выносят её в зал, где жадный до чужих мыслей народ уже ждёт новостей.

– А спросить у Мистера Гавера? – уточнял Рэйф.

– Нет необходимости! – утверждал Сурри. – Мистер Гавер управляет процессами, а управлять кодами наша задача. Каждый должен заниматься своим делом.

Однажды, когда Рэйф и Сурри как-то остались одни, глава СЗА не утерпел и задал ему тот вопрос, который давно волновал его.

– А вы когда-нибудь видели Мистера Гавера? Разговаривали с ним?

– Нет! – спокойно, чуть улыбаясь, ответил министр. – Я даже задачи такой никогда не ставил. Система, которую он построил, идеальна. Это вершина управления человеком.

Рэйф поморщился.

– Поймите, Рэйф! Мистеру Гаверу уже не надо лично быть везде самому. Он есть самый правильно сформулированный информационный код Аскерии, – наклоняясь к самому уху Рэйфа, прошептал Сурри.

– Мистер Гавер – информационный код? – вопросительно растягивая слова, проговорил глава СЗА.

В ответ Сурри, поддерживая любимую игру Рэйфа «глаза в глаза», несколько раз опустил и поднял свои ресницы, видимо подтверждая его версию. Рэйф всегда помнил этот

разговор, периодически в мыслях возвращаясь к нему.

В кабинет главы СЗА вошел Сурри. Высокий, стройный брюнет с идеально подстриженной шевелюрой, предстал перед Рэйфом. Редкая седина уже начала пробиваться в волосах министра информации. Сшитый по заказу строгий тёмно-синий костюм из мягкой шерстяной ткани подчёркивал его фигуру. Воротник классической белой рубашки захватывал с двух сторон на загляденье связанный узел неброского, но дорогого синего галстука из шёлка высшей марки. Начищенные до отражающего блеска туфли завершали сладкий вид министра.

– Рэйф! – радостно приветствовал Сурри. – Не поверишь, но наши с тобой энергетические частоты совпадают. – Я как раз думал о тебе, и тут – звонок на гаверофон. Поистине, мысли материальны!

Сурри заразительно улыбнулся. Губы Рэйфа бессознательно растянулись в ответной полуулыбке. Он редко мог противостоять этому демону обаяния.

– Кодировать информацию, чтобы расположить меня к себе? – саркастически зацепил он Сурри.

– Да! А что в этом плохого? – парировал он. – Атмосфера всегда должна быть тёплой и дружественной. Тем более с таким приятным во всех отношениях человеком, как ты.

– Ладно, давай к делу, – отрезал Рэйф, подводя мысленную черту затянувшейся прелюдии.

– К делу! – решительно, без приглашения Сурри занял

место за столом, где ранее лежал мертвый гусь.

– История с говорящим гусем приняла новый оборот! – начал Рэйф.

– Прости, но прерву! – остановил его Сурри. – Этот новый оборот придал ей ты? Постарайся передать мне события в чистом виде, не мешая их с версиями своих агентов и твоими мыслями. Мне необходимы факты, хронология, но не информация, пропущенная через коллективный мозг СЗА.

– Хорошо, – недовольно поёжившись, ответил Рэйф, начиная излагать историю.

Сурри умел слушать. Он кивал, восклицал, играл лицом, успевая при этом делать пометки в своём гаверофоне.

– Могу я задать вопросы? – уточнил министр информации, когда Рэйф закончил.

– Спрашивай!

– Скажи, сколько человек видели говорящего гуся живым и здоровым?

– Трое!

– Какая хорошая цифра! А кто эти счастливцы?

– Учёный Керси, благодаря которому он и заговорил. Его научный коллега профессор Дайлон, которого допросил с пристрастием мой агент Борни. А также Салли, в сарае которой его и нашли.

– Милые люди! Всего три человека. А, с твоей точки зрения, они это смогут публично подтвердить?

– Думаю, да, но, возможно, на них придётся немного под-

нажать!

– Нет! Что ты! Они же наше Аскерийское всё! Они – герои!

Сурри вскочил и нервно заходил по кабинету, разминая пальцы рук.

– Рэйф! Это же великолепно, мы его похороним с почестями! Аскерия будет коллективно плакать. Людям необходимы сильные эмоции как со знаком плюс, так и со знаком минус. А что может быть качественнее эмоций скорби, утраты, потери. На этом фоне любая жизнь в Аскерии покажется просто мёдом.

– А если найдется настоящий говорящий гусь? Если он не сдох?

– Правда всегда одна! Двух правд не бывает. Гусь умер, Аскерия скорбит, траур поглощает всё. Это правила, которые всех устраивают! Более того, видевшие и слышавшие гуся говорящим, возглавляют этот процесс.

– Но правда может оказаться другой – гусь жив! – категорично заявил Рэйф.

– Нееееет..., – замычал указательным пальцем возбуждённый Сурри. – Правда – это не есть факт, правда – это убеждение в головах людей. При правильно сформированной правде другая правда будет травматичной для них.

Рэйф бросил удивленный взгляд на Сурри.

– Да, да, да! – взвился министр. – Люди скорбели, плакали, были убеждены, что он мёртв, а тут оказывается, что гусь

жив. Стресс! Их мозги не могут так быстро переключаться с «мертв» на «жив». Эту новость заблокирует мозг, гораздо комфортней продолжать думать по-старому.

Сурри приблизился к столу и, облокотившись на руки, оказался лицом к лицу с главой СЗА.

– Пойми ты простую вещь! Правда – это правилам «да».

– А кто устанавливает эти правила?

– Тот, кто прав! – вскинул вверх руки Сурри. – Все думают, что жизнь и управление людьми подчиняется сложным законам.

– В любом случае это – система! – попробовал высказать свою позицию Рэйф.

– Да нет никаких систем! – скрестив руки на груди, победно произнёс Сурри. – Следи за моей мыслью.

Министр вернулся за стол, сел прямо напротив Рэйфа.

– Я – прав! В любых вопросах это моё внутреннее убеждение. Я на основании своей правоты устанавливаю правила, провозглашая их правдой, не сомневаясь ни в чём.

– Не факт, что люди начнут эти правила соблюдать! – парировал Рэйф.

– Факт! Девяносто девять процентов людей всегда сомневаются в своих силах, возможностях, мнениях, позициях, они ищут один процент тех, кому подчиниться. На этой математике построен весь мир. Большинство будет всегда, слышишь, всегда подчиняться меньшинству по одной причине: они не возьмут на себя право быть правыми.

Сурри победно смотрел на Рэйфа, зрачки которого расширились в попытке осознать слова министра информации.

– Но, фактически, на месте правды – иллюзия, грамотно сформированная информация, но – иллюзия? – сделал вывод Рейф.

– Ты догадливый! Ты всё понял. Иллюзия слаще правды, потому что она сформирована с учетом всех нюансов восприятия информации. Я знаю, как они думают, и я начинаю управлять этим! – щёлкнул пальцами Сурри. – Люди привыкли к комфорту, а над правдой надо думать. Кто сейчас думает? Не смей меня! Это единицы, да и тех ты поместил в Дом Станных Людей. Остальные предпочтут комфортные мысли голой и неотёсанной правде.

– Ты хочешь сказать, что удастся убедить людей в том, что гусь умер? А если даже всё сложится по-другому, они в это уже не поверят?

– Поверят! Кто-то не поверит, но замолчит, не каждый же сможет сопротивляться мнению большинства. Толпа правит Аскерией, а мы – толпой.

– А если не поверит кто-то из того самого одного процента, который прав. «Я – прав» на «я – прав»!

– О, интереснейшая ситуация, – Сурри потер гладко выбритый подбородок. – Я не исключаю, что когда-то он должен появиться, этот «Я – прав» из одного процента.

– А мы его в Дом Станных Людей! – подхватил его мысль Рейф.

– Не-а, – задумчиво проговорил Сурри. – Не пройдет этот номер с ним.

– Почему? – Рэйф выкатил глаза. – Горбуна же нейтрализовали, помнишь?

– Горбун был зол, он искал ответы на свои вопросы. А тот, кто прав, тот, кто из одного процента, он приходит давать ответы. Он не ищет – он знает. Он не спрашивает – он отвечает.

– Это угроза для системы?

– Не думаю, но это проблема, с которой рано или поздно можем столкнуться.

– Получается, он и несёт настоящую правду, дестабилизирующую всё управление, рушащую прежний порядок?

– Наверное! – Сурри облокотился о свои руки, задумавшись. – Но в этой ситуации всё просто. Одна правда меняется на другую, а система продолжает существовать дальше. Правда – это ресурс для управления людьми, и те, кто прав, всегда договорятся, как его поделить между собой.

– Ладно! Что-то мы отвлеклись! – спохватился Рэйф. – Одним словом, ты поддерживаешь идею похорон гуся?

– Да! Это будут великие аскерийские похороны, грандиозная скорбь, настоящий траур. Я сделаю всё, как надо! Согласую с Мистером Гавером! Но ты должен обеспечить безопасность!

– Возможны неприятные ситуации?

– Не думаю, ты же помнишь, что уже несколько лет мы не

применяем оружие, не прибегаем к насилию, мы управляем мягко и интеллигентно!

– Да, – рассмеялся Рэйф. – Мой пистолет уже, наверное, заржавел.

– Вот и хорошо! Глядишь, и не понадобится снимать ржавчину с оружия! – улыбаясь, поддержал его Сурри.

Едкий запах гари разбудил Гуса. В небольшую щёлку между полом и дверью проникали струйки дыма. Гус вскочил с кровати и распахнул окно своей палаты на пятом этаже Дома Странных Людей, высовываясь наружу. Клубы дыма вырывались из нижних этажей. Окна многих палат были открыты. Люди в панике метались в помещении, многие уже пытались в спешке спускаться вниз. Первые и вторые этажи в правом крыле здания отдельными участками охватил огонь. Темный двор Дома наполнился криками, стонами. Вспыхивающий то тут, то там огонь высвечивал хаотично бегающих людей. Несколько человек в болях корчились на земле, видимо, неудачно выпрыгнув из окон. В темном углу двора, почти рядом с забором, кто-то катался по траве, изрыгая проклятия.

– Что случилось? – просыпаясь, вскрикнул Длинноносый. Хвостатый решительно бросился к двери и распахнул её. Снопы дыма ворвались в палату.

– Пожар! – выкрикнул, закашливаясь, Хвостатый. – Надо быстрее прорваться на лестницу, может, ещё успеем.

Одевая на ходу пижамы, все выбежали в коридор, уже переполненный другими пациентами. Расталкивая всех, Хвостатый нёсся вперед к лестничному проёму. В этот момент в

конец коридора дым окрасился огненными пламенем, стремительно вырываясь навстречу бегущим. Жар огня остановил толпу. Люди, наталкиваясь друг на друга, сгрудились, на момент, став единой массой человеческих тел. Хвостатый развернулся, выделился из толпы. Его красное лицо перекопилось, отражая ужас.

– Назад! – заорал он. – К запасному выходу, на ту сторону коридора.

Расталкивая людей, Хвостатый первый ринулся в указанном направлении. Толпа ошалело подчинилась его решимости и, подгоняемая вырывающимися с лестницы огненными языками, попятилась, разворачиваясь за вожаком. Дверь запасного выхода оказалась запертой.

– Сгорим! – взвыл Хвостатый, налегая на неё всем телом.

– Подожди! Давай я! – проговорил подбежавший к нему рослый и габаритный санитар.

Хвостатый уступил. Разбежавшись, санитар вынес дверь, вылетев вместе с ней на лестничный проём, полностью охваченный огнём. Не имея возможности затормозить, санитар оказался в самом пекле. Огненное пламя, получив очередную жертву, поглотило его. Он пытался встать, но огонь, охватив тело полностью, не оставлял возможности для спасения. Люди вздрогнули от бешеного крика горящего человека. Толпа на мгновение застыла, замороженная испепеляющей силой огня. Ужас приковал их ноги к полу, каждый ощущал свою беззащитность перед остервенело убивающей

всё на своём пути стихией. Треск и шум падающей сверху огненно-чёрной балки заставил людей выйти из оцепенения.

– Все по палатам! – закричал Хвостатый. – Уходим через окна.

Пациенты задвигались, сталкиваясь друг с другом, бросились в палаты. Люди ныряли в первые попадающиеся на их пути помещения, захлопывая за собой двери. Гус рванул на себя ручку ближайшей двери и, залетев в комнату, оказался лицом к лицу с Горбуном. Тот, тяжело дыша, стоял, облокотившись о подоконник.

– Вот и всё! – прохрипел он, глядя на Гуса. – Все они, – Горбун начертил круг в дымном пространстве, – не в силах противостоять огню. Какая бы мудрая система ни управляла Аскерией, но она безоружна перед стихией. Это огонь ада, который пожирает людей, обезумевших от накопительства и сумасшествия из-за гаверов. Дом превратится в факел надежды, заставит аскерийцев проснуться.

В этом кошмаре Горбун казался ещё более страшным. Свистящий кашель периодически вырывался из его груди. Гус заметил, что они в комнате одни.

– Нет! – огрызнулся Гус. – Мы уйдём через окно.

– Я не смогу спуститься по простыням, я очень тяжёлый. Но я помогу тебе, слышишь, я смогу быть хоть чем-то полезен, я смогу держать простыни, чтобы ты спасся.

– Надо не пускать огонь в комнату как можно дольше, тогда у нас будет время, – не слушал его Гус.

Он стягивал простыни с кровати и, смачивая их в раковине, навешивал на дверь, затыкая все отверстия проёма.

Горбун недвижно стоял, улыбаясь, глядя на Гуса.

– Я знал, что ты будешь действовать, когда это потребуются, – проговорил он.

Гус, закончив с дверью, подбежал к окну, распахивая обе створки. Огненная стихия продолжала бушевать. Стены горящего Дома были облеплены людьми, которые на самодельных верёвках спускались вниз. Радостные крики касания с землёй смешивались с воплями падений. В левом крыле Дома Гус заметил человека в пижаме, который спускался по горячей верёвке. Огонь настигал его, но тот оказался проворнее, отцепившись от верёвки в тот момент, когда пламя уже подобралось к его рукам. Тело человека ушло в темноту на уровне второго этажа. Дом тонул в огне, уже вырывавшемся из окон, лишая людей последнего шанса на выживание. Отчаявшиеся люди прыгали вниз.

– Я не брошу вас, мы вместе выберемся, – твердил Гус, придвигая вперёд шкаф, создавая новые преграды для огня.

– Я не хочу туда! Я хочу умереть свободным! Они думают, что это всё их, но они заблуждаются! Погрязли в долгах, купили себе счастье на чужие гаверы. Так и счастье получается не их. Это счастье Мистера Гавера – брызжа слюной хохотал Горбун. – А кто такой Мистер Гавер – бумажка, простая бумажка, за которой нет ничего, пустота! А они, – глаза Горбуна сверкали, выкатившись из орбит. – Рабы этих бумажек.

Плеть умерла. Оружие заржавело. Не нужно убивать, можно купить. Послушные орды, подчиняясь, будут делать всё, что угодно, только ради какой-то вонючей бумажки. Это счастье раба. А я не раб!

– У нас очень мало времени! Смысл жизни в самой жизни! Мы справимся! – крикнул Гус, бросаясь связывать простыни в верёвку и закреплять её за трубу.

Дверь палаты затрещала под натиском огня.

– Вы первый! Спускайтесь скорее! – Гус толкнул Горбуна к подоконнику.

– Нет... Я подстрахую, давай сначала ты! – Горбун твёрдо посмотрел на Гуса, не оставляя возможности возразить.

– Обещайте мне, что спуститесь! – умолял Гус.

– Обещаю... – прохрипел Горбун.

На мгновение они остановились и посмотрели друг на друга, не мигая, в полном молчании. Незримые нити, соединившие их, связались в крепкий узел, продолжая плести паутину судьбы.

Огонь поборол шкаф и ворвался в комнату. Гус рванулся к верёвке, обхватил её руками и начал скольжение вниз. Верёвка натянулась, скрипя узлами. Четвертый... третий... Один за другим этажи оставались позади. Гус посмотрел вниз. В мгновение, преодолев ещё два этажа, он повис на конце верёвки в нескольких метрах от земли. Разомкнув красные пальцы, Гус прыгнул. Не устояв на ногах, он упал, но тут же вскочил. Горбун стоял в окне, в клубах дыма, за-

дыхаясь от кашля.

– Спускайтесь! – напрягая легкие, заорал Гус.

Горбун неуклюже перевалился через подоконник в тот момент, когда языки огня вырвались из окна. Судорожно схватившись за верёвку, он грузно двинулся вниз. С крыши сорвалась горящая балка и, едва не задев Горбуна, рухнула на землю, погребя под собой покалеченных людей. Огненная смерть уверенно подхватывала и уносила с собой обитателей Дома. Пламя не щадило ничего, испепеляя всё на своём пути. Огонь заполнил окно. Простыни угрожающе затрещали. Гус от бессилия сжал кулаки. На уровне третьего этажа тело Горбуна сорвалось вместе с остатками простыни и глухо стукнулось о землю. Гус, отчаянно крича, рванулся к нему. Горбун лежал, раскинув руки, из его рта сочились слабые струйки крови. Жуткий горб, неуклюже вывернутый, казался еще более зловещим и инородным. Из-под него торчала покорёженная дужка раздавленных очков.

Гус склонился над Горбуном, жадно ловя любые его движения. Горбун приподнял тяжелеющие веки. Гудящая тишина заволочла уши. Лицо Гуса расплывалось и рассеивалось вместе с дымом. Два человека посреди пепелища в последний раз встретились глазами. Они провели вместе немного времени, но это были яркие и насыщенные часы так необходимого каждому общения. Энергия жизни Аскерии столкнулась в голове Гуса с протестной энергией Горбуна. Искры этой непримиримой схватки двух идей вызвали настоящий

пожар, не оставляя шанса на выживание ни той, ни другой. Буря огня уже уничтожила часть Аскерии, но и буря протеста тоже не выжила. Горбун хотел сказать что-то ещё, но губы уже не слушались. Тело содрогнулось в последний раз и обмякло. Едкий дым разъедал глаза Гуса. Слезы катились по щекам, рисуя дорожки на чёрном от гари лице. Прежняя жизнь утонула под слоем пепла, крови и боли, умерла вместе с Горбуном. Вокруг бушевала грозная стихия, завершая поглощение всего живого. То здесь, то там стены здания рушились. Пройдет ещё несколько часов, и огонь полностью уничтожит Дом Станных Людей. Огонь существует, пока есть чему гореть.

Пожарные машины ворвались во двор Дома, оглашая громкими сиренами намерение победить пожар. Вода из гидрантов начала своё дело, превращая пламя в обугленные предметы. Человек пытался управлять стихией огня, привлекая воду. Шипение, треск, шум падающих конструкций наполнили двор. Война за остатки стен была в самом разгаре. Война, не имеющая никакого смысла. Война, в которой ни одна из стихий уже не могла победить. Задыхаясь, Гус, собрав последние силы, встал и пошёл к дубовой роще, подальше от этого места. Один. Он шёл, не останавливаясь, слепо ища новый узел своей судьбы. Вырвавшись за пределы территории, Гус обернулся. Чёрные руины Дома Станных Людей мрачно смотрели ему вслед, провожая дымными глазами изменившегося Человека. Свобода. Вот она какая,

оказывается... Свобода от правил и установок, сторовших в пепелище. Конец, незаметно перетёкший в начало. Вытащив из кармана почерневшую вату, Гус решительно отбросил её в сторону.

Рваное осеннее небо нависало над Аскерией. Тяжёлые дождевые тучи медленно плыли по небу, давая узкие просветы солнцу, которое, не смотря на все усилия, не могло пробиться вниз. Временами казалось, что солнца и не существует вовсе. Представлялось, что мир управляется тучами, которые захватили всё пространство неба. Многие опускали голову к земле, теряя надежду на тепло и свет. Но остались ещё те, кто подставлял лицо солнцу, ловя редкие лучи. Привычка жить, не поднимая головы, передавалась из поколения в поколение. Эти люди не замечали тех, кто, несмотря ни на что, видит солнце, греется в его лучах, берёт от него энергию тепла и любви. Люди существовали рядом, но жили в разных реальностях. Одни в сумрачной и холодной, другие – в тёплой и доброй. Язык не помогал. Сообщения одних не доходили до других. Сумрачные не понимали Солнечных. Каждый отстаивал свой мир, сопротивляясь иной точке зрения. Укоренившийся порядок не мешал людям жить вместе, создавать семьи, рожать детей. Со временем Сумрачных становилось больше. Глядя на звездное небо, они учили своих детей тому, что солнечных дней мало, а ночью и вовсе господствует луна. Первое время дети ещё спрашивали родителей про солнце, а потом, не получая ответов, забывали про

него. В те дни, когда солнце всё же появлялось, они уже не замечали его. Эмоции печали побеждали эмоции радости, на место которых приходила жажда Достижений.

Весть о смерти говорящего гуся потрясла всю Аскерию. Ранним утром гаверофоны взорвались печальной новостью. Заголовки газет кричали на каждом углу о том, что говорящий гусь замолчал навсегда. Птичья смерть пришла в Аскерию. Тот, кого искали, тот, кто маячил надеждой на новую и счастливую жизнь, тот, за кого обещали вознаграждение, умер. Скорбь как дань смерти уступила место скорби как потере возможности заработать на поимке говорящего гуся. Неудавшийся коммерческий проект обернулся коллективным провалом, что позволяло переживать его всем вместе.

Аскерия погрузилась в траур, который чувствовался на каждом шагу. Улицы всех районов зачернели флагами. Электрические таблоиды вспыхивали скорбными слоганами «Плачет вся Аскерия! Плачь и ты!». Свет многочисленных прожекторов выхватывал из темноты печальные картины, размещённые на баннерах с изображением женщины в чёрном платке, стоящей на коленях, склонившись над телом умершего гуся. Из динамиков звучала похоронная мелодия, написанная местным композитором.

Траурная процессия брала своё начало в каждом районе Акскерии, стекаясь к центральной площади. Люди, опустив головы, держа в одной руке деревянную фигурку гуся на па-

лочке, а в другой – красную розу, медленно двигались в едином потоке печали. Толпа людей превратилась в толпу деревянных гусей, застывших с открытым клювом, настигнутых несправедливой смертью.

В центре площади, на сцене, взятой в плотное кольцо обезумевшими от горя аскерийцами, стоял громадный гроб с телом сдохшего гуся. Птица лежала на ярко красной подложке из дорогого бархата, раскинув в разные стороны лапы. Рядом стояли трое. Тощая, высокая фигура остроносой Салли как чёрная ворона возвышалась над двумя по-воробыиному напыщенными, упитанными Чертингсом и Керси. Как только площадь наполнилась людьми до отказа, а большие аскерийские часы пробили полдень, к микрофону вышел заведующий канцелярией.

– Аскерийцы! – Чертингс поднял глаза от бумажки на людей. – Позвольте мне в столь печальный день зачитать вам обращение Мистера Гавера.

Толпа послушно молчала, люди жались друг к другу, опустив головы.

– Аскерия в трауре! Скорбь наполняет наши сердца. Сегодня мы хороним не просто гуся, мы отдаем дань памяти герою Аскерии, птице которая, благодаря нашим учёным, совершившим прорыв в науке, сделала небывалый шаг в развитии – заговорила. Нелепая смерть оборвала жизнь гуся. Но это не остановит нас на пути к новым Достижениям. С этого дня гусь – это символ прорыва, символ движения, символ

развития, рывка к новым Достижениям. Даже птицы начинают подтверждать всю гениальность и безальтернативность идеи движения человека к Достижениям. Гусь стал нашим аскерийским героем! – Чертингс приложил руку к сердцу.

Из динамиков зазвучал гимн Аскерии. Толпа дружно взвыла ему в унисон, повторяя известные с детства каждому аскерийцу слова.

– В целях увековечивания памяти погибшей птицы принято решение сделать Гуся символом Аскерии.

Деревянные гуси и красные розы взмыли вверх, площадь загудела.

– Я горжусь тем, что имела возможность общаться с говорящим гусем, – начала Салли, сбиваясь. – Он был таким милым, необычным. Его клюв! – Салли перевела дыхание. – Его клюв так чисто и красиво выговаривал очень важные для нас с вами слова «достижения», «рейтинг», «баланс», «слава Аскерии».

Салли заплакала, достала платок, приложила его к глазам. В толпе послышался женский плач.

– Я счастлива, что слышала, а самое главное, видела его говорящим. Я навсегда запомню эти лучшие минуты моей жизни.

Чертингс, аккуратно взяв под руку, отвёл от микрофона рыдающую Салли.

– Моё сердце дрогнуло, когда я услышал его первые слова! – бодро начал Керси, принимая панихидную эстафету. –

Красный клюв изрёк главное, и это были не привычные для нас слова «мама», «папа». «Достижение» – вот его первое слово!

Толпа оживилась, деревянные гуси снова взмыли в воздух.

– Наша наука не остановится на достигнутом. Благодаря Мистеру Гаверу научный проект будет продолжен. Аскерия увидит ещё не одного говорящего гуся.

Люди заплодировали, удерживая под мышками деревянных гусей и цветы. Траурный марш наполнил всю площадь. Аскерийцы один за другим поднимались на сцену, прощаясь с героем. Инвалид на коляске, подъехав к гробу, прищурился, сравнивая деревянного гуся с настоящим.

– Похож, – многозначительно подтвердил он.

Толпа прошла сквозь сцену и потекла к большому памятнику погибшей птице. Громадный золотой гусь, раскинув крылья и рази-нув клюв, взирал на аскерийцев. Большая буква «Д» красовалась на его груди, символизируя Достижения. Поток людей заструился между лап статуи гуся, усыпая их красными розами. Увлеченные процессом похорон, слившись в единую массу, аскерийцы не заметили чёрный клаер, зависший над золотым памятником.

– Я же говорил, что всё получится! – обратился Сурри к Рэйфу, откидываясь в мягком кресле клаера.

– Да, разыграно, как по нотам! – согласился Рэйф. – Теперь Аскерия имеет собственного героя.

– Молчаливого героя! – усмехнулся Сурри. – Теперь в его разговорчивый клюв мы сможем вкладывать любой код информации. Я обожаю молчаливых героев. Однажды замолчав, они говорят веками такие важные для масс вещи.

В этот момент гаверофоны Рэйфа и Сурри подали сигнал тревоги. Мужчины одновременно схватили их в руки, открывая раздел экстренных сообщений.

«Пожар в Доме Станных Людей» – высветилось на экранах гаверофонов. Испуганные глаза Рэйфа и Сурри встретились, умножая энергию страха.

Сумерки медленно опускались на Аскерию. Сгустки темноты возникали сначала редкими участками, но постепенно овладели всем. Гус шёл по дороге. Его обгоняли санеры, и пролетающие клаеры. Как только нос перестал улавливать запахи гари и дыма, он остановился и огляделся. Большая и ровная дорога, очерченная лунным светом, не оставляла ему вариантов. По обочинам кружил лес, местами переходящий в участки ухоженных кустарников. Впервые, расслабившись, Гус, ощутил полное изнеможение и опустился на землю, под дерево. События последних часов забрали у него все силы. Сон медленно, но верно начал брать своё. Сладкая нега охватила Гуса, погрузив в полную тишину. В начавшемся сне он ясно увидел искажённое болью надвигающееся лицо Горбуна. Уворачиваясь от него, Гус отклонился в сторону. Лицо исчезло, оставив перед ним картину горящего Дома. В окне одной из палат женщина в длинном белом платье протягивала к нему руки, беззвучно прося о помощи. Гус попытался встать, но не смог. Невидимые нити опутывали и держали его. В этот момент огненно яркий свет ослепил Гуса. Женщина в окне рванулась вперед, повиснув в воздухе.

– Беги! – громко и чётко произнесла она.

Гус открыл глаза. Звуки сирены и сильного света, падаю-

щие сверху, выхватили его из сна. Огромные клаеры нависали над дорогой. Воздушные машины шарили прожекторами по обочинам. Поддавшись инстинкту бегства, Гус вскочил и рванул в сторону леса. В этот момент свет вырвал из темноты его силуэт, растворяющийся в чаще. В клаере заметили беглеца. Воздушная машина опустилась на дорогу. Офицеры СЗА высыпали из клаера и бросились за бежавшим.

Пробиваясь сквозь ветки деревьев, Гус несся вперёд, не видя ничего перед собой. Зубы стучали от пробирающего холода. Сзади всё трещало, скрипело, клокотало. Страх преследования поглотил его. Он не знал, кто гонится за ним, не видел их лиц, даже не мог понять, сколько их. Страх перед людьми оказался сильнее страха перед огнём, тая в себе неизвестность. Спина Гуса взмокла, глаза отказывались ориентироваться в пространстве, только слух обострённо фиксировал сзади звуки погони. Дыхание сбивалось, он жадно выхватывал ртом воздух, ощущая губами вкус крови от поцарапанного ветками лица. Напролом, сквозь чащу леса, он бежал вперед, движимый инстинктом спасения. Звуки сзади начали стихать, Гус впервые обернулся и остановился, тяжело дыша. Вдалеке разрывались воем сирены, лучи огромных прожекторов теребили тёмные участки неба, вспыхивая нервными линиями. Гус сполз вниз, на землю, облокотившись о дерево. Дыхание медленно восстанавливалось, сердце сбавляло бешеный ритм, глаза начали различать в темноте очертания леса. Луна безмолвно и холодно показывала

ему на десятки метров вперёд лишь стволы деревьев с раскиданными в стороны ветками, да торчащие из земли кусты. Он благодарил лес, который только что спас его от погони людей, укрыв, сделав невидимым, дал возможность слиться с ним, стать его частью.

Среди деревьев едва различимо блеснули электрические огни. Мелкие точки мигали слабо различимым светом. Напрягшись, он резко встал и двинулся вперед. Слабая ходьба сменилась нарастающим бегом. Он подумал о том, как быстро меняется ситуация. Ещё несколько минут назад он бежал от света в темноту, а теперь движется к огням, забыв об опасности. Постепенно мелкие точки приобретали очертания одноэтажных деревянных домов. Электрические огни вблизи стали светом в окнах. Гус остановился в нерешительности. Только дорога отделяла его от ближайшего дома. Выходить из спасительной чащи или дальше оставаться в лесу? Беглец остановился у последнего перед дорогой дерева. Калитка, дом, рядом на дороге большая лужа. Где-то он уже это видел. Картинки забегали в голове Гуса. Вот он, одетый в свою первую человеческую одежду, выходит из этой калитки, провожаемый добрым взглядом Хониха. Радостный возглас вырвался из его груди. В нескольких десятках метров перед ним оказался дом Хониха и сарай, подаривший ему человеческую жизнь. Такую неоднозначную, странную, но, безусловно, яркую и насыщенную.

Гус, собрав последние силы, пересёк дорогу, обогнул лу-

жу и открыл калитку. В этот момент дверь дома отворилась, и на порог вышел человек. Гус остановился. Человек, замешкавшись около двери, вернулся в дом, но тут же появился снова, держа большой фонарь. Вспыхнул луч света. Он зазмурился, закрывая рукой расцарапанное лицо.

– Ктой там? – раздался знакомый мужской голос. – Ктой в такую темень?

Без сомнений, перед ним стоял Хоних. Радостное волнение охватило Гуса, губы начали что-то шептать в надежде, что он найдет силы и сможет ответить человеку, который стал для него спасением. Силы оставляли Гуса. Организм птицы, ставшей человеком, сделал всё, что мог. Тело обмякло и повисло, опершись о калитку. Хоних, оставив фонарь на крыльце, ринулся, подхватывая его.

– Я знал, что ты вернешься! – тихо и уверенно шептал Хоних. – Сынок, я знал, что мы ещё увидимся.

Тускнеющее сознание Гуса вспыхнуло последними силами. Слух, исправно служивший ему весь день, не мог обмануть его. Хоних назвал его сыном.

– Вы сказали сын? – шевеля пересохшими губами, переспросил Гус.

– А ктой ещё? – улыбнулся Хоних.

Гус очнулся в мягкой и тёплой постели. Яркие лучи солнца пробивались сквозь крохотное окно под потолком. Небольшой закуток вмещал в себя лишь топчан. Рядом на табуретке стояла чашка с парным молоком и горячим, свежеспечённым хлебом. Только сейчас он понял, как сильно проголодался. Зажмурившись, он с наслаждением отпил молоко и, взяв обеими руками горбушку хлеба, стал жевать. Вытерев молочные усы рукавом чистой рубахи, он устался на дверной проём. На него, облизываясь, завистливо смотрел большой рыжий кот. Настороженно мяукнув, он подошёл поближе и запрыгнул на одеяло. Гус улыбнулся и погладил мягкую шерсть кота.

– Я смотрю, ты уже познакомился с Еськой. – глаза Хониха мягко лучились. – Оклемаюсь?

– Да! – бодро ответил Гус, ощупывая новую белую холщовую рубаху. – Опять меня одели?

– А то! – Хоних довольно повёл плечами. – Почти чтой костюмер твой.

Гус виновато опустил глаза.

– С пожара? – спросил Хоних, садясь рядом на топчан.

– Да, а вы знаете?

– Знать не знаю, но видел. Зарево такое огненное по небу

металось. Чай, не без глаз.

– Там всё сгорело, пепелище только осталось, погибли многие.

– Оно понятно, когда огонь меры не знает, жди горя. Хоних опустил глаза, покачал головой.

– Что дальше-то делать думаешь? – спросил он Гуса.

– Не знаю. Жить планирую, просто жить!

– Ой ли! Хорошее желание, я тебя понимаю. Только просто так жить в Аскерии не получится. Чтой-то делать придется, чтобы гаверы в кармане водились. Ты уже это понял?

– Говорят, что это стать рабом гаверов...

– Ишь ты, как красно выражаются! Рабом, не рабом, а других вариантов нет. Холщовая рубаха, которая на тебе, тоже гаверов стоит.

Гус потупил взгляд и замолчал. Игра, в которую ему так не хотелось играть, насильно навязывала свои правила.

– Ты не обижайся на меня и не горячись, – начал Хоних. – Жить и спать можешь здесь. А вот на работу я тебя пристрою. Жена у меня жадная до гаверов... Выгонит нас обоих, и глазом не моргнёт.

– А где она сейчас?

– Салли? Да тут история дурная приключилась с гусями в нашем сарае. Так Салли решила на этом обмане гаверов заработать. Да таких гаверов, что мне и не снилось.

– Гаверы на обмане?

– А то! Трудом-то можно сколько их заработать? Ездит

сейчас по всей Аскерии да сказки про гусей рассказывает. Не было у нас никакого говорящего гуся. Я тут, давеча, одного на дороге нашёл. Вот глаза у него странные, человечьи, как у тебя вот. А чтобы говорил – я не слышал.

Хоних пытливо посмотрел на Гуса. Его сердце забилося, готовое выскочить из груди, капельки пота выступили на лбу.

– Ладноть, пойду до пекарни нашей, поговорю насчёт тебя! – проговорил Хоних. – Помощником пекаря пойдёшь работать?

– Пойду, – ответил Гус, переводя дыхание.

Чёрный клаер Рэйфа подлетел к ресторану «Золотая Асерия». Именно здесь по традиции решались самые важные дела. Скрытая от любопытных глаз крепкая дверь со двора, без опознавательных знаков вела в Райский зал ресторана. Рэйф любил приезжать на закрытые совещания первым, до того как всё начнётся. Электронный пропуск издал привычный звук, открывая главе СЗА тяжёлую бронированную дверь. По привычке Рэйф оглянулся, отмечая обстановку на улице.

Поднявшись по большой, монументальной лестнице на второй этаж, Рэйф прошёл в Райский зал. Звуки стихли. Обивка стен из темно-малинового бархата сглаживала посторонние шумы, окончательно угасавшие в густой драпировке штор, занавешивающих огромные окна. Ковёр поймал ноги Рэйфа, погружая их в высокий шерстяной ворс. Глава СЗА опустил в мягкое кресло.

Тишину прервал министр информации, резко распахнув двери.

– Рэйф? Ты уже здесь? – врываясь в Райский зал, воскликнул Сурри. – Никогда не удаётся приехать раньше, всегда ты впереди на шаг, на секунду! А, коллега?

Рэйф кисло в улыбнулся, как обычно, проседая под на-

пором Сурри.

– Жучки? Прослушка? Или как там у вас это называется? – демонстративно оглядывая зал, продолжал министр.

– Не волнуйся, всё чисто, если ты серьезно об этом, – спокойноотреагировал глава СЗА.

Сурри присел за стол, на своё привычное место рядом с Рэйфом.

– Что думаешь о последнем сообщении Мистера Гавера? – наклонившись к главе СЗА, почти шёпотом спросил Сурри.

– Что-то пошло не так! – поморщился Рэйф. – Система начала давать сбои. Я об этом давно предупреждал.

– М-м-м, – округляя глаза, причмокнул Сурри.

Двери распахнулись. В зал вкатился круглый человек с двумя лоснящимися подбородками и выпирающим вперед животом. Горчичного цвета костюм едва застегивался на его необъятной, похожей на мячик фигуре. Главный Аскерийский Финансист кивнул коллегам, извлекая из штанов уже мокрый от пота платок.

– Фертон! – воскликнул Сурри. – Как хорошо, что вы снова с нами!

Фертон усиленно закивал, пытаясь изобразить на своём лице улыбку.

– Где ж мне ещё быть, – шурясь, промямлил он, присаживаясь на краешек кресла.

Следующим в ресторане появился министр науки и климатостов Астер. Чуть приоткрыв одну створку двери, этот

маленький лысеющий человек хрупкого телосложения проскользнул в Райский зал.

– Всем доброго дня! – проговорил Астер тихим голосом, поправляя очки в золотой круглой оправе на своём вытянутом вперёд носу.

Присутствующие поприветствовали Астера, а Сурри впервые удержался от свойственной ему эмоциональной реакции. Министр науки и климатостов взобрался в кресло, казавшееся для него огромным. Райский зал надолго погрузился в тишину. Фертон усиленно протирал платком струящийся по щекам пот. Рэйф нервно постукивал пальцами по столу. Сурри мечтательно откинулся на спинку кресла.

Заведующий канцелярией Чертингс прошествовал за стол, как всегда, подчёркнуто официально.

– Добрый день! – сухо поздоровался он с коллегами, усаживаясь.

Чертингс не выделял полуофициальные мероприятия среди прочих.

– Всё это работа, – говорил он. – Что за обедом, что в сауне! Работа есть работа.

Пятеро мужчин по-разному выражали нетерпение по поводу начала обеда. Голод давал о себе знать. Фертон нервно облизывал губы, продолжая унимать платком струящийся пот. Астер периодически бросал робкие взгляды на дверь, откуда обычно появлялись официанты. Рэйф продолжал отбивать пальцами дробь голодного человека, бросая гневные

взгляды по сторонам.

– А всё-таки хочется есть! – первым прервал молчание министр информации, выходя из задумчивости.

– Как всегда ждем министра строительства! – ответил ему Рэйф. – Никогда человек не может уложиться в сроки.

В этот момент дверь распахнулась. Оставляя её открытой, крепкого телосложения мужчина с гладко выбритой головой погрузился за общий стол.

– Приветствуем вас, Руб! – отвесил учтивый полупоклон Сурри. – Вы кушать будете?

Руб крикнул, закивал головой собравшимся.

– Ну и славненько! – подытожил Сурри. – Дела делами, а обед по расписанию. Официант!

Официанты, а вернее сказать, пара, официант и официантка бесшумно появились перед столом, разложили меню и замерли в ожидании заказов. Классический приталенный ярко-жёлтый костюм идеально сидел на официанте. Короткая синяя юбка официантки и её белая блуза с большим вырезом впереди произвольно в первые секунды отвлекли мужское внимание от меню. Сурри даже тяжело вздохнул, с сожалением переводя глаза на перечень блюд. Безучастным остался только министр науки и климатостов, сразу начавший изучение вкусовостей.

– А можно пояснить мне, – улыбнулся Сурри официантке, указывая пальцем на позицию в меню. – Форель в фирменном соусе...

Официантка улыбнулась и, подойдя, услужливо наклонилась к министру информации. Руб, сидевший рядом с Сурри, повернул голову и уставился на её декольте.

– Да, фирменный соус, потрясающе вкусный! – ответила официантка, встречаясь глазами с Сурри.

– А из чего он? Ну, какой он: сладкий, кислый? – не унимался Сурри.

– Кисло-сладкий! – расплылась в улыбке официантка. – А состав – это секрет шеф-повара.

– Вот оно что! – воскликнул Сурри, оглядывая стройные ноги официантки. – Секрет шеф-повара!

– Ерунда какая-то! – отозвался Рэйф. – Не может быть никаких секретов у шеф-поваров. Так мы доиграемся до того, что Служба Защиты ничего знать не будет!

– Да ладно тебе, Рэйф! – парировал Сурри. – Хоть кто-то в Аскерии может иметь от тебя секреты? А, Фертон?

Главный Аскерийский Финансист поперхнулся, закивал, выдавливая из себя улыбку, продолжая протирать на лице непрекращающийся пот.

– Я буду форель с секретом шеф-повара, да ещё салат министерский с малосольными огурчиками! – сказал Сурри.

Присутствующие сделали свои заказы. Официантка продолжала дежурно улыбаться, официант, поддерживая общий тон, в полуулыбке кивал головой. По правилам Райского зала заказ принимался официантами на память, но ни разу никто из них не забывал и не путал блюда. Говорили, что мозг

официанта мог удерживать в памяти до сорока позиций.

– Будете что-то пить? – уточнил официант.

– О, да! Мне Аскерийское вино «Премиум»! – отозвался Сурри.

– Минеральная вода, – сделал выбор министр науки и климатов.

– Коньячок! – виновато проговорил Фертон.

– Аскерийка! Графинчик! – отчеканил министр строительства.

– Аскерийка! – поддержал Руба Рэйф.

– Чёрный чай с лимоном! – сказал Чертингс. – С половинкой кусочка лимона. При этом не забудьте положить мне два кусочка сахара на блюдечко, рядом с чашкой.

– В прикуску пьёте? – осведомился Сурри.

– Да, знаете, не смешивая! – подтвердил Чертингс.

Официанты удалились.

– Господа! – начал серьезным тоном Сурри, когда дверь за официантами закрылась. – Сегодня нам необходимо решить один важный вопрос.

– Да! – поддержал его Рэйф, пытаясь бороться за инициативу. – Речь пойдет о Доме Станных Людей.

– Мистер Гавер просил нас выработать план нормализации ситуации! – взял бразды управления совещанием в свои руки заведующий канцелярией. – Я хотел бы доложить всем присутствующим текущую ситуацию.

Рэйф просверлил глазами Чертингса, но промолчал. Сур-

ри улыбнулся и зачем-то подмигнул Астеру. Главный по науке и климадостам по-девичьи опустил глаза, начав разглядывать собственные пальцы. Остальные устремили взгляды на Чертингса в ожидании информации. Заведующий канцелярией неторопливо надел старенькие очки, достал из портфеля зеленую папку из крокодильей кожи, важно открыл её, передвинул очки на кончик носа и принялся читать.

– Пожар уничтожил старое здание на восемьдесят процентов, сохранившаяся часть не подлежит восстановлению. Необходимо запланировать строительство нового Дома Странных Людей.

– Смету уже составили! – бодро отозвался Руб.

– Эти расходы не предусмотрены в бюджете! – отреагировал Фертон.

– Да ладно вам, Фертон! Ваш бюджет, – это ваш печатный станок! Напечатаете! – саркастически заметил Сурри.

– Прошу тишины! – вскипел Чертингс. – Я никому не давал слова. Сначала я закончу чтение итоговой записки, а потом попрошу вас высказываться, коллеги! – навёл порядок заведующий канцелярией.

– Особую тревогу вызывают странные люди, часть из них разбрелась по Аскерии и ещё не поймана! – Чертингс бросил взгляд из-под очков на присутствующих, остановив его на Рэйфе.

Глава Службы Защиты сжал правую руку в кулак, напрягшись, но снова промолчал, выполнив просьбу Чертингса о

тишине.

– Более того, собранные в палаточные городки странные люди снова растекаются по всей Аскерии! Санитары лагеря не успевают контролировать всех. Это приводит к тому, что многие странные периодически покидают лагерь. – Чертингс сделал секундную паузу. – Самое печальное, что они попрошайничают, пугают аскерийцев своим видом.

– Предлагаю окружить лагерь вооруженной охраной из сотрудников СЗА! – не выдержал Рэйф.

– Как только появляется вооруженная охрана, так начинается стрельба! – всплеснул руками Сурри. – Мы не можем допустить насилия!

Наступила тишина, вызванная перелистыванием Чертингсом страницы доклада.

– Сколько же лет оружие не стреляло в Аскерии? – забывшись, проговорил Руб.

Чертингс одарил главного строителя гневным взглядом.

– Наберитесь терпения, коллеги! – отреагировал он. – Надо отметить, что ситуация осложняется ещё и тем, что к попрошайкам присоединяются обычные жители Аскерии. Это ставит под угрозу идею Достижений.

– Конечно! – вмешался Руб. – Зачем же Достигать, если можно выпросить?

– Вот именно! – согласился Чертингс. – Надо как-то запретить аскерийцам раздачу гаверов. Не должны люди делиться своими Достижениями.

– Как же её запретишь? – хмыкнул Рэйф. – Только оружие налагает на всех гарантированный запрет.

– Наравне с этим хотелось бы отметить, что какую-то часть сбежавших странных людей удалось задержать и разместить в одном из помещений климадопта – интернате №13, – продолжил Чертингс, игнорируя Рэйфа.

В этот момент в дверях возникли официанты, неся на подносе заказанные блюда. Запахи разнообразных видов мяса, птицы, рыбы, печёного картофеля, овощей смешались в единую воздушную волну, которая увлекла обоняние присутствующих. Мужчины оживились. Чертингс невозмутимо поднял официальный взгляд из-под сдвинутых на нос очков, пригвоздив официантов на половине пути к столу.

– Господа! – он взглянул на огромные наручные часы с гигантскими стрелками. – Прошу подождать пять минут, а лишь потом внести блюда в зал.

Глаза присутствующих налились возмущением. Официанты послушно, быстро сделав поворот в сторону двери, удалились.

Мистер Гавер просит нас принять решение по следующим вопросам, – Чертингс повесил в воздухе очередную голодную паузу. – Первое. До момента окончания строительства нового Дома Станных Людей необходимо отловить всех странных и примкнувших к ним, организовать ещё одну площадку для их размещения. Второе. Важно определиться с мероприятиями по прекращению попрошайничества.

Пять пар голодных глаз молча смотрели на Чертингса, немая мимика и жесты сигнализировали заведующему канцелярией о необходимости обеда.

– Пока мы кушаем, – наконец-то уловив ситуацию, заявил Чертингс, – необходимо обдумать свои предложения и высказаться. Начнём со второго вопроса.

– Официант! – второй раз за день сделал попытку Сурри. Официанты в момент возникли у стола, расставляя заказанные блюда перед гостями. Райский зал наполнился вилочно-тарелочным шумом. Рэйф разрывал на мелкие куски говяжий стейк, кладя его части в рот, попутно захватывая смятые вилкой листья салата. Сурри педантично орудовал ножом и вилкой, отделяя маленькие форелинки от большой дымящейся рыбины. Астер виновато смотрел на бифштекс, налегая на жареный картофель, видимо, оставляя мясное на

финал. Чертингс неторопливо помешивал вилкой содержимое своей тарелки, делая жадные глотки чая с лимоном. Руб опустошал уже второй стакан аскерийки, бодро бросая в рот по несколько кусочков мелко нарезанной селёдки. Фертон изящно перебирал вилкой, словно считая кусочки бифстроганов, клал их в рот и по-гурмански поднимал глаза в потолок. Первая волна насыщения наступила минут через десять после начала обеда.

– Прошу высказываться, коллеги, – повторил свой призыв заведующий канцелярией. – Начинаем с попрошайничества.

– Я молчал! – начал Рэйф, отодвигая от себя пустую тарелку и завершая налитый полный стакан аскерийки. – Но теперь хочу сказать!

– Минуточку, господа! – прервал его Сурри. – Пока всё не началось, предлагаю наш традиционный тост. Нельзя нарушать традиции. Именно благодаря им Аскерия процветала, процветает и будет процветать. За Мистера Гавера!

Как по команде все присутствующие вскочили, обновили бокалы и, чокаясь, слились в едином звоне хрусталя.

– Все мы обязаны Мистеру Гаверу замечательной идеологией Достижений, которая делает счастливыми аскерийцев! – выпалил Сурри. – Более того, господа, заметьте, исключая насилие, любое, в любом виде.

С этими словами он схватил графин с аскерийкой и до краёв наполнил бокал Рэйфа.

– Дружище, и всё благодаря тебе в том числе! – обратился

Сурри к Рэйфу, кладя руку на его плечо.

Рэйф округлил порядком запяневшие глаза.

– Предлагаю по второму вопросу следующее решение! –

Сурри сделал паузу, ловя вопрошающие взгляды.

– Я же начал! – вмешался Рэйф, отодвигая стакан.

– Конечно! – поддержал его Сурри. – Я просто подхватываю эстафету от тебя. Так вот, я предлагаю активизировать разъяснительную работу среди пойманных странных, разработать памятки правильного поведения.

– Не согласен! – взорвался Рэйф. – Попрошайничество – это результат нашего соплежевания. Прошу согласовать крайние меры.

– Мы не принимали крайних мер уже много лет! – вмешался Чертингс. – Все уже и забыли, что это такое...

– Во-о-от! – протянул Рэйф, потрясая рукой. – А теперь настал этот момент! Я знал, что он придёт, предупреждал об этом. Просил финансирования для СЗА. Так нет, Вы все меня не поддержали, а теперь, когда ситуация вышла из-под контроля, стала критической, смотрите....

– Что предлагаешь, какие крайние меры? – прервал его Руб, осушая очередной стакан аскерийки.

Все уткнулись в свои тарелки. Сурри внимательно посмотрел на Рэйфа. Несколько секунд мужчины бросали колкие взгляды друг на друга. Каждый знал, как дорого может стоить каждое сказанное слово и какие последствия бывают от действий, вызванных этими словами.

– Послушай, Рэйф! – Сурри подался вперёд. – Не торопись именно сейчас говорить. Мы все уважаем твою точку зрения, догадываемся, что ты сейчас скажешь. Убийство – это сначала всегда слово, не надо его сейчас произносить, окрашивая эмоциями идеи о бесконтрольности ситуации. Просто дай мне шанс поработать со Странными привычными мерами. Если ты окажешься прав, и моё предложение не сработает, я посыплю голову пеплом, открывая дорогу крайним мерам.

– Что по этому поводу думают другие? – не давая предложению Сурри перерасти в спор с Рэйфом, вмешался Чертингс.

Взгляды остальных опустились.

– Прошу высказываться по кругу! – управлял ситуацией заведующий канцелярией. – Вам слово, Астер.

– Я... Я... – начал, заикаясь, министр науки и климатов. – Я не специалист в этих вопросах. Могу только сказать, что большинство обитателей Дома Странных Людей ещё обучаясь в климатосте не вызывали у нас восторга.

– Вы какое предложение больше поддерживаете? – не отставал Чертингс.

– Налейте ему ещё минералочки! – разрядил обстановку министр информации, указывая в сторону Астера.

– Не сбивайте ход решения, Сурри! – отреагировал заведующий канцелярией.

В это время в дверях возник официант с очередной порцией заказанных блюд. Астер облегченно вздохнул. Вынужденное молчание повисло в воздухе.

– Я что хочу сказать! – стихийно взял слово Руб, когда официант исчез за дверь. – Надо честно признаться, мы первый раз в такой ситуации, когда мнения разделились. У нас раньше всё принималось единогласно. У нас даже нет механизма решения таких проблем.

– Вы за кого? – вперив в него твёрдый взгляд, спросил Чертингс.

– Я за правильное решение! – не мигая, ответил Руб.

– Вот это умно! – воскликнул Сурри, снова хватая графин с аскерийкой и подливая в бокал главного строителя. – Нам необходимо принять правильное решение. Слышишь, Рэйф, – обратился он Главе СЗА. – Помнишь, я говорил тебе про тех, кто прав?

Рэйф откровенно поморщился, вспоминая их разговор. В этот момент его просто выворачивало от слов, он хотел действовать.

– Не надо забалтывать ситуацию! – огрызнулся он. – Я по-прежнему предлагаю действовать.

– Отличное предложение! Действий от нас ждет Мистер Гавер! – согласился Сурри. – Коллеги! По-моему у нас созрел план! Пункт номер один – это разъяснительная работа среди странных; пункт номер два – это крайние меры, предлагаемые нашим уважаемым коллегой. Предлагаю голо-

совать за комплексный план Сурри-Рэйфа.

– Поддерживаю! – рявкнул Руб, осаждая очередную попытку Рэйфа возразить.

– Явная экономия финансов! – высказался Фертон.

Чертингс в очередной раз остановил взгляд на Астере, который вцепился двумя руками в стакан с минеральной водой.

– Вы за это предложение? – спросил Чертингс.

– Я? – отреагировал министр науки и климатодостов, уставившись на пузырьки минеральной воды. – Я воздержусь!

– Правильно! – взревел ободрённый нейтралитетом Астера Рэйф. – Он понимает, что я прав, просто уступает мнению большинства.

– Вы против, Рэйф? – уточнил Чертингс.

– Да! Я против! – Рэйф обвел всех присутствующих ключим взглядом. – Ситуация требует вооружённой охраны, чтобы избежать вовлечения в конфликт большого числа аскерийцев.

– Да как вы не понимаете, Рэйф! – не вытерпел Сурри. – Использование оружия не имеет обратного хода, оно меняет поведение людей, включая механизмы страха. Люди не должны бояться! Применение оружия страшно не для тех, против кого мы его применяем, а для всех остальных. Идеология Достижений и оружие несовместимы.

– Поддержу! – вторично высказался Фертон. – Применение оружия потянет за собой дополнительные расходы, а ситуация и без того сложная.

– Расходы будут больше, если ситуация обострится! – заорал Рэйф. – А положение у вас сложное, потому что вы бесконтрольно печатаете гаверы, раздаёте их направо и налево, потопили всю Аскерию в бредитах.

– Управление с помощью бредитов лучше, чем управление с помощью оружия! – вмешался Сурри.

– Новый формат рабства! – не унимался Рэйф. – Страх раба перед пистолетом подменён страхом перед потерей того, что и так ему не принадлежит!

– Вот именно, Рэйф! – всплеснул руками Сурри. – Наконец-то твои мысли встали на правильный путь.

– А если они не отдадут эти бредиты? И таких будет много! Вы что будете делать? Тоже среди них разъяснительную работу проводить? – сопротивлялся Рэйф.

– Не страшно, если кто-то что-то кому-то не отдаст! Большинство всегда покорно отдаёт, всегда подчиняется. Страшнее, если они брать бредиты перестанут! – пояснил Сурри.

Чертингс застучал вилкой по бокалу. Присутствующие замолчали.

– Сегодня у нас не круглый стол о путях развития Аскерии. Мы решаем конкретный вопрос. Я по существу вопроса поддержку Сурри! Назначаем инспектирование лагеря и проведение разъяснительных мероприятий, – высказался Чертингс. – Решение принято большинством при одном воздержавшемся и одном голосе против.

– Нашли оправдание – мнение большинства! – поражен-

чески огрызнулся Рэйф. – Большинство, большинство!... Все только и тычут последнее время мне в нос этим большинством. А вы никогда не думали, что большинство – это всегда манипуляция? Это большинство сегодня вопит от восторга по поводу Достижений, а завтра будет крушить всё на своём пути.

– Переходим ко второму вопросу! – провозгласил заведующий канцелярией, оставляя слова Рэйфа без внимания.

– Предлагаю сделать перерыв! – воскликнул Сурри. – Проведем, так сказать, свой мыслительный аппарат.

– Перерыв на пятнадцать минут! – поддержал предложение Чертингс.

Присутствующие задвигались, охотно покидая свои места, разбрелись по залу, словно стараясь глотнуть немного покоя, уединившись по углам.

Сурри решительно отдернул тяжелую бархатную портьеру, открывая взгляду присутствующих огромный чёрный роуль. Министр информации опустился на стул и положил руки на клавиши. Пальцы, повинувшись хозяину, забегали, наполняя Райский зал музыкой. Глаза Сурри закрылись, спина двигалась в такт мелодии. Спокойное течение звуков, усыпившее внимание присутствующих, неожиданно всколыхнулось, меняя настроение слушателей. Музыка перестала быть фоновой, она захватила их, меняясь, изгибаясь, будоража слух. Власть звука стала доминирующей, используя эффект непредсказуемости. Никто не знал, что ждать дальше: нот-

ной бури или равномерного перетекания аккордов. Спина Сурри напряглась, пальцы нервно запрыгали по клавишам, казалось, увеличивая давление на них. Звуковая катастрофа наполнила зал ресторана, давящая тревога протискивалась через уши, наполняя восприятие людей страхом непредсказуемости. Музыка пропитывала каждого, не давая оставаться безучастным, вовлекая в свой поток, заставляя следовать своей внутренней динамике. Аккорды достигли апогея, взобравшись на максимум тревожной высоты, повисли, натягиваясь струной ожидания, и рухнули вниз со всего размаха, разбившись о нервы слушателей. Сурри вскинул вверх руки, снова опустил их на клавиши, завершая игру.

– Так-то вот, господа! – провозгласил он, резко вставая со стула и разворачиваясь к присутствующим, словно в ожидании оваций.

Редкие хлопки вызвали у него саркастическую улыбку.

– Что вы сейчас играли, Сурри? – уточнил Руб.

– «Катастрофа» – так называется новое произведение нашего известного аскерийского композитора! – ответил Сурри, отходя от рояля.

– Вы верите в катастрофу? – поинтересовался Фертон.

– Я верю в музыку! – ответил Сурри. – Так мало нот, а какое богатство их сочетаний! Оно уже тысячи лет рождает прекрасные произведения.

– Однако пятнадцать минут истекли.

Десерт ждал всех за столом. Официанты, уловив время

перерыва, накрыли стол сладостями.

– Заодно и полакомимся, – проговорил Руб, первым занимающая место за столом.

– Сначала решим вопрос о площадке для размещения странных людей, – призвал всех к работе Чертингс. – Прошу высказываться!

Присутствующие молчали, болтая ложками в чашках с кофе и чаем. Рэйф насупился. Сурри углубился в свои мысли.

Руб, не взирая на запрет, начал уничтожать торт, кидая резкими движениями его куски себе в рот.

– Слово предоставим Астеру! – проговорил заведующий канцелярией, не давая надолго воцариться гнетущей тишине.

Министр науки и климадостов заёрзал на стуле, понимая, что в этот раз воздержаться не получится.

– Странные люди плохо влияют на атмосферу в климадостках... – неуверенно начал он. – У нас уже зафиксированы случаи, когда они пытались вступить в контакт с учащимися.

– Согласен! – поддержал его Руб, дожёвывая очередную порцию сладкого. – Надо срочно ускорить строительство нового Дома Странных Людей. Мне необходимо увеличение финансирования в два раза.

– Что у нас с финансами? – обратился Чертингс к Фертону.

– Печатный станок переведён на двадцатичасовую работу! – замямлил Фертон. – Вы же все знаете, что на Дне До-

стижений мы выдали бредитов в два раза больше, чем в прошлом году. Больше двадцати часов в сутки он работать не может, перегревается.

– Вот! – Рэйф поднял вверх палец. – А скажите, сколько невозвратов по бредитам уже сейчас?

– Эта цифра засекречена! – выпалил испуганно Фертон.

– Предлагаю выдать нам деньги Аскербумом со сроком погашения через три месяца! – не унимался Руб. – В этом случае мы закончим стройку через месяц. А пока предлагаю разместить странных людей в палатках, создать ещё один палаточный лагерь.

Присутствующие напряглись, уставившись на Руба.

– А где ещё взять палатки? – уточнил Чертингс.

– Как где взять?! – отламывая ложкой очередной кусок торта, пояснил Руб. – Поселите их в палатках, которые не востребованы офицерами СЗА.

Рэйф бросил гневный взгляд на Руба, сжимая кулаки.

– А это идея! – поддержал его Сурри.

– Это опасно! – взревел Рэйф.

– Ставим вопрос на голосование! – произнёс Чертингс. – Кто за временное расселение странных людей ещё в одном палаточном лагере?

Руки присутствующих взмыли вверх, вторично оставляя Рэйфа в одиночестве.

– Принято! – подвёл черту заведующий канцелярией.

– Большинством голосов! – саркастически усмехнулся

Рэйф.

– Исторический шаг! – подмигнул ему Сурри.

– Так всего на месяц! – заметил Руб.

– Посмотрим, во что выльется этот месяц для большинства! – поставил точку в разговоре Рэйф.

Известная во всей округе «Пекарня дядюшки Крума» располагалась на границе Земляного и Серебряного районов. Аромат свежеепечённого хлеба, не знавший границ, просачивался далеко за пределы пекарни, привлекая именитых покупателей.

– Все покупают мой хлеб! – гордо подняв голову, говорил дядюшка Крум. – Вне зависимости от рейтинга, баланса и Достижений.

При этих словах хозяина пекарни его семь помощников одобрительно кивали, усердно продолжая работу.

Потомственный пекарь каждое утро обходил свои владения, тщательно проверяя любую мелочь и раздавая указания работникам.

Он с детства знал каждый уголок пекарни. Это волшебное место, где трудились его отец и дед, с малых лет влекло Крума ароматами ванили и корицы. Слаженные действия работников приводили его в восторг, заставляя неотрывно с любопытством следить за процессом выпечки хлеба. Крум помогал просеивать муку, растворять сахар и соль в воде, вынимать буханки из печи, упаковывать готовые хлеб и булочки с разнообразными начинками в шуршащие бумажные пакеты. Став старше, он трудился за прилавком, с гордостью, со све-

тящимися от счастья глазами продавал покупателям свежий хлеб. Наловчившись выполнять все мельчайшие этапы пекарского ремесла, Крум со временем перенял бразды правления и усердно продолжал семейное дело. Он стал придумывать всё новые и новые рецепты, удивляя жителей, и настолько погрузился в свой мир, что мало интересовался системами рейтинга и баланса Аскерии. Многоликие вихри запахов пекарни прочно удерживали его в своей власти. Безусловно, пекарня приносила немалый доход всей семье, но счастье Крума заключалось в процессе воплощения традиций и новых идей.

Попасть на работу в пекарню дядюшки Крума считалось большой удачей. С Хонихом Крум дружил ещё с детства, но просьба взять Гуса в помощники его насторожила. Он серьезно и тщательно подходил и к этому вопросу.

Однако вошедший в пекарню молодой человек удивил Крума. Оглядевшись широко раскрытыми от восторга глазами, он тут же их прикрыл и с наслаждением втянул в себя рассыпанный по всему помещению букет сладких и пряных ароматов.

– Мне здесь нравится, – прошептал он, крепко сжав сухое запястье Хониха.

Большой колпак на голове раскрасневшегося Крума придавал еще больше величия его и без того огромной фигуре. Отряхивая руки от муки, он внимательно смотрел на прибывших. Ощущая каждой клеточкой тела непосредствен-

ность, восторг и любопытство молодого человека, Крум ухмыльнулся. Пожалуй, из него выйдет толк.

– Я могу делать любую работу, – Гус умоляюще посмотрел на него. – Могу начать прямо сейчас.

Картинки из детства на мгновение пронеслись в голове Крума, он узнал это рвение и всполохи жажды раствориться в этом загадочном ароматном месте. Улыбка расплылась на его широком лице, подчеркивая круглые щёки.

Крум не ошибся в новом помощнике. Гус не чурался самой грязной и мелкой работы. Он одинаково радостно выполнял все, что требовалось, и с удовольствием изо дня в день спешил на работу. Заработанные гаверы и небольшой пакет булочек, которые он приносил в дом Хониха, безжалостно отбирала Салли. При этом она не переставала ворчать и донимала теперь обоих. Но бумажки с изображением Мистера Гавера удерживали её от того, чтобы выгнать на улицу этого наглеца. Всё же, возвращаясь вечером домой, одну булочку он успевал съесть по дороге, в награду за отработанный день. А больше ему и не требовалось. Помощники пекаря над ним посмеивались, всерьёз не воспринимали. «Станный он какой-то», – говорили они. Но Гус не обращал внимания на надменные лица, он жил работой днём. А ночью ему снились кошмары. Дом Станных Людей в его снах горел каждую ночь. Как прокрученный на начало кинофильм, повторяясь снова и снова, не отпускал его. Горящий Горбун хохотал, выплескивая ненависть и ругательства, цеп-

лялся за него обугленными пальцами и толкал в открытое окно. Просыпаясь, с бешено колотящимся сердцем, Гус до утра уже не мог уснуть. Он вспоминал мёртвого Горбуна и внимательно вслушивался в его слова, пытаясь ещё глубже проникнуть в их смысл.

Гус осунулся, красные от недосыпа глаза и чернеющие под ними круги привлекли внимание Крума.

– Тебе необходимо отдохнуть! – заботливо проговорил Крум, кладя руку на плечо Гуса. – Пусть завтра у тебя будет внеплановый выходной. Работа отдыхом красна. Работа в радость, когда по ней соскучишься. Так что считай, что завтра у тебя день скучания по работе.

– Да я могу ещё поработать, если надо! – поднял красные глаза на хозяина пекарни Гус.

– В том и смысл, что завтра не надо! Отдохнёшь, развеешься. Парень ты молодой, погуляешь, – хитрые глаза Крума заблестели. – Я вот со своей ненаглядной супругой как познакомился?

Лицо Крума ностальгически просияло, в его памяти оживали события молодости. Гус приготовился увлечённо смаковать приятные моменты общения с наставником.

– Она в кофейне работала, наши крумовские булочки и пирожные на прилавок выкладывала. Да так аккуратно их своими руками брала, будто они хрустальные. Я залюбовался, глядя на неё. Надо же так нежно к хлебу относиться. Стоял вот так, да смотрел, пока она всё на прилавок не выложи-

ла. Развернулась и исчезла из окна. Ноги сами понесли меня в кофейню. Забежал я, вижу, она со столика посуду собирает.

Крум задумался и на секунду замолчал, словно роясь в ворохе воспоминаний. Гус терпеливо ждал.

– Подняла на меня свои глаза, я и остановился как вкопанный! Спросила меня что-то. Голос её охватил меня особым теплом. Слов не понимаю, ответить ничего не могу, но так хорошо на душе, как никогда до этого в жизни не было, – рассмеялся Крум. – Вот и по сей день без слов понимаем друг друга, словно давно уже обо всём договорились, все слова произнесли. Иной раз проснусь утром, улыбнусь ей, а она – мне. Так, с улыбкой и живём. Хорошо нам вместе, сказочно хорошо.

– Это и есть любовь? – спросил Гус.

– Не знаю, наверное! Души наши родные просто. А когда души родными становятся, договариваются между собой, то люди уже поделаться ничего не могут. Любовь – это разговор душ.

Чудно у вас, у людей, хотел сказать Гус, но промолчал, боясь испугать Крума.

Гус задумался над словами пекаря. А его душа? С кем она договорится? Где тот человек, с которым ему суждено в одно мгновение стать родным и близким на всю жизнь?

Просёлочная дорога через лесок вывела Гуса в Золотой район. Большой плакат «Добро пожаловать к новым Достижениям» очертил начало одного из престижных районов Аскерии. Стройные ряды одно- и двухэтажных домов из светло-коричневого кирпича по обе стороны украшали дорогу Гуса. В отличие от Земляного района, дома стояли на изрядном расстоянии друг от друга. Из-за высоких металлических резных заборов выглядывали знаменитые аскерийские ореховые сады. Под тяжестью плодов ветки деревьев наклонялись прямо к ограде. Гус просунул руку, пытаясь сорвать несколько орехов, но остановился. Белая табличка с угрожающими красными буквами предупреждала «Аскериец! Помни! Ягоды, фрукты и орехи, растущие в саду, являются плодами Достижений хозяина этого дома. Трогать и есть чужие Достижения категорически запрещено!»

Всё ограждено, недоступно, запретно. Странно! Гуси щиплют траву везде, где им хочется, а люди ограничены правом чужого Достижения! Гус отдёргнул руку, озираясь по сторонам. Вокруг никого. В отличие от Земляного района здесь властвовали энергии таинственной и звенящей тишиной пустоты. Жизнь каждого огораживалась от другой жизни заборами, деревьями. Человек скрывался за Достижениями,

окольцевав себя рейтингами и балансами.

Вернувшись на дорогу, Гус обратил внимание на указатели, которые призывали пройти на площадь Достижений. Гус подошёл поближе к одному из них. Рядом со стрелкой, показывающей направление движения, располагалось изображение гуся в траурной рамке. Покойник, решительно вытянув вперёд крыло, указывал путь в сторону площади Достижений. Грудь заложило тревогой, удивление сменилось непониманием и злостью на людей. Зачем они вытащили мёртвую птицу на показ? Что им всем от гуся нужно? Какой в этом смысл? Именно смысл действий людей занимал его мысли сейчас больше всего. Озадаченно подняв голову вверх, он пытался остановить тягостный поток мыслей. Между небом и землёй живут странные существа – люди, жизнь которых ему так непонятна. словно в продолжение вопроса взгляд Гуса наткнулся на громадную статую, возвышающуюся из-за домов. Как же он её раньше не заметил? Привычка смотреть себе под ноги, на дорогу сыграла с ним злую шутку. Всё это время на него взирал страшный, до безобразия огромный, золотой гусь. Гус встретился с немыми, безжизненными, нарочито выпуклыми глазами гуся. Ноги Гуса подкосились. Сглотнув скопившуюся во рту слюну, он, преодолевая таранящий безжизненный взгляд, двинулся навстречу памятнику погибшей птице. Мозг человека давал сбои, вытаскивая из своей глубины птичьи инстинкты, не позволяющие принимать логику людей.

Золотой ориентир вывел Гуса на площадь Достижений. Множество людей толпились, суетились, сновали рядом с птичьей глыбой. Площадь вскрикивала, переговаривалась, ликовала, радовалась, расстраивалась – площадь жила.

– Эй, молодой человек! – Гуса окликнула девушка в костюме гуся. – Вы уже подключили в своём гаверофоне выгодный гусиный тариф? – проговорила она, протягивая яркую цветную бумажку Гусу.

Пот струился по вискам девушки, капюшон с мордой птицы был скинут назад. Её игривые глаза вызывающе цепляли Гуса. Красивые пухлые губы пересохли, но она продолжала делать свою работу – продавать.

– У меня нет гаверофона, – ответил Гус, улыбнувшись.

Глаза девушки в мгновение потухли, она решительно развернулась и растворилась в толпе. Гус разочарованно двинулся дальше.

Группа молодых людей надевала только что купленные маски гуся. На прилавке под плакатом «Он умер, но его морда с нами» громоздились стопки различных масок. На ярких кричащих ценниках со скидками красовались названия масок: «радостный гусь», «гусь в печали», «важный гусь», «гусь влюбился». Дороже всего стоила вип-маска «Дости-гай-гусь», на которой красовалась надпись-тату «Стань, как я».

Гус, с удивлением двинувшись дальше, наткнулся на стойку с бесплатной раздачей больших круглых значков с изоб-

ражением гуся, запечатлённого на взмахе крыльев. Стойку украшала надпись «Помни, что и птицы Достигают». Как только Гус поравнялся со стойкой, от неё отделилась высокая девушка со стройными и длинными ногами. Она молча и решительно нацепила на грудь Гуса значок, даже не спросив его разрешения. Гус успел лишь перехватить её тёплое дыхание, когда девушка наклонилась близко к нему, чтобы пришпилить значок. На мгновение стало волнительно и приятно. Новое чувство шевельнулось в душе Гуса. Легкое девичье прикосновение взбудоражило его. Девушка, выполнив свою работу, одарила Гуса дежурной улыбкой. Вернувшись за новым значком к стойке, она обернулась, ища глазами нового, ещё не означкованного аскерийца. Гус не решился заговорить с ней.

Всё ещё находясь под впечатлением, он двинулся вперёд. Калейдоскоп людей, событий продолжал вращаться, наращивая скорость. Кафе «У гуся» заставило его остановиться. Запахи мгновенно ворвались в ноздри. Рядом с кафе, на решётках, охваченных слабым огнём, жарилось мясо птицы.

– Налетай! – кричал маленький толстенный жарильщик мяса в белом колпаке с изображением гуся. – Аппетитные лапки и крылышки гуся всего 1 гавер за лапку. Впусти гуся в свой желудок!

Жарильщик упоённо вопил, привлекая покупателей, переворачивая части гуся на решётках. Есть птицу Гусу не хотелось, он привык к хлебу.

Лотки с мучными и сладкими изделиями не заставили себя долго ждать. Печенье в форме сахарного гуся, птица-булочка, гусь-рогалик встретили его сразу, как только он миновал кафе. Аппетит Гуса нарастал, но есть всё, что он видел, не хотелось. У Крума они пекли совсем другой хлеб, делали иное печенье. Их хлеб не прятался за формы, не гнался за модой, он оставался самим собой – хлебом. Одна и та же мука давала жизнь разным продуктам. Может, дело не в муке вовсе? Дело в Круме? Теперь Гус понял это отчётливо. Аппетит угас под натиском энергии площади Достижений.

Навстречу Гусу двигалась свадебная процессия. Он отошёл в сторону, продолжая наблюдать за красивым шествием. Белое кружевное платье невесты было усыпано маленькими золотыми гусями, которые в своём множестве создавали эффект стаи. Воздушная шляпка на голове невесты устремлялась ввысь капроновым гусём, размахивающим крыльями. На строгом чёрном костюме жениха аляписто смотрелся значок с гусём. Жениха и невесту по обе стороны сопровождали мужчина и женщина в золотистых костюмах гуся. Следом за ними шёл подросток, держа в руках большого картонного гуся на палочке и самодельный плакат с надписью «Свадьба с гусем – счастье в дом». Родители жениха и невесты, многочисленные родственники держали в руках деревянных гусей на палочках, периодически помахивая ими.

Гус всматривался в лица людей, смешавших горе с радостью, пришедших на эту площадь в поисках чего-то. Что они

ищут? Зачем они здесь? Что ими движет? Вопросы теснились в его голове, заглушаемые непрерывающимся потоком событий, наполняющих площадь.

Звуки музыки вырвали Гуса из задумчивости. Прямо между ног золотого гуся раскинулась сцена, на которой пели и плясали. Зрители взяли место действия в плотное кольцо, подпевая и подтанцовывая. Артисты и певцы сменяли друг друга. Когда Гус подошёл к сцене, толпа взревела, приветствуя очередных исполнителей. Двенадцать девушек модельной внешности, одетых в юбки-разлетайки, обшитые гусиными перьями, высыпали на сцену. Микрофоны всхлипнули, взорвались словами и музыкой нового аскерийского шлягера:

Гусь! Гусь! Гусь!
Нас покинул пусть!
Но он нам обещал
Символом нашим стать!
Быть нам, как мать!

Девушки под звуки нарастающего гвалта мужских восторгов приблизились к краю сцены. Потрясая указательными пальцами перед толпой, они назидательно продолжили:

Достиженья наши умножать,
Рейтинги наши повышать,

Балансы наши поправлять,
Аскерию нашу восхвалять!

Толпа взревела, начиная бесноватый танец. В этот момент музыка сделала резкий скачок, сменив ритм. Руки девушек взмыли вверх в приветствии неожиданно появившегося на сцене человека в костюме гуся. Он подбежал к микрофону, разделив ансамбль девушек пополам, и заголосил:

Аскерии – да! Аскерии – да!
Гусь теперь не беда!
Гусь в наших сердцах
Ах! Ах! Ах!

Девушки запричитали, подперев указательными пальцами подбородки.

С последними словами песни со стороны сцены начали вылетать снопы чего-то белого. Гусиные перья усыпали толпу. Люди ловили перья, кружась в танце. Праздник пьянил, не оставляя шанса остаться безучастным. Вирус гусиной темы овладевал всеми, наполняя жизнь людей новыми и новыми событиями.

Голова Гуса пошла кругом. Шум гремел не просто на площади, он сковывал его мысли, проникая в самую сердцевину мозга. Бежать! Надо бежать отсюда! Бежать, пока ещё осталась способность мыслить!

Быстрыми шагами, не оглядываясь, он удалялся от площади, унося с собой остатки людской истерии. Вскоре Гус перешёл на бег. В голове стучало, свербело, словно вирус, овладевая им.

Аскерии – да! Аскерии – да!
Гусь теперь не беда!

Он остановился около того самого указателя на Площадь Достижений, который встретил его утром. Опершись об ограду, Гус перевёл дыхание. Сорвав значок с гусем, он швырнул его в стоящую рядом урну. Тот звякнул о металлические стенки и упокоился на дне ёмкости, пополнив ряды бесполезного хлама.

Гус вздохнул и собрался уже покинуть Золотой район, не желая больше сюда возвращаться. Но его намерение прервала печальная мелодия, тонким шлейфом струившаяся из окна огороженного дома. Обступившие со всех сторон кроны многочисленных деревьев заботливо укрывали жилище от глаз любопытных прохожих.

Вытянув шею, Гус сквозь желтеющую листву разглядел раскрытое окно на втором этаже дома. Прозрачная невесомая занавеска трепыхалась в такт ветру и музыке. Стройная молодая женщина, бережно прижимала скрипку к плечу подбородком. Смычок виртуозно танцевал по струнам, извлекая из неё звуки самой жизни. Солнечные блики отража-

лись в её волнистых каштановых волосах. Не отрывая глаз, Гус заворуженно слушал льющуюся из окна музыку. Все события дня разом померкли и растаяли в памяти. Кружашие и сменяющие друг друга ноты непрерывным потоком капля за каплей просачивались и насквозь пропитывали сознание молодого человека. Время остановилось, а может, его и вообще не существовало. Опустив смычок, женщина в окне исчезла, оставив после себя отголоски, продолжавшие звучать внутри Гуса.

Небо заволокло снеговыми тучами. Словно не решаясь заморозить всю воду сразу, они вперемешку сбрасывали вниз месиво дождя и снега. Липкие мокрые хлопья падали на палаточный лагерь. Наконец, собравшись с силами, снег повалил, укрывая холодную землю пушистым покровом. Утренние солнечные лучи брызнули сквозь тучи, оживляя белизну. Снег засветился, заиграл мириадами искорок.

Между стройными рядами палаток сновали странные люди. Погревшись в брезентовых укрытиях, они выходили на улицу, обсуждая друг с другом свою новую жизнь.

Служебный клаер с инспекторами во главе с Сурри приземлился в самом центре палаточного городка. Директор Дома Станных Людей, а ныне – начальник лагеря, Хрям и несколько санитаров встречали делегацию. Хрям волновался, переминался с ноги на ногу. Сморкаясь в грязный платок, он поправлял старую красную клетчатую кепку, плохо сочетающуюся с зимним ярко-зеленым пуховиком. Один глаз начальника косил, словно контролируя, обшаривал территорию.

– Рад вас приветствовать! – воскликнул Сурри, первым покидая клаер и отряхивая своё элегантно драповое пальто с лисьим воротником. – Всем, всем! – он раскинул руки. –

Доброе утро!

Министр информации обнял Хряма и пожал руки санитарам, пока Чертингс и Руб выходили из клаера.

– Да у вас тут идиллия! – возбуждённо продолжал Сурри. – Вы молодец, Хрям! Как всё организовали.

Руб и Чертингс напряжённо оглядывали лагерь.

– Ну что, показывайте, – наконец проговорил Чертингс.

– Да, да! – Хрям зачем-то стянул кепку с головы. – Много еще не доделано, есть над чем работать, но мы двигаемся.

Санитары, одетые в такие же ярко-зелёные пуховики с белой надписью на спине «ДСЛ», усиленно закивали.

– Вы, кепку-то наденьте. Не лето всё-таки, – заметил Сурри. – У нас и так дефицит персонала. Вы нам необходимы здоровым!

Хрям, мямвший кепку в руках, спохватившись, снова натянул её на голову.

Инспекция двинулась по лагерю, сопровождаемая взглядами странных людей.

– Вы уже разделили их по палаткам в зависимости от уровня? – строго спросил Чертингс.

– Не успели, знаете ли, – начал мямлить Хрям, снова сдёргивая кепку. – Не хватает палаток, надо отметить. Испытуем, так сказать, сложности.

– Проверим сейчас! – Чертингс остановился у одной из палаток и решительно отодвинул матерчатую дверь. Делегация в полном составе протиснулась в помещение, которое

кишело кошками разных мастей. Трёхцветные, чёрные, белые, рыжие, серые животные сонно расположились вокруг печки, поджав под себя лапы и обернувшись хвостами. В правом углу, рядом с многочисленными мисками восседал на табурете долговязый веснушчатый человек в больших круглых очках с копной рыжих взъерошенных, давно не мытых волос.

– Это что за зоопарк? – вскрикнул Чертингс.

– Я же говорил, всё убрать! – зашипел Хрям. – Видите, есть недоработки. Странные, они и есть странные, – разводя руками, Хрям повернулся к Чертингсу.

– Куда же я их уберу? Зима, – спокойно ответил Рыжий.

Один из котов угольного цвета встал, выгнув спину и зашипел на Чертингса. Тот отпрянул и нечаянно наступил на хвост серой кошке, крутившейся у ног. Оба одновременно взвизгнули.

– Чёрт знает что! – возмутился Чертингс, фиксируя в гаверофоне результаты инспекции.

– А у вас здесь кого больше: котов или кошек? – неожиданно поинтересовался Руб.

– Примерно поровну, – напрягаясь, ответил Рыжий, жалея прильнувшую к нему обиженную серую.

– Зачем вам это? – удивился Чертингс.

– Ну, вы даете! – засмеялся Руб. – Судя по кошачьему составу, им скоро одной палатки будет мало.

– А вы и в Доме Странных Людей кошек собирали? – об-

ратился Чертингс к Рыжему.

– Нет, там всего несколько на кухне жили. Но я давно мечтал Дом Кошек организовать. Вот мечта и сбылась. Знаете, как интересно кошек разводить! Это самые загадочные животные Аскерии!

– Хм... – прервал Сурри несвойственное ему молчание. – А средства где берёте на их содержание? Они, однако, как и люди, не воздухом питаются.

– Так это... Всё просто, – Рыжий добродушно поглядел на министра, – хожу в Золотой район, прошу у людей на улицах гаверы. Так и говорю, что на кошек.

– И что? Дают? – уточнил Сурри.

– Ещё как! – заулыбался Рыжий. – Как раз на кошек дают лучше всего. Я вместе с Одноглазым хожу. Он на хлеб себе просит. Так ему намного реже подают.

– Надо же, как нынче кошки у нас в почёте! А, Фертингс? – воскликнул Сурри.

– Я подчёркиваю, кошки не на бюджете палаточного лагеря, – волнительно начал Хрям. – Питаются исключительно на привлечённые средства.

– Бардак! – подвёл итог Чертингс.

– Бардак, – согласился Хрям. – Но без злоупотребления!

– Сейчас мы это исправим! – уверенно вмешался Сурри, поглаживая лисий воротник и доставая из кармана пальто пачку ярких листовок. – Вот, – протянул он Рыжему. – Ознакомьтесь.

Рыжий нехотя взял листовку, ощупал её и, повертев в руках, принялся читать вслух.

– Правила поведения в палаточном лагере.

Кошки подняли уши, жмурясь, повернули головы в сторону Рыжего.

– Слышите, это для вас! – строго проговорил Рыжий, обращаясь к своим подопечным.

– Извините, но это не для кошек! – не стерпел Чертингс. – Это для вас!

– Ничего себе! Ради меня целую пачку листовок привезли?

– Слышь ты, Странный! – резко включился в разговор Руб. – Читай, усваивай, выполняй! Рэйфа на тебя нет.

– Странный, странный. Что вы все заладили? Не более, чем вы странный. Будете грубить, я вообще потребую кошек на довольствие поставить.

– Не нагнетайте обстановку, Руб, не нарушайте право странных на информацию! – пытался погасить конфликт Сурри. – Пусть читает, не отвлекается.

– А кошек мы на довольствие ставить не будем, не положено, – услужливо подтвердил Хрям, нетерпеливо кося глазом в сторону двери. – Кошки – не люди, и они совсем не странные, а обычные, стандартные такие кошки. Палаточный лагерь – это временное сооружение, на период строительства нового Дома Странных Людей.

– А зачем его строить? Нам и здесь хорошо, – Рыжий под-

нял глаза на делегацию.

– Вам хорошо, а другим – плохо! – отреагировал Руб. – Чертингс, они вообще обнаглели. Подвергают сомнению необходимость стройки.

– Предлагаю двигаться дальше! – снова начал задувать пламя конфликта Сурри. – Пусть он читает спокойно, не отвлекаясь, вникает.

– А можно еще листовок? – неожиданно попросил Рыжий.

– Зачем вам много листовок? – удивился Сурри.

Рыжий замялся, разглядывая свои потрепанные ботинки.

– Хотите другим раздавать? Быть проводником правильного поведения? – уточнил Сурри.

Рыжий, ухватившись за слова министра, показательно закивал, сотрясая колоритной шевелюрой и поправляя очки.

– Держите! – Сурри протянул еще несколько листовок. – Вот видите, я же говорил о важности и необходимости печатной продукции! – обратился он к членам инспекции.

– Ещё, – застенчиво улыбнулся Рыжий.

– Возьмите вдобавок календарики. Вот здесь красным обведена дата заселения в новый Дом Станных Людей, – министр достал из другого кармана новую пачку.

– Лучше листовки, – виновато поёжился Рыжий. – Они информативнее.

– Вот! – Сурри победно обратился к коллегам. – Люди голодны до информации. Видите?

Сурри отщипнул от пачки еще несколько листовок и про-

тянул их Рыжему.

Делегация покинула кошачью обитель. Из палатки напротив вышел бородатый мужчина в узких желтых плавках с ведром воды. Не обращая внимания на инспекцию, он громко и смачно крякнул, схватил ведро и вылил его на себя. Обдав брызгами инспекцию, мужчина издал нечленораздельные звуки и кинулся к висящему на кусте полотенцу.

– О! А! У! Ё! – орал человек, растирая себя махровой тканью и одновременно приседая.

– А это еще кто такой? – напрягся Чертингс.

– А... Да это Буль. Он после пожара немного того стал, повредился умом – начал обливаться и истошно кричать, – пояснил Хрям.

– Что же вы так кричите громко? – окликнул Сурри бородатого.

Буль дико посмотрел на Сурри, точно увидел говорящего призрака.

– Надо вести здоровый образ жизни, знаете ли! И вовлечь в это других! – закутавшись в полотенце и расправляя плечи, провозгласил Буль. – Вот я и кричу, чтобы привлечь внимание.

– Умно, – заулыбался Сурри. – Вы на правильном пути к Достижению здоровья. Поправите здоровье в Доме Станных Людей и вернётесь к нормальной жизни – будете Достигать!

– Нет! – твёрдо ответил Буль, зябко переминаясь босыми

ногами по снегу. – Я уже всего достиг. Я – есть, и это уже Достижение.

– Во даёт, философ! – вмешался Руб. – Вы же голый совсем, у вас ничего нет, а говорите, что достигли.

Чертингс не отрывая головы, быстро печатал в гаверофоне, пытаясь зафиксировать все найденные нарушения.

– Человек рождается тоже голым, заметьте, – Буль театрально раскинул полы полотенца, обнажая волосатую грудь. – Да и уходит в мир иной в таком же виде. Никому еще не удавалось захватить с собой на тот свет клаеры, дома, гаверы. Достижения гибнут вместе с человеком, так в чём смысл их накапливать? Надо не достигать, а жить, – оборвал монолог Буль и, не прощаясь, исчез в палатке.

– Странный он какой-то, – заметил Сурри.

– Здесь только странные, – засеменял Хрям. – Нормальных не держим.

Инспекция миновала несколько палаток, раздавая листовки в каждые встречающиеся странные руки. Остановившись возле самой шумной, члены инспекции переглянулись. Из под плотного брезента вырывались радостные возгласы и залихватистый смех.

– Горько! – донеслось из палатки в тот момент, когда комиссия попыталась в неё войти.

– Это что за безобразие? – ошетинился Чертингс, пожирая взглядом Хряма, остановившегося в дверях.

– Свадебное безобразие, – виновато пробормотал Хрям. –

Женятся, так сказать, отмечают событие. Кстати, правилами поведения в палаточном лагере свадьбы не запрещены, – Хрям протянул Чертингсу листовку.

– Да вы заходите! – донеслось из палатки, до отказа забитой людьми.

– Может, погреемся? Перекусим? – министр строительства толкнул в бок Чертингса.

– Вы с ума сошли, Руб! Они же странные! Да и вообще, мы на работе! – возмутился Чертингс.

– Не согласен! Надо знать жизнь странных изнутри, понимать её детали, вникать в самую сердцевину! – поддержал Сурри – Это и есть наша работа.

Взяв под руки Чертингса, Руб и Сурри впихнули его в палатку.

Люди повскакивали со своих мест, уступая скамейки комиссии. В центре стоял длинный стол с неказистым угощением. По углам ровными кучками лежали спальные. Под палаточным куполом колыхалась натянутая гирлянда из сердечек, вырезанных из красочных рекламных проспектов, активно раздаваемых на каждом углу в Аскерии.

– Рады дорогим гостям! – воскликнул тамада.

– А кто на ком женится? – спросил Сурри.

Жених и невеста светились счастьем. Щуплый, невысокий молодой человек, одетый в места потёртую чёрную кожаную куртку, обнимал полную, розовощёкую блондинку гренадёрского роста в белом кружевном платье.

– Он давно в Доме Станных Людей! – Хрям кивнул на жениха. – Тихий такой, неприметный, а всё же странный. В Высшем Аскерийском Климадосте обучаясь на биолога, подрался с профессором Дайлоном, плюнул в него несколько раз со злости публично, а потом лёг посреди учебной аудитории и несколько часов отказывался вставать. После этого его к нам и привезли.

– Дайлона? – Сурри наморщил лоб.

– В том то и дело! Известный в Аскерии человек.

Сурри покачал головой.

– А невеста?

– Вообще жуткая история, – перешёл на шёпот Хрям. – Закончила престижный факультет торгового дела Великого Аскерийского Климадоста с отличием. Устроилась на работу в известную фирму «Аскергрев».

– Та, что грелки продаёт?

– Да. Занимала первое место по объёмам продаж этих грелок. Её так и называли в полном и переносном смысле: «Наше самое большое Достижение». Потом девушку как подменили.

– Как же такую большую подменить можно?

– В том-то и дело. Сломалась на поставках грелок в Дом Станных Людей. Увидела там его, – Хрям скосил глаза в сторону жениха. – И всё! Влюбилась без памяти. Начала под видом инструктора по использованию грелок навещать любимого.

– Возмутительно! – вмешался Чертингс. – Я всё время говорил, что в Доме безобразия творятся – любовь и другие отклонения от нормы!

– Проглядели, виноват! – заискивающе проямлил Хрям. – Знаете, любовь сложно разглядеть с первого взгляда. А проглядишь, её потом предотвращать ещё сложнее.

– И как же она тут оказалась? – нетерпеливо спросил Сурри.

– Публично отказалась Достигать. Проткнула медицинской иглой партию грелок. Все накопленные гаверы истратила на аллею любви рядом с Домом Станных Людей, засадила её вдоль забора кустами роз. Сама пришла с вещами к нам. А потом пожар случился. Спасла она его... Из огня вытащила, без сознания.

– А свадебное платье где взяла? – включился в разговор Руб.

– Так, извините, напрошайничали вдвоём и упростили одну сердобольную швею в Земляном районе платье ей пошить, – виновато произнёс Хрям. – На костюм жениху уже не хватило. Говорят, аскерийцы на свадьбу плохо подают.

– Вот молодцы! – вставил Руб. – Наши люди на что попало подавать не будут.

– Среди нормальных людей эти любовные слюни-нюни давно исключены. Им некогда, они Достигают. Иногда даже устраивают семейные гонки, кто больше гаверов заработает: жена или муж, – заметил Чертингс, активно продолжая сту-

чать отчёт в гаверофоне.

– Что же вы, дорогие гости, всё между собой, да между собой, – не унимался тамада. – Скажите и молодожёнам доброе слово.

– Говорите, Сурри! Гости – это по вашей части, – скомандовал Чертингс.

– Дорогие жених и невеста! – Сурри встал, окидывая взглядом свадебный стол.

Люди прекратили есть, с интересом подняли глаза на министра. В палатке воцарилась полная тишина.

– Свадьба – это всегда весело, хорошо. Но не надо забывать о том, что после неё наступают будни Достижений. В вашем случае – это будни на пути возвращения к Достижениям.

– Мы никуда не собираемся возвращаться, – тихо, но твёрдо заметил жених, зловеще дёрнув скулами.

На секунду Сурри замялся, вспоминая о привычке жениха плевать в серьёзных людей.

– Горько! – нашёлся Сурри, примирительно подмигивая жениху.

Люди подхватили слова министра, и палатка снова зашумела. Жених и невеста слились в поцелуе.

Странные люди вернулись к еде, наполняя прозрачные пластиковые тарелки овощами и дешёвыми колбасами, а стаканчики – аскерийкой.

– Эй, налей! – Руб протянул свой стакан человеку с за-

бранными сзади волосами. – И огурчик подай на закуску.

Чертингс безглаголиво положил в тарелку несколько помидорок, налил компот. Сурри, озираясь по сторонам, сидел перед пустой тарелкой. Странные люди веселились, хохотали и казались счастливыми. Министры с опаской поглядывали на них, словно боясь заразиться чем-то опасным и неизлечимым, подхватить вирус счастья без Достижений.

– Слово Хвостатому! – оживился Тамада.

Пластиковые сосуды наполнились горячительным напитком и компотом. Хвостатый поднялся, устремив прицельный взгляд на жениха и невесту.

– Сегодня большое событие, – начал он. – Впервые среди странных случилась свадьба. Все мы понимаем, что если бы не пожар, вряд ли бы это стало возможным. Так выпьем же за огонь, который зажёт в этих двух любящих сердцах желание соединить свои судьбы. Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Пластиковые стаканчики взметнулись навстречу друг другу. Свадьба вспыхнула возгласами и поздравлениями.

– Старое сгорит, – новое построим! – пробубнил уже изрядно запьяневший Руб. – Из искры да возгорится стройка! – стукнул он кулаком по столу.

– А вдруг у них дети родятся? – боязливо спросил Чертингс. – Вы что же, будете открывать Домик Маленьких Достигаторов для странных детей?

– Постараемся пресечь этот процесс, – заверил его Хрям.

– Как же вы его пресечёте? – хохотнул Руб.

– Разъяснить будем, листовки раздавать! – нашёлся Хрям.

Комиссия покидала свадьбу под аплодисменты присутствующих. Морозец куснул раскрасневшиеся лица министров. Чертингс продолжал возмущаться и отчитывать Хряма. Тот, спохватившись, резко метнулся в палатку и через несколько секунд выскочил оттуда, на ходу натягивая клетчатую кепку.

– Смотрите! – Сурри указал пальцем вперёд. – Снежную бабу лепят со снеговиком.

– Какую бабу? – уточнил еще не протрезвевший Руб.

– Снежную, – услужливо пояснил Хрям. – Стараемся создавать малые снежные формы.

– Так это вовсе и не баба! – не унимался Руб, подходя со своими коллегами к месту событий. – У неё красный клюв!

– Это снежный Гусь получается! – быстро сориентировался Хрям, оценивая косым глазом изваяние. – Видите, странные люди тоже скорбят по Гусю.

– Вот это хорошо! – впервые обрадовался Чертингс. – А то кошки, свадьбы, попрошайки! Вот это позитивное событие. Объявите конкурс на лучшего снежного Гуся.

– Будет сделано! – подтвердил Хрям, давая указания странным людям.

– И листовки раздайте с календариками, – крикнул Сурри вдогонку.

Странные люди убежали, вероятно собирать конкурсантов.

– Предлагаю на этом завершить осмотр палаточного лагеря, – делая последние пометки в гаверофоне, подвёл итог Чертингс и направился в сторону припаркованного клаера.

Завернув за палатку, они наткнулись на группу странных, сгрудившихся в кучку.

– Что это у вас тут? Что за собрание, что обсуждаем? – спросил Сурри, расталкивая людей.

В центре на корточках сидел Рыжий и подсовывал в занимающийся костёр газеты и какие-то бумажки.

Рядом стояли лепщики снежных гусей, подавая ему новый материал для растопки.

– Кто разрешил костры жечь? – снова взбудоражился Чертингс. – Мы же всех печками обеспечили.

– Мясом пахнет! – заводил ноздрями Руб.

– На шашлычок пожалуйста, – пригласил гостей толстенький коротышка в кроличьей шапке, неловко пряча за спиной шампур с покусанным куском аппетитного мяса.

– Не есть, Руб! – зашипел Чертингс.

– Ладно, ладно, – замахал руками министр строительства.

– Сурри, посмотрите, они жгут печатные материалы! – Чертингс схватился за голову.

– Вы что творите? – Сурри ринулся к костру, вытаскивая горящие проспекты.

– Они плохо горят, эти листовки, – опустив глаза, пробормотал Рыжий. – Но я перед тем как их использовать для нужд, всем вслух зачитал правила! – начал оправдываться

он.

– Мы лишь хотели подбросить жару под шашлык, – замялись странные.

– Это читать нужно, а не жечь! – вскипел Сурри, размазав обгоревшим листком. – Отобрать у них зажигалки! Хрям, это уже полный аскернец какой-то! – выругался Сурри.

– Эти отберём, они в Золотом районе новых выпросят, – обреченно заметил Хрям.

– Руб! Новый Дом нужно сдать раньше срока во что бы то ни стало! Вы меня поняли? – Сурри схватил за ворот министра строительства.

– Постараемся, – отшатнулся от него Руб.

В молчании комиссия добралась до клаера.

– Я могу пока забор построить. Поддержите? – предложил Руб.

Голоса министров утонули в шуме взлетающего клаера.

Ночные кошмары Гуса сменились музыкальной феерией. Его регулярные прогулки в Золотой район не всегда увенчивались успехом, лишь изредка ему удавалось снова услышать музыку, льющуюся из огороженного дома, а еще реже – увидеть женский силуэт в окне. Но ночью он наслаждался и тем, и другим в своих сновидениях.

Снежинки робко кружили над Аскерией. Кутаясь в пальто и согревая озябшие пальцы тёплым дыханием, Гус снова бродил вокруг знакомой ограды. Внезапно калитка распахнулась, чуть не ударив Гуса. Хозяйка дома улыбалась, внимательно разглядывая незнакомца. Её зелёные глаза показались Гусу знакомыми. Мысли рыскали по закоулкам памяти, пытаясь отыскать где-то уже виденную ранее картинку. От неожиданной встречи Гус оторопел и покраснел.

– Здравствуйте, – промямлил он. – Извините...

– Как вас зовут? – прервала его замешательство женщина.

– Гус.

– А меня – Линда, – она протянула ему руку, продолжая улыбаться.

– Вы очень красиво играете. Вы не подумайте, я ничего плохого не замышлял, я прихожу сюда послушать вас, – начал оправдываться Гус.

– А я и не подумала, – Линда рассмеялась, невольно стряхнув с ресниц крохотные снежинки, мерцавшие словно бриллианты. Молодой человек её забавлял и вызывал любопытство. – Сейчас мне нужно ехать на концерт. Завтра воскресенье. Хотите, приходите ко мне утром на чай. Я сыграю для вас, Гус, – весело сказала она.

Помахав рукой, Линда быстро села в ожидающий её клаер и исчезла в небе.

Чувства обрушились на Гуса градом, расталкивая друг друга. Удивление. Радость. Надежда. Волнение. Счастье. Восторг. Оглушенный неожиданным предложением, он возвращался домой, продолжая удерживать перед внутренним взором смеющиеся, горящие изумрудами глаза. Гус еще не знал, это ли люди зовут любовью, но его новое состояние ему определенно нравилось.

Ночь без сна не сильно сказалась на самочувствии Гуса. Молекулы счастья носились по его организму, заряжая невиданной энергией каждую клеточку и, выплескиваясь наружу, летели дальше, подстраивая мир Гуса под его чувства.

– Сегодня у вас получилась вкуснейшая каша, Салли! – с аппетитом уплетая пресную сероватую гущу, сказал Гус.

Салли изумленно посмотрела на кастрюлю, понюхала, зачерпнула ложкой варево.

– Каша как каша... – пожала она плечами.

Хоних крякнул и, покачав головой, внимательно посмотрел на Гуса. Озадаченная Салли надолго замолчала. Воца-

рившаяся тишина царапала слух. Ядовитые пары невысказанных замечаний и недовольств, отчаянно цепляясь за право быть, таяли под натиском других, новых и непривычных витающих в воздухе волн.

Всю дорогу до Золотого района Гус шёл, улыбаясь и подмигивая всем прохожим. Те, в свою очередь, по большей части шарахались в сторону от чудака, а то и вовсе смотрели под ноги, пребывая в призрачном мире забот и тревог, являя в настоящем лишь механически передвигающиеся тела. Иные, уткнувшись в мерцающие экраны гаверофонов, впавшие в устойчивую зависимость от своих устройств, путали, в каком мире живут, в результате расплескивая и теряя себя и там, и здесь. Жизнь, как живое, проходила мимо них.

«Странные существа, эти люди», – думал Гус. Обрастая вещами и заботами об их приобретении, они заворачиваются в них, как в кокон, с каждым слоем все плотнее и плотнее. Становятся слепыми, глухими и бесчувственными. Перестают радоваться солнцу, падающему снегу, первым цветам и пению птиц. А главное, они перестают радоваться друг другу. Глубоко окопавшись в неживом, они продолжают этот путь, называя его жизнью, на самом деле двигаясь от неё в прямо противоположном направлении.

Приближаясь к дому Линды, Гус полностью отдался власти чувств. Волнение, радость и робость овладели им. Мыслям места не осталось. Успокаивая колотящееся в груди сердце, Гус несмело приоткрыл калитку и вошёл в сад. Акку-

ратно подстриженные кусты и высаженные в замысловатом порядке деревья застыли заснеженным лабиринтом. Редкие солнечные лучи, пойманные белыми одеяниями сада, искрились, танцуя на ветках. Жмурясь и продолжая улыбаться, молодой человек шёл по дорожке, оставляя за собой змейку следов. Внезапно с ближайшего дерева взлетела птица, брызнув ворохом снежинок в сторону Гуса. Он рассмеялся и, отряхнувшись, посмотрел вслед улетающему красногрудому снегирю.

Хозяйка дома уже несколько минут с интересом наблюдала за Гусом с крыльца. Её стройную фигуру подчеркивала длинная узкая терракотовая юбка и облегающая зелёная шерстяная кофточка с узорными косами и большим воротником, в котором она прятала свою улыбку.

Гус подошёл к ней. Кивнув в знак приветствия, он замер, смело глядя в зелёные, смеющиеся с хитринкой глаза. В одно мгновение судьбоносные нити переплелись и начали выстраивать вероятное будущее.

– Ну что же вы стоите, Гус? Проходите!

Линда взяла его за руку и потянула за собой в дом. Прокладные пальцы уверенно сжали ладонь Гуса. Переступив порог дома, он остановился, озираясь вокруг.

– Ау, Гус? Что с Вами? – рассмеялась Линда.

Спохватившись, он отпустил руку и протянул Линде пакет с булочками.

– Это вам... То есть нам с вами к чаю... Булочки.

– Булочки?

– Да. Я сам пёк. Я помощник пекаря.

– Вы – помощник пекаря? Какая прелесть!

– Они правда вкусные! Самые лучшие в Аскерии! Специально для вас.

– Пойдёмте за стол. Чай стынет.

Гус очутился среди книжных стеллажей, занимавших все стены комнаты, в центре которой располагался небольшой круглый чайный столик. Книги аккуратными рядами стояли на полках, пестря цветовым разнообразием переплётков.

– Никогда не видел столько книг! – оглядывая комнату, изумился Гус.

– Это библиотека моих родителей! Они фанатично любили читать.

Гус смутился. Линда разлила горячий дымящийся напиток в белые фарфоровые чашки. Аромат мяты и душицы разлился по комнате благодатью и уютом. Успокоившись, Гус прихлебывал горячий чай, периодически дуя на него. Линда изучающе посмотрела на булочки, прежде аккуратно выложенные на небольшую тарелку. Взяв одну из них, она медленно откусила и, смакуя, прикрыла глаза.

– Я знал, что вам понравится! – трепетно наблюдая за ней, очень тихо проговорил Гус.

– Хороший продукт! – отреагировала Линда, вытирая салфеткой губы.

– Продукт? – удивился Гус. – По-моему, просто вкусные

булочки.

– Я имела в виду, что это ваше Достижение – помогать печь такие вкусности! – пояснила Линда.

– Достижение? Не думаю, что это так! Я с удовольствием делаю свою работу, не стремясь к Достижениям!

– Вы против Достижений?

Гус поймал на себе прямой и откровенно изучающий взгляд Линды. Краска залила его лицо. Линда улыбнулась и заправила выбившийся локон за ухо, оголив аккуратную маленькую розовую мочку. Гус покраснел еще сильнее и отвёл взгляд. Желание прикоснуться к этой крошечной части её тела стало невыносимым. Он принялся активно болтать ложкой в чашке, разглядывая кружащиеся чайники. Взяв очередную булочку, он быстро прожевал её, пытаясь обуздать нарастающее волнение.

– Не знаю... – Гус собирал хаотичные мысли в слова. – Но мне кажется, что они... Достижения... усложняют жизнь, подменяют её.

– Почему вы так решили? – наклонив голову, заинтересовалась Линда.

– Человек теряет себя в этой гонке, забывает, кто он есть на самом деле, – осторожно произнёс Гус.

Линда перестала улыбаться и задумчиво устремила глаза мимо Гуса. Он испугался, что сказал что-то не то.

– Вы обещали мне сыграть, Линда? – попросил Гус, осторожно коснувшись её руки.

– Да, конечно, с удовольствием, – восторженно сказала она и быстро встала.

Скрипка привычно очутилась в руках Линды. Игриво улыбнувшись, она взяла смычок.

– Я написала это вчера, Гус! Знаете, наша первая мимолётная встреча вдохновила меня. Считайте, что посвящается вам!

Гус не успел отреагировать. Поток звуков скрутил его ощущения с первой секунды в луч света, вырывающийся далеко за пределы комнаты, дома. Гуляя по просторам Аскерии, он выхватывал из головы картинки, кружил их, перемешивал, бросал, снова поднимал вверх. Вот дорога в Золотой район сменилась яркой вспышкой лица Хониха, гуси на палочках взмыли вверх, достигая самой вершины золотой статуи, уступая место пышным булочкам Крума. Переливы звуков, словно калейдоскоп, сменяли друг друга. Линда играла Аскерию в нём, дёргая ниточки его мыслей и эмоций. Вот она появилась сама. В белоснежном прозрачном платье спускалась по лунной дорожке, ступая по воздуху, всё ближе и ближе к Гусу. Скрипка на мгновение замерла в руках Линды, а затем зашлась невероятным, как ему показалось, недостижимым звучанием новых ощущений в его душе. Она раскрывала тайну, страшную тайну, знать которую ему пока не хотелось, которой он очень боялся. Она выворачивала его наружу, наизнанку, безжалостно показывая, обнажая его. Звуки вызывали страх, желание бежать, спрятаться. Они до-

стигали высшей точки безумства и снова устремлялись вниз, рождая новое, сильное, остервенело бьющееся чувство. Он рассыпался, теряя себя, но звуки снова собирали его, открывая ответы на многие вопросы.

Музыка остановилась. Глаза Линды смотрели на Гуса тайной, обволакивающей всё вокруг.

– Что с вами, Гус? – Линда вернула его в комнату.

– Простите... Со мной происходило что-то невероятное.

Это правда для меня?

– Это не только для вас, это о вас.

– В этой музыке вся жизнь... Моя жизнь.

– Вы ещё не видели жизни. Я сыграю для вас другую жизнь. Хотите?

– А это возможно?

– Это необходимо. Прежде всего, вам.

– Почему?

– Потерпите, Гус. Вы всё поймёте, но позже! Просто доверьтесь мне, как доверяетесь звукам музыки.

Рэйф разложил части разобранного именного пистолета перед собой на столе. Многие годы Аскерия не знала оружия. Однако в последние дни ситуация вышла из-под контроля. Глава СЗА долго переживал, укоряя себя в том, что не смог настоять на своём в ходе знаменательного обеда в ресторане. Хорошо, что он оставался профессионалом все эти безоружные годы, не веря в сладкие речи Сурри. В последнее время он перестал доверять всем, кроме самых преданных и верных соратников. Бездействие Мистера Гавера смущало его больше всего. Уже не что-то, а всё шло не так. Мистер Гавер одновременно существовал повсюду и рассыпался пустотой. Система требовала перезагрузки и волевых решений человека. Некий компьютерный вирус безжалостным палачом обезглавил Аскерию, лишил способности принимать новые и быстрые решения. Это означало гибель Аскерии, спасти которую мог только он – Рэйф.

Воин снова проснулся в нём, заставляя сердце биться быстрее. Бей или беги! Эту истину он усвоил с детства. Дворовые потасовки воспитали в нём желание сражаться до конца, невзирая на порезы и царапины. Самым сильным мальчишкой в их дворе считался Крон. Среднего роста и крепкого телосложения, с коротким ёжиком рыжеватых волос, он

завоевал своё лидерство в темных аскерийских переулках, в жестоких драках с более рослыми и сильными конкурентами.

Одно из таких противостояний навсегда врезалось в память Рэйфа, на тот момент самого младшего в мальчишеской банде Крона. В подворотне, недалеко от аскерийской свалки, две группы озлобленных подростков встали друг напротив друга, готовясь к бою. Ветер гонял пыль, больно скребущую в глазах. Нестерпимо воняло гниющими отходами, сваленными вперемешку с отжившими вещами. Несколько ворон взлетели, громко хлопая крыльями и хрипло каркая. Желваки играли на лице Крона, предвкушавшего победу. В эти минуты он жил, как никогда. Вдруг в стане их противников, словно по команде, на солнце блеснули лезвия ножей. Демонстрируя оружие, семь головорезов в один миг изменили расклад сил. Крон любил живой бой, борьбу сил людей без оружия. Он опешил, сжал кулаки и заурчал позвериному.

– Ты проиграл, Крон! – начал вожак чужаков. – Мы просто перережем вас, как кроликов. Поэтому слушай наши условия... – начал он, ухмыляясь сквозь решето потерянных в драках зубов.

Глаза Крона налились кровью. Он оглянулся. Сзади него, вооружившись палкой, стоял его верный соратник – огромный толстый парень с близко посаженными медвежьими глазами. Крон кивнул ему, давая старт войне – его войне, про-

стой и справедливой. Толстяк понятиво опустил глаза вниз.

– Вперёд! Пусть они сами улыются своей кровью! – зло заорал Крон, делая рывок в сторону противника.

Ножи призывно дёрнулись в ожидании людской плоти, готовые в любой момент начать резню бездушного металла по мягкому живому телу. Войско Крона взметнулось за командиром навстречу беспощадному оружию. Палка Толстого взмыла в воздух и со всей силы опустилась на голову Крона. Командир вмиг осел на землю, успевая повернуть голову в сторону Толстого, и зарычал, пытаясь преодолеть себя. Толстый спокойно посмотрел на Крона, оценивая ситуацию.

– Ему хватит! – заржал вожак чужаков. – Молодец, Толстый! Ты сработал в самый нужный момент. Держи своё вознаграждение, – небрежно протянув несколько крупных банкнот Толстому, сказал он. – Я своё слово держу!

Члены банды Крона застыли в оцепенении, ничего не понимая в происходящем.

Крон слабо шевелился, валяясь на земле у них в ногах. Его пальцы из последних сил, ломая ногти, сгребали землю, рвали ни в чём не повинную траву.

– Предатель... – прохрипел он. – Продажная тварь!

– Не предатель, а наш человек в вашем дворе, – вожак чужаков, скривив губы, присел на корточки рядом с Кроном. – Ты, чучело, так и не понял, что не сила побеждает в войне, а оружие, помноженное на гаверы.

Крон приподнялся на локте, зашипел. Струйки крови сте-

кали по лицу, орошая землю.

– Эй, мелкота! Окажите помощь поверженному! – вожак победно оглядел своё порядком подросшее войско, не допуская ни малейшей возможности никому из новых членов ретироваться. – Я теперь здесь главный. Меня зовут Костлявый!

Борни появился в кабинете как всегда незаметно. Рэйф кивнул ему, глубоко вздохнув.

– Докладывайте, Борни, – привычно начал глава СЗА. – Какова ситуация в палаточном лагере?

– Странные люди разбредаются по всей Аскерии, попрошайничают, к ним присоединяются малорейтинговые жители. Попрошаек становится всё больше и больше. Уже некому удерживать странных людей в пределах территории лагеря. Все силы офицеров СЗА брошены на сбор и доставку странных обратно в лагерь.

– Полное безобразия! – размахивая огромными ручищами, Рэйф заходил по кабинету. – Богатая и успешная Аскерия никогда не видела и не знала нищих. Это позор и близкий конец идеологии Достижений.

– Согласен с вами. Многие офицеры СЗА говорят об этом же.

– И что? Эти странные оказывают сопротивление? Безобразничают?

– Никак нет. Ни одного случая. Они ведут себя мирно и спокойно.

– А как Сурри? Инспектирует?

– Раздаёт листовки, проводит беседы, – усмехнулся Бор-

ни. – Но странные всё-равно уходят из лагеря попрошайничать.

– Борни! – Рэйф тяжело сглотнул. – Мы с вами уже давно вместе. Вы же понимаете, что всё решает оружие?

Борни кивнул и еще сильнее вытянулся.

– Вы хоть осознаёте, что оно в Аскерии давно заржавело? – Рэйф перешёл на хриплый шёпот.

– Никак нет, – отчеканил Борни. – Верные вам офицеры СЗА уже много лет, так же как вы, перебирают каждую деталь своих пистолетов, держа их наготове. Наше оружие всегда готово стрелять.

Борни с гордостью достал свой пистолет из потайной кобуры и продемонстрировал Рэйфу.

– Прикажете действовать? – глаза Борни, готового к исполнению, светились ясностью и простотой.

– Применим план «Б», – заговорщически произнёс Рэйф.

Рэйф начал на листе рисовать понятные только им двоим схемы. Борни кивал и делал пометки в гаверофоне.

– Выполняйте! – удовлетворенно потирая руки, Рэйф вернулся за стол.

Оставался один ход в его партии, партии Рэйфа. Он потянулся за гаверофоном.

– Сурри! – начал Рэйф. – Переживаю, как там ваши дела по инспектированию палаточного лагеря.

– Рэйф! – Сурри захлебнулся традиционным восторгом. – Благодарю за беспокойство! Как я и ожидал, всё идёт успеш-

но.

Глава СЗА раздражённо застучал пальцами по столу.

– Признаю вашу правоту, – Рэйф выдавил из себя эти слова, как зубную пасту из пустого тюбика.

– Рэйф! Ну что вы? – голос Сурри ликовал. – Это наша с вами общая победа! Это дань нашему великому союзу!

– Вы уже сообщили о результатах инспекции Мистеру Гаверу? – перебил его глава СЗА.

– О, нет! Я должен был сначала сообщить об этом вам, – ехидно заметил Сурри.

– Поставьте под письмом Мистеру Гаверу и мою подпись, второй после вашей, отдавая дань справедливости.

– Рэйф! Низкий вам поклон! Мы понимаем друг друга с полуслова.

– Так и есть! – подтвердил Рэйф и отключился.

Ловушка, подстроенная Главой СЗА, захлопнулась. Игра начала приносить ему удовольствие. Игра, финал которой маячил высоко на вершинах Аскерии. Он вытащил сигарету и закурил.

– Ну что, Мистер Гавер? До встречи! – сказал он сам себе, на миг испугавшись этих слов.

Встречи Гуса и Линды стали постоянными. Они гуляли по саду, много разговаривали и даже часто спорили, но непременно в конце вечера Линда играла для Гуса. Музыка объединяла их в ином пространстве, снимая всякие противоречия. Чувства, очищенные от шелухи аскерийских установок, вырывались на свободу, сливались со звуками скрипки, смешивая и объединяя в одно целое две разные личности.

Души сотканы из одного материала, и лишь разум придаёт им оттенки, отделяющие одно живое существо от другого.

Такой непохожий на остальных аскерийцев молодой человек удивлял Линду, сбивал с толку. Она уже давно умело пользовалась своим женским кокетством и красотой в отношениях с мужчинами. Это оружие побеждало всегда, и Гус не стал исключением. Однако вся её победная величественность осыпалась под словами Гуса, открывая незнакомую, неузнаваемую Линду, которую уже не помнил никто, даже она сама... Мир вокруг, как детская раскраска, стал проявляться яркими пятнами, одновременно притягивая и пугая Линду. Она не желала становиться другой, но и без Гуса уже не могла.

– Гус, милый Гус! – в одну из встреч проговорила Линда. – Я обещала вам показать жизнь, настоящую жизнь! Хотите?

– С вами мне всё интересно! – ответил Гус.

– Тогда мы завтра едем в гаверомакет!

– Гаверомакет? Это что такое?

– Это место, где продают одежду, продукты!

– А зачем нам туда ехать, у меня же есть одежда?

– Одежда и продукты бывают разными.

– Не понимаю!

– А это не страшно! Лучше один раз купить, чем сто раз подумать! Ну что, собираемся?

Взявшись за руки, они вышли из дома, сели в клаер и направились в крупнейший гаверомакет Аскерии. В полёте Линда поймала взгляд Гуса, который скользил по её идеально стройным ногам. Ранее робкие, но сейчас уже уверенные поцелуи сильного молодого мужчины её будоражили. Влечение норовило перейти в более решительные действия, но торопиться не стоило. Системность и последовательность никогда не подводила её в жизни. Жесткое следование алгоритмам она впитала с детства от деда. Он называл любовь химическим процессом, который подлежит такому же контролю, как и всё остальное в жизни. На все возникающие ощущения и чувства Линда мгновенно навешивала ярлыки, плотно упаковывала и раскладывала их по полочкам, закрывая каждую ячейку на замок. Жалость как слабость. Благодарность как обязанность вернуть долг. Счастье как материальный достаток и новые события. Не позволяя себе выпускать их наружу, она не чувствовала любовь, она анализировала её, считая

умение управлять любовью своим высшим Достижением.

Клаер приземлился на стоянке, обозначенной специальным знаком с большой буквой «З».

– Что это за знак? – с интересом спросил Гус.

– Это знак особого статуса стоянки, не все имеют право здесь ставить свои клаеры.

– А какая разница клаеру, где ему стоять, он же не живой!

– Клаеру без разницы! – засмеялась Линда. – Владельцам клаеров не всё равно. В этом месте комфортнее, чуть ближе ко входу.

– На десяток метров, не больше!

– Вот этот десяток метров и отделяет одних от других!

Гус поднял глаза вверх. Громадина гаверомаркета возвышалась над людьми. Разноцветные баннеры разных размеров, облеплявшие фасад, рябили в глазах, словно пытались перекричать друг друга. У Гуса закружилась голова. Он почувствовал себя маленьким и беспомощным. Люди, как муравьи, сновали туда-сюда непрекращающимся потоком. На входе в гаверомаркет стояли стеклянные вращающиеся по кругу двери-вертушки, которые заглатывали порциями людей и выплёвывали их.

Просочившись сквозь стеклянную карусель, Гус и Линда оказались внутри гаверомаркета. Звуки, издаваемые людьми, уборочными машинами, громкоговорителями, эскалаторами и движущимися деталями рекламных объектов перемалывались в один общий протяжный гул. Бесчислен-

ное количество стеклянных магазинов и бутиков пестрели разнообразными товарами. Запахи кофе, бытовой химии, парфюмерии, свежего хлеба, сладостей, кожаных изделий набрасывались на покупателей с разных сторон, заманивая в свои сети.

Минута, вторая, третья, – и в обычном человеке под воздействием запахов, звуков и красочных упаковок рождался охотник. Капканы-двери щёлкали своими механизмами, занося его то в одну, то в другую сторону охотничьей тропы.

– Стреляй! Забирай добычу! – призывали продавцы.

– Пли! Попал! – победно вскрикивал охотник, стуча заветный пин-код пластиковой карты на терминале или шелестя наличными.

Озираясь, сравнивая себя с другими охотниками, человек хватал добычу, направляясь к выходу. Ещё оставались патроны, ещё был порох в пороховницах кошельков.

– Возьми меня, ты можешь! – вопили рекламные плакаты и стойки на пути охотника.

И тут уже добыча начинала атаковать охотника, пытаясь упасть в его переполненные пакеты. Охота набирала обороты, и уже невозможно было понять, кто здесь охотник, а кто – добыча. Опустив головы, охотники-жертвы торопились, переходя на бег в сторону дверей-вертушек, понимая уязвимость своих желаний.

С рекламы на Гуса глядели абсолютно одинаковые, по-инкубаторски счастливые люди с фальшивыми улыбками.

– Чем их так всех обрадовали? – спросил Гус.

– Это же реклама! – засмеялась от души Линда. – Не существует этих людей, они просто нарисованы, чтобы вдохновлять покупателей.

– Не существует? А вот этих Кинусов я уже видел, – удивился Гус, тыча пальцем в огромный плакат в витрине магазина сантехники.

В левой части плаката из душевой кабины выглядывало вытянутое, вероятно от счастья, лицо мамы Кинусов. С мокрой пряди её волос капала вода, демонстрируя, что процесс использования душа уже завершился, вызвав восторженные эмоции женщины. В правой части рекламы изображалась ванна, до краёв наполненная пенной водой. Над пенной гладью возвышались озорные головы детей Кинусов. Мальчики весело смотрели друг на друга, разделяя братскую радость от нахождения в просторной ванне. В центре плаката красовался глава семьи Кинусов, облокотившийся о бачок унитаза. Устремив блаженный взгляд на потребителя, он светился неподдельным удовольствием от регулярного использования рекламируемого изделия. Убедительность рекламного плаката завершалась броской надписью «Кабинка, ванна, унитаз приводят Кинусов в экстаз».

Молодая белокурая аскерийка, нагруженная пакетами с покупками, пытаясь разглядеть время на экране гаверофона, цокая каблучками, бежала к выходу. Задев пакетами Гуса, блондинка споткнулась. Яркие баночки и коробочки с кос-

метикой рассыпались из разорвавшегося пакета и поскакали по гладкому полу. Нагруженный рыболовными принадлежностями толстый краснолицый мужчина наступил на ярко-красный тюбик помады. Поскользнувшись, он не удержался на ногах и, непроизвольно ткнув удочкой вперед, с размаху влетел в стеклянную витрину магазина зоотоваров. Осколки дождём посыпались на краснолицего. Обитатели чудом не разбившегося аквариума с ужасом выпучили свои рыбы глаза на застрявшую в осколках витрины удочку.

– А-а-а! – заорала блондинка, обхватив руками щёки. – Моя новая косметика! Сколько гаверов пропало!

Увидев, стрелку на тонких чёрных колготках, оставленную пакетом, она зарыдала, и крупные слёзы полились по лицу, смывая яркий макияж.

– Не плачьте, пожалуйста! Это я виноват! – засуетился возле неё Гус, подбирая рассыпавшиеся тюбики и баночки.

Блондинка не унималась, отмахивалась от него руками и продолжала выть.

Линда рванула под руку Гуса, оттащила его от блондинки. Он еще долго с жалостью оглядывался.

Плачущая девушка продолжала размазывать по лицу разноцветные слёзы, однако уже активно стучала маникюрными длинными ноготками по экрану гаверофона и фотографировала неудачливого рыболова, запутавшегося в своём снаряжении.

Молча, стерев улыбку с лица, Линда быстрым шагом вела

его по гаверомаркету подальше от неприятной сцены. Крепко вцепившись в рукав его куртки, она невольно пыталась присвоить Гуса, украсть его для себя у остальных. Неужели он становится так важен для меня, думала Линда, закусив губу.

– Хватит оглядываться! Подумаешь, какая-то раззява устроила цирк, рассыпала дешёвую косметику. Наверняка у нее проблемы с балансом. Она не заслуживает твоего внимания! – фыркнула Линда.

– Неужели тебе совсем её не жалко?

– Да с чего мне её жалеть? Я её знать не знаю, – Линда покраснела. Схватившись за сердце, она закатила глаза и облокотилась на Гуса.

– Что с тобой? Тебе плохо? Давай присядем где-нибудь? – засуетился он.

Гус заботливо взял Линду под руку и, заведя в ближайшее кафе, усадил на диван.

– Что будете заказывать? – перед ними возникла фигура официанта с маленькими черными усиками.

– Заказывать? – удивился Гус. – Линде немножко плохо, мы тут посидим у вас, пусть она немного придёт в себя. Не тревожьте нас, пожалуйста.

Официант занервничал, переминаясь с ноги на ногу.

– Э... – начал он в нерешительности. – Видите ли, у нас тут кафе, надо что-то взять, заказать, чтобы посидеть.

– Так мы ничего не хотим! – твёрдо ответил Гус. – Я же

поясняю вам: девушке плохо...

– Да, да! – вмешалась в разговор Линда, спасая психику официанта от нарастающего замешательства. – Мы закажем что-нибудь, принесите нам кофе, пожалуйста.

– О, у нас десять сортов кофе! – приходя в себя, привычно начал официант. – Вам какой?

– Нам самый крепкий! Какой у вас самый крепкий?

– Эспрессо! Советую фирменный аскерийский эспрессо, он подороже классического эспрессо, но зато обладает потрясающим вкусом Аскерии.

– Два аскерийских эспрессо, пожалуйста!

– А к ним? Пирожные, штрудели, мороженое – всего более ста наименований! – подчеркнул официант, протягивая толстое меню.

– Пока только эспрессо!

– Я оставлю вам меню, может, вы всё-таки что-нибудь выберете, – погрузился официант, удаляясь.

Гус смущённо слушал диалог, переводя глаза с Линды на официанта. С недавних пор он не любил их, они казались ему навязчивыми людьми.

– Как ты себя чувствуешь? Не понимаю, почему здесь просто нельзя посидеть? – задал Гус вопрос.

– Спасибо, мне уже лучше! Гаверомаркеты – это территория гаверов! Здесь всё что-то стоит, за всё необходимо платить. Теперь тебе понятно, зачем необходимы гаверы? – пояснила Линда.

– Выгоднее же тогда заплатить как можно меньше? Почему ты заказала дорогой кофе?

– Мне бы не хотелось, чтобы люди видели, что я пью дешёвый кофе. Всё-таки я – композитор и должна держать марку...

– Думаешь, на тебя сейчас кто-то смотрит? – спросил Гус, оглядываясь.

– Нет, не думаю, но это стало привычкой! С детства! Дед постоянно подчёркивал, что вести себя надо так, как будто ты на сцене.

Черноусый официант принёс кофе, аккуратно поставив чашки перед клиентами.

– По-моему, не важно, как пить кофе и где! Кофе, он и есть кофе! – смутился Гус от её прямого взгляда.

– Сейчас допьём кофе и пойдём покупать тебе туфли! – сменила тему Линда.

– Туфли? Зачем? У меня же есть обувь!

Линда покачала головой и заговорщически посмотрела на Гуса. Оставив чаевые официанту, Линда и Гус вновь нырнули в шумный мир гаверомаркета. Бегущие лестницы извивались, блестя стальной чешуёй, пронизывали здание снизу доверху, перенося аскерийцев с этажа на этаж. Покупательская лихорадка у людей сменялась задумчивостью и опустевшим взглядом, лишь только они ступали на движущиеся ступени. Каждый для каждого – никто. Незнакомец рядом с незнакомцем. Одинокие люди в потоке. Контакт под запретом ано-

нимности. Плечом к плечу, часто касаясь друг друга, они скованы кандалами условностей и цепями правил. Смотреть прямо в глаза – вызывать тревогу, находиться очень близко – нарушать личное пространство. Великий спектакль большой толпы покупателей по сценарию Достижений под названием гаверомаркет. Все сюда! Отдыхать, покупать, просто проводить время! Можно отказаться, можно не ходить, бросить вызов всем, выделиться из толпы. Можно просто начать думать! Очнуться, осознать, перестать убежать от себя. Сложно. Легче, гораздо легче остаться таким, как все, быть полноценным членом общества, растворяя себя в толпе, теряясь в пучине незнакомых, но похожих на тебя аскерийцев.

– Видишь, Гус? Это магазины обуви! Их много! Сейчас я буду тебя удивлять! Я открою перед тобой ранее неведомый мир! Хочешь этого? – глаза Линды пылали огнём.

– Давай! – Гус оживился.

– Смотри! Вот, первый из них! Заходим?

Они пересекли порог магазина и погрузились в толчею. Зал кишел людьми, которые мерили обувь, стояли у стендов, рассчитывались у кассы. Большие плакаты «Скидка 70%» и «Распродажа» украшали стены магазина. У самого входа потный мужчина средних лет старательно зашнуровывал ботинки.

– Ну как? – спросил он обмахивавшую себя газетой стоявшую рядом с ним женщину.

– Да, нормально! Главное, цена хорошая, не модничай,

выбирай сегодня. Завтра скидки могут закончиться.

– Немного жмут! – скривив лицо, проговорил он, смахивая со лба очередные капли пота.

– Разносишь! Тесные ботинки разношиваются. Ещё детям надо обувь покупать. А тут – цена! – наседала на него женщина.

– Рассматриваете покупку в кредит? – перед Гусом с Линдой возникла милая девушка небольшого роста в синем фирменном костюме гаверодома.

– Нет, нет! – сразу отреагировала Линда. – Давай померяем что-нибудь? – обратилась она к Гусу.

– Так всего много! Я даже не знаю, с чего начать? – ответил Гус.

Линда подозвала продавца. Молодой парень неприметной наружности понимающе кивнул и исчез, вернувшись через несколько минут с коробкой.

– Присаживайтесь! – пригласил он, указывая на потёртые сиденья.

Продавец поставил перед ним коробку и исчез. Нехотя Гус начал надевать туфли. Рядом с ним на соседнее сиденье плюхнулась полная женщина, потеснив его.

– Ох, как же быть то? – запричитала она. – Где же взять такую обувь, чтобы налезла. – У вас что, вся такая жёсткая? А помягче нет? Ничего не подходит... – обратилась она всё к тому же неприметному продавцу.

– У нас вся обувь хорошая, вся подходящая! Только сего-

дня каждая вторая пара обуви со скидкой семьдесят процентов, – не глядя на неё, заученно ответил продавец.

– Каждая вторая? – женщина выпучила глаза. – Это как? Все чётные пары со скидкой семьдесят процентов?

– Я же сказал: каждая вторая, а не все чётные! – занервничал продавец.

Гус натянул туфли себе на ноги, встал, попробовал пройтись, поймав на себе изучающий взгляд Линды.

– Ну как? Удобно? Нравится? – саркастически спросила она.

– Не очень, если честно! – пожал плечами Гус. – Как-то они на другие ноги, как будто. Великоваты.

– Снимай! Размер поменьше принесём!

Линда дождалась продавца, он равнодушно сложил туфли в коробку и вяло поплёлся за новой парой обуви. Толстуха окончательно сместила Гуса со своего сиденья, безуспешно меряя одну пару за другой и трагически причитая над уходящими с завтрашнего дня скидками. Мимо, опустив голову, прошёл с коробкой тесных туфель в руках потный мужчина, подгоняемый женой, всё также машущей уже изрядно потрёпанной газеткой. Душная атмосфера магазина истекала потом, людским нетерпением, смешанным с радостью скидок. Продавец принёс новую пару обуви. Гус снова обул туфли и, встав, сделал попытку пройтись.

– Ну как? – прищурилась Линда. – Снова неудобно?

– Да знаешь, также! Только они маловаты, совсем тяжело

будет ходить!

– Какая беда! – хлопнула в ладоши Линда. – А между ними размера нет. Выбирать придётся между «жмут» и «большие».

Гус умоляюще посмотрел на неё.

– Ладно! Снимай! Идём отсюда! – сжалилась она.

Гус почувствовал явное облегчение. Но на этом его мучения не закончились. Они зашли еще в несколько обувных империй с одинаково неприметными усталыми продавцами, к месту и не к месту тараторившими заученные рекламные тексты, и не нашли там ничего подходящего.

– Сейчас мы заглянем вон в тот, с золотистой вывеской, – победно сказала Линда.

В салоне магазина оказалось значительно меньше народу, чем в предыдущем.

– Добрый день! – проворковала миловидная стройная брюнетка, заглядывая в глаза посетителям, поправляя аккуратные кудряшки. – Желаете чаю?

– Если можно, воды, – жалобно попросил Гус.

Проведя их к центру зала, она усадила Линду и Гуса в мягкие кожаные кресла. Искусственно поддерживаемая прохлада торгового зала и тихая спокойная музыка расслабляли. Выпив воды и немного передохнув, Гус начал приходить в себя.

– Посмотрите на этого молодого человека. Разве сложно будет подобрать ему туфли, в которых он будет счастлив? –

подняла глаза на брюнетку Линда.

– Непременно! – продавщица окинула изучающим взглядом Гуса, и, щёлкнув пальцами, загадочно удалилась.

Через минуту перед ним стояла элегантная пара обуви. Брюнетка осторожно помогла ему надеть стильные чёрные туфли. В это время за спиной Гуса возникла вторая девушка с другой коробкой. Обувная карусель завертелась вокруг него. Одни туфли сменялись другими. Линда, устроившись в кресле напротив, блаженно улыбалась. Гус только успевал замечать одни за другими туфли на своих ногах. Девушки так умело перемещали их с его ног в коробки, что он сбился со счёта.

– Линда! – улучив паузу между примерками, тихо проговорил Гус. – Посмотри, цены здесь в несколько раз выше.

– А ты молодец! Быстро заметил разницу! – улыбаясь уголками губ, негромко ответила Линда. Тебе какие туфли больше нравятся?

– Все хорошие! – просияв, ответил Гус. – Во всех удобно!

– Да, неужели? – Линда наклонила голову набок.

– Мне не нужны эти туфли! Я и так счастлив, в своих! – уверенно проговорил Гус. – Зачем ты привела меня сюда?

– Я хотела сделать тебе подарок!

– Обуть как куклу? Я не кукла, я – человек! – сказал Гус и тут же осёкся.

Глаза Линды сверлили его, проникая в самую суть.

– Что ты сказал? Повтори! – Линда сдвинулась на край

кресла, приблизившись к нему.

– Я – человек! – твёрдо и очень громко повторил Гус. – Прости, я не буду покупать себе эти туфли сегодня. Спасибо вам! – обратился он к девушкам с коробками в руках.

Линда в замешательстве встала с кресла.

– Мы уходим! – отчеканил Гус, беря её за руку, направляясь к двери.

В молчании они вышли из гаверомаркета, сели в клаер и взмыли в небо.

Сумерки медленно поглощали Аскерию, вспыхнувшую миллионами огней как на земле, так и в небе. Клаер Линды с огромной скоростью удалялся от мерцания аскерийской жизни. Редкие клаеры пролетали мимо. Небо пустело, возвращая себе истинный нетронутый вид.

– Прости... – Гус первым прервал молчание.

Линда посмотрела на него. Внутренний свет клаера неярко очертил фигуру Гуса. Красивое, ровное, уверенное лицо, показавшееся в этот момент Линде давно знакомым. Она хотела ответить, но губы плотно сжались, словно не желая выпускать слова наружу.

Линда резко повернула клаер. Зачем ты это делаешь? Вопрос к самой себе также остался без ответа. Беспорядочная толкотня мыслей, запутавшихся в противоречиях, накрыла тупой головной болью. Воздушная машина распарывала вечернее небо, унося мужчину и женщину далеко за пределы Золотого района.

Остановившись, клаер завис. Под ним плескалось море. Ледяные волны пенно и гулко хлестали по каменным изваяниям, сопротивляясь надвигающейся зиме. Им аккомпанировала тишина, звонкая и чистая, не сдобренная человеческим шумом. Утопающее солнце таяло в воде, растекаясь

оранжевыми бликами. Голые деревья, местами припыленные белизной, застыли на берегу, прислушиваясь к водным переливам.

– Это наше с дедом место. Он часто привозил меня сюда... – глотая слёзы, тихо сказала Линда. Задумчивая, сбросившая оковы сильной, ответственной, уверенной женщины, она смотрела на закат. Маленькая, уставшая, обиженная девочка.

– Прости... – Гус осторожно прикоснулся к её руке и уткнулся носом в выскочившие из причёски пряди каштановых волос. – Прости, прости... – шептал он. Нежнейший цветочный запах, исходивший от волос, переплетался с тонким запахом самой Линды.

Она тихонько заплакала. Гус целовал и гладил её волосы, едва касаясь пальцами. Нащупав губами мягкую бархатистую кожу, он заправил её локоны за ухо, и медленно стал покрывать поцелуями шею и открывшееся, так возбуждавшее его маленькое ушко. Слизывая слезинки с лица, он подобрался к полуоткрытым губам. Невыраженное, долго томившееся внутри наконец-то ринулось наружу. Короткие поцелуи нарастающей мелодией слились в один долгий и страстный порыв. Впервые вместе они начали писать музыку своей любви. Ноты инстинктивно вставали в ряд. Мозг взметнулся последними мыслями, уступив место пустоте. Разуму было отказано в контроле. Голый, первозданный инстинкт накрыл их, круша и уничтожая условности и различия, Достижения

и балансы. Осталась лишь страсть, неумолимое стремление окунуться в бесконечный единый поток. Всё напряжение дня утонуло в пучине нахлынувших чувств.

Гус прижался сильнее к трепещущему женскому телу. Слыша отдающийся в голове стук собственного сердца, он почувствовал слабое биение еще одного. Дыхание участилось. Линда не сопротивлялась. Откинув голову назад, она закрыла глаза и полностью отдалась нарастающим ощущениям. Расстегнув пуговицы блузки, молодой человек провёл ладонью по её вздымавшейся круглой оголенной груди. Соски затвердели. Линда обняла Гуса, и едва касаясь ногтями кожи шеи, завела пальцы обеих рук в волосы на затылке, крепко сжав их в кулачках. Волна возбуждения пробежала по мужскому телу, поднимая волоски, и водопадом рухнула в низ живота. Атака твёрдой мужской сути развивалась стремительно, проникая всё дальше и дальше, в самую сердцевину женской тайны. Как можно быстрее достигнуть заветной цели. Заставить трепетать, сделать остановку невозможной. Глубже, ещё глубже. Гус становился сильнее с каждой секундой, ощущая лишь самое начало сладости своего движения. Энергии мужчины и женщины объединились в нечто целое, стремясь к ещё большему единству. Уподобляясь им, тела пытались проникнуть, слиться и перемешаться, но лишь ритмично двигались навстречу друг другу. Время рухнуло, неслышно разбившись на маленькие осколки. Пространство просело, оставляя Аскерию в другом измере-

нии. Началось! Великое, ни с чем не сравнимое таинство! Истинно человеческое, без вранья и условных обёрток. Соната сути жизни переливалась, извивалась, менялась, сверкая блеском человеческой природы. Вселенная вздрогнула в миллиардный раз. Взобравшись на высоченную гору ощущений, Гус и Линда с негромким криком рухнули вниз, в пещину спокойствия, обновленного перерождения. Фатальное расслабление завлекло в пучину особого, только этому мигу свойственного, покоя. Подобно наркотику очерчивая безысходность этой зависимости, играя звёздный гимн незавершённости человека, повторяемости и ненасыщаемости жизнью.

Главный печатный орган Аскерии располагался в старинном двухэтажном здании, в самом центре Лестничного района, рядом с другими административными строениями. Масивный, выпуклый на фоне своих соседей, офис «Аскерийских новостей» выделялся большими белыми колоннами при входе, высокими потолками с лепниной и широкими коридорами. Над входом красовался барельеф юноши и девушки, склонившихся над столом, вероятно, сочинявших очередные новости из жизни Аскерии.

Видевшие эту картину впервые постоянно задавались вопросом: почему девушка изображена в туго завязанной косынке и высоких рабочих кирзовых сапогах, а юноша – в шортах и кроссовках на босу ногу. Говорят, что в этом случае старожилы «Аскерийских новостей» рассказывали историю о первых журналистах газеты. Молодые люди мечтали о том, чтобы делиться с другими аскерийцами интересными событиями из жизни родного края. Девушка по имени Нова работала на стройке, а в перерывах, между делом, улучала минутки для описания всего интересного, что видела вокруг. Однажды за этим занятием её застал молодой спортсмен Стиф, который тренировался, пробегая мимо пишущей девушки. Он бегал по всей Аскерии и видел больше Новы,

трудолюбившейся в одном месте. Разглядев в плотно завязанной косынке и кирзовых сапогах красивую девушку, Стиф решил познакомиться с ней, присел рядом и начал ей рассказывать интересные истории.

Нова старательно записала все истории Стифа и раздала их своим коллегам-строителям, которые клали кирпичи, размешивали раствор, управляли кранами. Новости имели колоссальный успех. Люди требовали новых описаний, увлекаясь яркими, сочными и красочными рассказами Новы и Стифа. Со временем Нова и Стиф поняли, что можно не работать на стройке и не бегать, готовясь к соревнованиям, а просто писать новости, продавая их впоследствии за гаверы. Так возникла газета «Аскерийские НовоСтиф», впоследствии утерявшая букву «Ф» по невнимательности машинистки, которая, вероятно, плохо училась в Климадосте и неважно владела правилами великого аскерийского языка. Опытные журналисты подчёркивали, что в основе их печатного органа лежала любовь простой строительницы и талантливого спортсмена, которые, следуя своей мечте, заложили основы журналистики Аскерии.

«Аскерийские новости» в современном виде представляли собой территорию офисной жизни, плантацию застольной индивидуальной и коллективной работы. В отличие от Новы и Стифа их потомки творили не на свежем воздухе, а в строгой атмосфере кабинетов, коридоров, лестниц и туалетно-курильных комнат.

– Коробочное творчество! – восклицал главный редактор Аскерийских новостей. – Творить надо на природе, а кабинеты – это коробки, напичканные гаверотехникой, опутанные проводами. Перо и чернила – вот истинные инструменты журналиста.

Главред достиг своего положения во многом благодаря громадной фигуре непомерных размеров. Говорил он мечтательно, сонно, неконкретно, обтекаемо, чем всегда нравился собеседникам, среди которых в какой-то период попались значимые люди, углядевшие в этом человеке-горé вероятность яркого пятна на повседневной карте журналистики Аскерии. Главред умел потрясающе слушать. Как утверждают очевидцы, собеседников поражали большие уши, непропорционально выделяющиеся даже на фоне его огромной фигуры. Их необычность состояла в том, что в момент слушания они начинали шевелиться в сторону говорящего, показывая небывалый интерес к его словам. Делал ли это главред бессознательно или, действительно, обладал природным даром абсолютного владения ушными мышцами, никто не знал.

– Великий журналист! – провозгласили как-то значимые люди, не соврав. Он и вправду был велик.

– Большим людям – большие возможности и большие должности! – в ответ придумал главред, занимая самый высокий пост в журналистской среде. – Офисная жизнь – это удел великих! – часто добавлял он, с любовью окидывая

взглядом свой кабинет, поправляя падающие с лысеющего лба три легендарные волосинки.

Офисная жизнь в Аскерии текла размеренным, спокойным потоком гарантированной стабильности. Ровно в девять утра окна офисов вспыхивали электрическим светом, знаменуя старт сидению за столиками армии офисных работников, уставившихся в мониторы гаверонов. Часам к десяти часть офисников перемещалась за большие столы для коллективных совещаний. Споры и ссоры освежали скучное сидение за гаверонами. На совещаниях офисники соревновались за новые Достижения, однако с особым рвением хвастались старыми, используя свой рейтинг и баланс как оружие против коллег в борьбе за место под солнцем.

– Да вы ещё пешком под стол ходили, коллега, когда я верстал газету! – с горящими глазами возмущался пожилой человек.

– А у меня три образования с отличием, плюс к этому курсы журналистов при Высшем Аскерийском Климадосте! – возражал молодой человек с потухающим взглядом.

Каждый шёл совещаться по работе, но думал о себе, о своей карьере, о количестве гаверов на счету в гаверодоме, свято помня главные принципы Аскерии, впитанные с молоком матери: «Достигай! Достигай! Достигай!» В офисной жизни это означало обязательно двигаться вверх по служебной лестнице, приобретая новые знаки отличия. Размер гаверона, мягкость кресла, величина офиса – всё это отделяло

одних от других, обозначая тотальное неравенство офисных работников.

Журналист газеты «Аскерийские новости» Жаф слыл ветераном офисной жизни. Пройдя хорошую школу печатного слова, Жаф, как никто другой, умел оживлять никчёмные новости, создавать события из ничего, находить содержание в пустоте, словно воду в пустыне. Небольшой рост, природная щуплость ещё с Климадоста приучили Жафа бороться за достойную жизнь. Он привык первым влезать во всё, что могло принести успех, опережая своей юркостью большинство коллег. Длинный нос Жафа со временем стал его гордостью, символизируя профессиональное чутьё.

– Я – Жаф! – говорил он сам про себя. – Первый в каждой щели! Мой длинный нос учует скандальные запахи даже в самых узких местах.

– Послушайте, Жаф! – главный редактор поймал журналиста в коридоре, нависнув над казавшейся на его фоне детской фигурой журналиста. – Давненько от вас не прилетало информационно-бомбовых ударов по сознанию аскерийцев.

Жаф, как опытный боец офисных батальев, понимал, что коридорные диалоги важнее любых совещаний, кабинетных переговоров и прочей официальной ерунды. Коридор нёс на себе оттенок интимности, доверительности, превосходя в значимости даже туалетно-курительное общение, в котором тебя запросто могли подслушать таинственные обитатели кабинок и спины около писсуаров. Коридор оставлял лю-

дей один на один, создавая при этом ограничение по времени. В коридорах обычно говорили чётко и по существу. Коридорная правда высоко ценилась Жафом, особенно когда исходила от главного редактора.

– А как же моя статья про пожар и сбежавших странных людей? – удивился Жаф. – Что может быть актуальнее?

– В том-то и дело, что может! – главред поморщился, взяв своей гигантской рукой журналиста за лацкан пиджака.

– О как! – округлил глаза Жаф.

– Стареешь ты! Теперь надо отвлечь Аскерию от странных людей, при этом жёстко, как ты умеешь, так, чтобы мурашки по телу пошли! – главред вздохнул, обдав Жафа приличной порцией ветра.

– Понял! – радостно просиял Жаф. – Есть одна заготовка!

– Ну-ну! – оживился главред.

– Предлагаю повторить «утку» про индюший чёс! Новая волна инфекции! Все опять начнут чесаться и забудут про странных людей! Можно даже сказать, – Жаф творил на ходу, – что инфекция пошла в этот раз из палаточного лагеря, объявить их очередными разносчиками опасного заболевания. Во-первых, аскерийцы начнут сторониться странных людей. Кому охота заразиться. Во-вторых, какие уж тут странные люди, когда индюший чёс. Чесотка всяко сильнее жалости к попрошайкам!

– Нет, нет! – замахал огромными ручищами главред, устраивая настоящий ветер в коридоре. – Старая идея. Все

ещё хорошо её помнят. Да и скандал с обогащением известной фармацевтической корпорации, продававшей мазь «Индюшин», не утих. Говорят, они и тебе приличный гонорар отвалили? – прищурил свои гигантские глазища главред.

– Гонорар? – начал оправдываться Жаф. – Шеф, вы же знаете, насколько я вам предан. Ни один гавер не проскочит мимо вашего великого взгляда.

– Я потом перед Сурри знаешь сколько объяснялся? – сокрушался главред.

– Шеф, я постараюсь, мне моё честное имя сегодня, как никогда, дорого! – продолжал скулить журналист.

– Вот и я о том! – главред опустил на его плечо свою лапу. – Ты должен накопать реальный шок для Аскерии. Мозги людей меняются, они требуют правды! – главред убрал руку с плеча вспотевшего журналиста. – Необходима реальная основа информации, разоблачение, понимаешь.

– Так где же я её возьму, правду? – расстроено сузив глаза, ответил Жаф.

– Жафчик, дорогой! – главред перешёл на тон служебной мольбы великих. – Ты можешь, я знаю! Походи по злачным местам, поговори с людьми. Надо гаверов – зайди, получи «пьяный аванс». Поспаивай пьющих, поговори с трезвыми. Глядишь, что и нароешь!

– Хорошо, я подумаю, – понимающе кивнул журналист. – В бухгалтерию тогда сейчас за «пьяным авансом»?

– В бухгалтерию зайди, я распоряжусь! А вот думать у те-

бя времени нет! – состроил озадаченную гримасу главред. – Сроку тебе неделя. Это означает, что в следующем номере новость, вышибающая мозг, уже должна быть.

– Ясно, – понимающе, по-коридорному кивнул Жаф, протягивая шефу руку. – Сделаю всё в лучшем виде.

Линда часто засыпала на плече Гуса. Счастливые влюблённые обрели новый мир, где царила нежность и красота. Рабочий день в пекарне Крума проносился моментально, открывая сказочный вечер. После ужина они гуляли в саду. Обнявшись, влюблённые подолгу тонули в тишине деревьев.

– Смотри, Линда! – говорил Гус. – Они живые, такие же, как мы с тобой, чувствуешь это?

Линда игриво смеялась и, вытянув в стороны руки, кружилась на месте.

– Как же я жила без тебя до сих пор?

Её сияющие глаза окутывали Гуса пеленой желания. Снежинки осыпали их головы, украшая долгий поцелуй.

– Мгновение, и они тают! – Гус ловил на ладонь падающий снег. – Мгновение, всего одно.

– Почему я никогда раньше этого не замечала? Вот так просто радоваться каждой мелочи, каждой снежинке. Разглядеть саму жизнь в каждом ее секундном проявлении. Вдыхать морозный воздух и выдыхать все беспокойные мысли в небо.

Они бежали в дом, предаваясь любви. А потом пили чай в библиотеке. Приглушенный свет и отблески камина наполняли комнату таинственной атмосферой. Струйки горяче-

го пара извивались над чайными чашками. Линда играла на скрипке. Гус, сидя в мягком кресле, закрывал глаза и полностью погружался в мир рождающихся образов, проживая в нём каждый вечер ещё одну новую короткую жизнь. Но иногда он любил наблюдать за Линдой. Её руки привычно двигались в особом ритме, то замирая на секунду, то остервенело, надрывно ускоряясь. Звуки, словно продолжение её чувственности, скатывались с пальцев, властно захватывая всё вокруг, передавая на своём бессловесном языке всю глубину её чувств. Линда не играла музыку, она сама становилась музыкой.

Лишь изредка идиллия омрачалась налётом неясной грусти Линды. Она напрягалась всем телом, умолкала и подолгу глядела в окно.

– Что с тобой происходит? Вокруг так хорошо. Что за грозные тучи появляются на твоём небосклоне? – спросил Гус, обхватывая её обеими руками и прижимая к груди.

– Это сложно объяснить... Я не могу тебе сказать, да и не зачем! Придёт время, ты всё поймёшь. Хотя лучше этого никому не знать, – она печально улыбнулась, легонько тронула его пальцем по носу и увлекла в спальню.

Её голова на его плече. Она засыпала. Самые сладостные моменты. Гус ловил каждый миг этих отношений, бережно проживая его. Тревожась за Линду, он долго не мог уснуть. Коснувшись губами её волос, Гус тихо выскользнул из постели и прошёл в библиотеку.

Со всех сторон на Гуса уставились многочисленные переплётцы. Впервые он остался один на один с этим книжным царством. О чём же оно молчит? Разноцветные обложки и не похожие друг на друга названия начали манить Гуса. Событий окунуться хотя бы в одну из них нарастал. Проведя пальцем по корешкам, он вытащил тяжёлый массивный том древесно-коричневого цвета с вдавленными в кожу буквами «СЧАСТЬЕ В АСКЕРИИ». Гус налил себе кружку горячего чая, сел в кресло и открыл книгу на первой попавшейся странице. Буквы начали складываться в слова, проникая в мозг. Глаза забегали по строчкам.

«Аскерийцы победили время: они его рассчитали, они им управляют, они его планируют.

Посмотрите, как распоряжается временем счастливый аскериец.

Сравните с тем, как делаете это вы.

Найдите ошибки, сделайте выводы, внесите изменения в свою жизнь.

Помните: большинство аскерийцев живут именно так! А вы?

Инструкция для тех, кто хочет стать счастливым.

Утро. Призовите на помощь программу «Вставалка» в вашем гаверофоне. Она не подведёт, потому что не знает жалости к безволию и лени. Она вас точно разбудит!

Рекомендуемые мелодия и слова:
Достигай! Достигай! Достигай!
Рейтинг ждёт, ты его обновляй.
Раз родился на свет ты в Аскерии,
Будут ждать тебя бонусы, премии!
Вставайте!

Минимальное время на утренний туалет. Срочно смотрите новости в своём гаверофоне. Вы должны знать всё самое свежее, получить глоток новой информации. Заканчивайте просмотр новостей сводкой прогноза погоды, используя программу «Дождилка».

Помните: картинка за окном может быть обманчива. Не дайте ввести себя в заблуждение. Выработывайте привычку доверять только электронным прогнозам.

Разогрейте полуфабрикат, купленный вчера в гаверомаркете. Не тратьте время на приготовление пищи самостоятельно. Время так дорого, а стояние у плиты так томительно. Аскерийские гаверомаркеты заботятся о вас, экономят время.

Если у Вас есть дети, будите их. Возможно повторение звука «Вставалки» с уже хорошо знакомыми вам словами. Рекомендуется самому петь слова известного аскерийского шлягера. Личный пример родителей воспитывает ребёнка».

Гус отложил книгу. Инструкция к тому, как стать счастли-

вым? Раньше он не думал, что такое возможно. Математический расчет счастья. Даже песни рекомендовано петь именно такие. Он встал, прошёлся мимо книжных полок. Песни. Гус слышал в Аскерии много песен, похожих друг на друга. Наверное, когда разные песни об одном и том же, возникает желание петь одну песню.

Он продолжил чтение.

«Завтракайте! Быстро и старательно пережёвывайте пищу. Помните: вы достигаете, чтобы вкусно есть. Почувствуйте на кончике языка прекрасный вкус. Помните: в каждом кусочке пищи есть вкус Аскерии. Если вы его не чувствуете, зайдите в гаверофон и найдите программу «Едалка», прочитайте статьи экспертов о том, как, что и когда есть.

В санер! Вы всё ещё ездите по земле? Срочно посетите программу «Бредилка» с информацией о дешёвых бредитах на клаер. Выбрать удобный бредит так просто, а летать на клаере так здорово!

Помните: важно посоветоваться с соседями, сослуживцами, друзьями, узнать о том, какие клаеры они купили себе.

Дети разлетаются и разъезжаются по домикам маленьких достигающих, климадостам. Обратите внимание на то, какие клаеры и санеры стоят возле них.

Многие родители достигают быстрее вас. Уточните их рейтинг, когда будете смотреть свой в программе «Уточнялка».

Не забудьте сделать напутствие своему ребенку: чтить и

помнить Кодекс Маленьких Достигаторов и Кодекс Юных Достигаторов. Оживляйте в голове ребёнка наиболее благоприятный алгоритм его жизни: Домик Маленьких Достигаторов – Климадост – Великий Аскерийский Экзамен – Великий Аскерийский Климадост – Работа – Баланс – Рейтинги – Дешёвый бредит – Санер – Клаер – Дом – Всеаскерийский День Достижений. Заканчивайте напутствие фразой: «Аскерия – это место, где мечты материализуются».

Вы подлетаете (подъезжаете) к месту работы! Вам необходима мотивация? Вы ещё не проснулись?

Срочно зайдите в гаверофон – посмотрите свой рейтинг в «Уточнялке», сравните себя с другими людьми, в особенности с теми, чьи дорогие клаеры вы видели сегодня утром.

Не расстраивайтесь, если результат Вас не удовлетворил. В верхней части окна странички с рейтингами в гаверофоне высвечивается количество дней, оставшихся до Всеаскерийского Дня Достижений. У вас ещё есть время!

Не тратьте время на работе попусту. Помните: больше всего времени поглощают разговоры и иное бесполезное общение с коллегами, друзьями по гаверофону, а также просмотр программ «Развлекалка», «Находилка», «Знакомка».

Достигайте! Достигайте! Достигайте!»

За окном слышались звуки приземляющегося клаера. Видимо, соседи возвращались домой. Отдыхали после слож-

ного дня Достижений, наверное. Гус встал, заглянул в спальню. Линда спала крепким сном. Он улыбнулся. В душе царили радость и спокойствие. Он чувствовал себя по-человечески хорошо. Гус испугался, когда это произошло впервые. Его «хорошо» на удивление не зависело от этой инструкции. Почему? Он ненормальный? Эксперимент по превращению в человека прошёл неудачно? Он – ошибка? Может быть! Но в состоянии этой ошибки он бесконечно счастлив.

Гус опустил глаза в книгу.

«Обед! Время встречи с коллегами, свободное общение. Не забывайте сравнивать себя с другими, слушая разговоры. Как вы, в порядке? Соответствуете ли уровню?»

Откройте в гаверофоне специальную программу «Сравнилка». Найдите в ней разделы, по которым вы отстаёте. Допустим, вы сэко-номили и купили дешёвые туфли. После обеда вы поняли, что у вас самая плохая обувь среди коллег. Посмотрите правде в глаза и сделайте правильные выводы. Сразу же кликните иконку в «Сравнилке», которая отвечает за подбор новых туфель, соответствующих уровню вашего круга общения. Делайте покупку! Не медлите! Если не хватает средств, то срочно оформляйте кредит.

Помните: то, как вы выглядите, влияет на Достижения. В хорошей обуви достигать удобней».

Странно. Гус задумался. А кто определяет, какие туфли хорошие, а какие плохие? Получается, что с туфлями, как и с песнями, существуют жесткие критерии. Какие песни петь,

какие туфли носить – всё расписано кем-то. Он опустил глаза и посмотрел на свои тапочки.

Чтение заставляло Гуса задумываться.

«Рабочий день закончился. Все летят, едут, идут в свои дома. Настаёт вечер. В Аскерии это – время подводить итоги дня.

Смотрите свой рейтинг, подсчитывайте выплаты по кредитам. Лучше всего это делать в программе «Считалка». Посчитали? Начинайте мечтать, планировать своё будущее.

Помните: будущее любого аскерийца плотно связано с покупкой нового дома. Дом в Аскерии – это самая высшая ценность. Смело открывайте программу «Смотрелка», именно в ней фотографии, описания и цены на все квартиры и дома в Аскерии. Все знают, что лучше всего жить в Золотом районе, в его центральной части. Статистика просмотров страниц с домами и квартирами в Золотом районе самая высокая.

Внимание №1: не прячьте голову в песок, оставайтесь нормальным человеком. Ни в коем случае не делайте вид, что вам больше нравятся окраины Аскерии. Вы просто не хотите смотреть правде в глаза, горькой правде о нехватке вашего баланса на покупку жилья в Золотом районе.

Внимание №2: если у вас дом в Золотом районе – подумайте о втором жилье. Возможно, вы будете рассматривать варианты покупки жилья в целях «Уступалки за гаверы», когда на время отдадите свой второй дом попользоваться другим аскерийцам. Это прибавит вам баланс. Вероятен вари-

ант действий «Стоялки для детей», когда вы сразу задумываетесь о том, где будет жить ваше потомство.

Второе жильё прибавляет рейтинг. Почитайте истории успешных аскерийцев, которые живут только за счёт «Уступалки за гаверы». Они профессиональные уступальщики, Аскерия гордится ими.

Делайте правильные выводы. Если вам не хватает мотивации, необходимы аргументы. Поговорите с детьми, узнайте, в каких домах живут их одноклассники, сколько в их семьях домов.

Вам необходимо больше достигать – это объективная реальность. Спланируйте, как вы это будете делать. Откройте в «Смотрелке» раздел «Бредиты», введите свои данные в калькулятор счастья, посчитайте.

Запишите выводы в раздел «Достигайка» в личном кабинете «Смотрелки».

Приближается ночь. Важно вспомнить, что детей надо воспитывать. Расскажите им сказку. Выберите её в программе «Болталка» в своём гаверофоне. Помните, что платные сказки всегда воспитывают эффективнее, чем размещённые в свободном доступе. Обратите внимание на рейтинговые сказки, которые чаще всего читают аскерийские родители».

Гус устало потянулся в кресле. Программы, программы, программы. Жизнь превратилась в программму, она запрограммирована. Жизнь, уткнувшись в гаверофон. Жизнь как гонка в постоянной оглядке на других. Жизнь без возможно-

сти отстать, потерять темп. Страх несоответствия заданному эталону, начиная от трусов, заканчивая домом.

Разве это жизнь?

Почему он, бывший гусь, это понимает, а люди – нет?

Сказки. Почитаю на ночь. Он полистал страницы книги. Нашёл самую рейтинговую сказку в разделе «Страшные сказки для взрослых».

... Жили в Аскерии два брата-близнеца Ух и Ах. Жили они в обычной семье, с правильными родителями, рейтинг которых рос ожидаемыми темпами. Ух и Ах родились похожими друг на друга, как две капли воды.

– Кто из них Ух, а кто Ах? – спрашивал папа.

– Даже не знаю, – радостно всматриваясь в близнецов, отвечала мама.

Мальчиков надо было как-то различать, и родители придумали специальные шапочки разного цвета. Уху досталась синяя, а Аху – красная. Ух лежал в кроватке спокойно, а Ах постоянно ёрзал. Шапочка на голове Аха сбивалась, обнажая его уши, которые со временем стали оттопыриваться и вслушиваться в звуки вокруг.

– Посмотри! – воскликнул папа. – Ах у нас ушастым растёт.

– Ой, а это нормально? – испугалась мама.

Когда уши Аха оттопырились в сторону почти на сорок пять градусов, и стали просвечивать на свет розовым оттенком, родители не выдержали и позвали доктора.

– Затянули! – огласила приговор врач, с пониманием дела взирая на родителей из-под сдвинутых на нос очков. – Патология ушей налицо, ожидаемо искажение слуха.

– И что теперь делать? – ахнули родители.

– Что-что, – сурово глядя на них, продолжила врач. – Обследовать надо. Посмотрим их на восемнадцати приборах в гавероклинике, возьмём сто четыре анализа в лаборатории, установим диагноз.

– Надо брать бредит, – помрачнел папа.

– А куда денешься, – ответила мама.

Родители обратились в гаверодом. Симпатичная менеджер в белой блузке и короткой чёрной юбке помогла им оформить выгодный бредит на обследование Аха. Ребёнка отвезли в гавероклинику.

– Диагноз ясен! – проговорил главный врач с большой седой шевелюрой и в огромных круглых очках. – Мужайтесь!

– Что-то страшное? – ахнула мама.

– Лечится? – уточнил папа.

– Головняк! – сказал как отрезал, главный врач.

– А какие симптомы? – в один голос вскричали родители.

– Пока никаких, но могут развиваться с возрастом! – озабоченно опуская глаза в стол, уточнил доктор. – Он услышал больше обычного, услышал то, что нормальные аскерийцы не слышат.

– Он будет странным? – спросил расстроенный папа.

– Он не сможет Достигать? – вопрошала убитая диагнозом

мама.

– Да! – главный врач заёрзал на стуле. – Рекомендовано поставить его на учёт и наблюдать. Мы будем периодически диагностировать его.

– Надо брать бредит, – помрачнел папа.

– А куда денешься, – ответила мама.

Родители обратились в гаверодом. Симпатичная менеджер в чёрной блузке и короткой белой юбке помогла им оформить выгодный бредит на наблюдение за Ахом в гавероклинике.

Ух и Ах росли разными детьми. Теперь родители их легко различали по ушам. Ух был всегда лучшим, везде и во всём. Его уши лежали ровно, прижавшись к голове.

Ух всегда знал ответы на все жизненные ситуации. Он первым в домике маленьких достигаторов прочитал «Отвечалку», единственный из всех детей выучил её наизусть.

Ах всегда задавал много вопросов, часто не понимая ответы, вертел головой и ушами, как пропеллером.

– Мальчик болен! – ахали воспитатели, удивляясь его вопросам.

Аха часто забирали в гавероклинику, проводили диагностику.

– Задаёт много вопросов, не освоил «Отвечалку»! – твердили в один голос доктора. – Головняк! – подтверждали они диагноз.

В климадосте Ух быстрее всех решал задачки, больше

других отвечал на уроках. Ах в основном рисовал, начал сочинять стихи. Учителя не знали, что с ним делать. Он засыпал их вопросами, а они на него сердились.

– Он агрессивен, он постоянно что-то спрашивает! – кричала директор климадоста родителям. – Представляете, он спросил: «Зачем Достигать?»

– Что же делать? – ужаснулись родители.

– Нанимайте ему репетиторов, переводите в особый климадост! – отрезала директор. – Только помните, что без гаверов с вашим ребёнком никто заниматься не будет.

– Надо брать бредит, – помрачнел папа.

– А куда денешься, – ответила мама.

Родители обратились в гаверодом. Менеджер в синей блузке и длинной чёрной юбке помогла им оформить выгодный бредит на специальное обучение Аха.

С мальчиком стали работать лучшие дефектологи Аскерии. Однажды, когда мама пришла в специальную школу для детей с головняком, воспитатель показала ей листок со стихами Аха:

Звуки я слышу за нашим окном,
Птички поют и летают стрекозы,
Хмурится небо несолнечным днём,
Чувствую, близятся страшные грозы.

Слышу я гром, но его ещё нет.

Мне же не верит никто, даже дети.
Кто и когда сможет дать мне ответ?
Или оглохли давно все на свете?

Мне говорят: «все ответы даны», —
Но в голове моей много вопросов.
Может, приходят они через сны,
Но почему на меня смотрят косо?

Или похожими все быть должны,
Путь – Достигать, изучив «Отвечалку»,
Чтоб кошельки оказались полны.
Сумму же можно проверить в «Считалке».
Кажется скучной мне вся эта жизнь.
Хочется просто побыть мне ребёнком,
А не стремиться балансами ввысь,
Так вот и жить до седой бородёнки.

– Ужас! – мама всплеснула руками.

– Он не просто стал не такой, как все! – хмурилась воспитательница. – Он начал творить, собирать хорошие слова в ужасные стихи. Это заразительно, это опасно, мы не можем оставлять его в нашем заведении. А вдруг эти стихи прочитал бы кто-то из детей?

Мама заплакала. Откуда он у них такой? В чём их ошибка?

– Вам необходимо его лечить! – посоветовала воспитательница. – Обратитесь к лучшему специалисту Аскерии по головняку доктору Знаю.

Вечером родители обсудили ситуацию.

– Надо брать бредит, – помрачнел папа.

– А куда денешься, – ответила мама.

Родители обратились в гаверодом. Пожилая менеджер в чёрном костюме помогла им оформить выгодный бредит на консультацию у светины по головняку.

В кабинете гавероклиники их встретил доктор Знай – молодой человек в дорогом чёрном костюме, выбивавшемся из-под халата.

– В чём наша ошибка? – в один голос спросили родители, рассказав доктору их историю.

– Это же просто! – делая серьёзное лицо, ответил Знай. – Шапочки, которые вы одевали своим близнецам, оставались развязанными. Вы что, не знали, что завязки надо затягивать так, чтобы уши плотно прижимались к голове? Мы специально разработали инструкцию и сделали ролики по обращению с шапочками! Вы что, не видели?

– Но Ух же стал обычным аскерийцем!? – уточнил в надежде папа.

– С Ухом вам повезло! – коротко отрезал доктор Знай.

– И что же делать? – спросила мама сквозь слёзы.

– Будем лечить! – подвёл итог Знай.

Прошли долгие годы. Вся семья собралась на тридцатиле-

тие Аха и Уха. День рождение близнецов отмечали в большой квартире Аха, в Серебряном районе. Рядом с Ахом, справа от него, сидели родители и его брат Ух, а слева почетное место занимал доктор Знай.

Сначала поздравили Уха. Потом перешли к поздравлению Аха.

– Я рад, что ты успешный аскериец! – начал папа.

– Мы гордимся, что ты имеешь приличный рейтинг! – добавила мама.

– Купил себе новую модель клаера! – поднял бокал Ух.

– Главное, ты Достигаешь! – поздравил доктор Знай.

– Мы желаем тебе переехать в Золотой район! – в один голос сказали родители.

– Желаю купить вторую квартиру и отдать её на время по программе «Уступалка за гаверы»! – сказал Ух.

Лицо Аха светилось счастьем, настоящим аскерийским счастьем. День рождения удался. Провожая гостей, Ах посмотрел в зеркало. Уши аккуратно и плотно прижимались к голове.

– Какой всё-таки умный, этот доктор Знай! – подумал Ах.

Гус закрыл книгу. Сон брал своё. В голове вертелись мысли, возникало много вопросов. Гус решительно поставил книгу на полку.

Обняв спящую Линду, он радостно поднял глаза к окну. Тёмная, зимняя ночь подмигнула ему. Сны приняли Гуса в свой плен. Ух и Ах схватили его за руку и повели в тёмный

лес.

Шёл третий день бесплодных скитаний Жафа по питейным заведениям Аскерии. «Пьяный аванс» был безвозвратно пропит. Взбесившаяся печень начала отчаянно бунтовать. А новость-бомба так и не находилась. В глубоком унынии Жаф сидел на лавочке под засохшим деревом в самой запущенной части парка. Холодный ветер покусывал помятое и отёкшее лицо журналиста, трепал его, прошивая морозной иглой насквозь до самых потайных уголков нижней одежды. В кармане пальто что-то выпячивалось и мешало. Скосив глаза, Жаф медленно вытащил смятый красный шарф и водрузил его на место, обмотав тощую шею. На душе скребли чёрные жирные коты. Журналист докуривал дешёвую папиросу, бормоча любимую поговорку про курение собственного сочинения: «Нет на свете радости, кроме этой гадости». Плохо слушающимися одеревеневшими пальцами он затушил папиросу прямо об лавочку, сплошь исписанную любовными формулами, ругательствами и прочей ерундой. Окурок тлеющей пепельной точкой впечатался в красную надпись «ГУСЬ ЖИВ!»

– Эх! – Жаф поднялся, разминая окоченевшие части тела, – Гусь, гусь! Где же ты, гусь? – пропел он под нос, сочувственно кивая несчастному дереву, тянувшему к нему голые

сучья.

Журналист бесцельно двинулся по аллее парка к выходу, ощупывая несколько помятых гаверов у себя в кармане.

Ветер поддал в спину очередным порывом. Извиваясь, аллея петляла по парку и внезапно оборвалась выросшим на пути скромным одноэтажным заведением с выцветшей вывеской, содержание которой далось Жафу с трудом.

– «Сено» – прочитал он, прищурившись.

Название никак не вязалось с двумя пивными кружками по бокам вывески.

– Нет, не «Сено», – просиял Жаф, – «Пена»! Вот это совсем другое дело!

В животе призывно заурчало. Присоединившаяся к этому «концерту» творческая грусть требовала свою порцию пенного напитка.

Тепло пивного зала разлилось сладостным ручьём, согревая озябшие конечности и возвращая журналиста к привычной жизни. Тёмное помещение гудело и тонуло в сигаретном дыме, размывавшем лица и голоса. Официантки в известном только им танце кружили между столиками, виртуозно собирая опустевшие кружки, меняя их на полные, с белыми пузырьющимися шапками. Направляясь к барной стойке, Жаф заметил знакомое лицо. Молодой бармен, искусно протиравший чистые бокалы и кружки, испуганно посмотрел на журналиста.

– Жаф? Не думал вас здесь увидеть!

– Хм... Обстоятельства.

Бармен понимающе кивнул. Жаф взгромоздился за барную стойку, снова запуская в карман красный шарф и продолжая мучиться вопросом, где он видел этого парня.

– Что будете пить? Какое пиво? – запинаясь, уточнил заказ бармен, – Может, горячее? Сегодня всё свежее!

Жаф вспомнил. Около года назад он написал заказанную конкурентами разгромную статью про пивной ресторан в центре Золотого района. Материал «Сайгачий беспредел» изобличал нечестных пивоваров, в буквальном смысле слова травящих своих клиентов сосисками из сайгаков. Неприличное огромное обещанный гонорар вынудил журналиста лично выступить в роли наживы. Подстраховавшись завтраком из солёных огурцов и запив их прокисшим молоком, Жаф направился в ресторан. Изрядно удивленный с утра желудок, принявший в себя еще пару кружек пива, приличную порцию жареных сосисок и гору чесночных гренков не выдержал и попытался вытолкнуть всё обратно. Журналиста вырвало рядом со столиком. Сложившись пополам, он корчился на стуле и звал на помощь. При виде бегущих к нему официантов, он картинно рухнул в обморок. Весь персонал ресторана сбежался на зов и окружил неподвижно лежавшее на полу тело. В ожидании врачей молодой бармен зачем-то принялся делать Жафу искусственное дыхание, что чуть не сорвало устроенный спектакль. Жаф, пребывая в сознании, не выдержал жарких мужских губ бармена, дёрнулся, засто-

нал и приоткрыл глаза. Инсценированные кишечные колики прямо в пивном зале были сдобрены быстрым приездом скорой помощи, состоящей из купленных студентов Театрального Климадоста. Сразу после автобиографической статьи пострадавшего журналиста рестораны закрыли, как нарушающий санитарные требования. Мясо сайгаков запретили для употребления по всей Аскерии. Жаф с отвращением вспоминал этот случай, садясь за руль нового клаера последней модели. Чтобы так высоко и комфортно летать, иногда приходится так низко падать.

– Не бойтесь! Я сегодня не отравлюсь! – глядя на знакомого по искусственному дыханию бармена, проговорил Жаф.

Бармен засуетился, принялся извиняться, периодически ныряя под стойку. Перед журналистом, словно из воздуха, материализовалась большая кружка янтарного напитка с норовящей сползти вниз густой пеной.

– Это за счёт заведения! Точнее, за мой счёт... – молодой человек опустил глаза, ещё ближе пододвигая кружку Жафу. – А сегодня у нас новинка от шеф-повара. Нежные сосиски с острым соусом, – заученно начал он и осёкся.

– Давай сосиски! – журналист махнул рукой, – Глядишь, дотравишь старину Жафа со второй попытки. Шучу, шучу! – похлопал он по плечу бармена.

Бармен попытался натянуть улыбку, боязливо косясь в сторону Жафа. Страх выступал не самым плохим инструментом для выманивания информации. Хотя и вымани-

вать-то особо не приходилось. Люди сами забалтывали свой страх, боясь остаться наедине со своими мыслями, переживаниями и болью. Страх рождал информацию, а информация множила еще больший страх. Главное, не перестараться. Жаф любил размышлять об информационной кухне. Он мнил себя настоящим шеф-поваром аскерийских новостей. Секреты новостевых блюд, как водится и на настоящей кухне, потребителям информации не раскрывались. Собирая факты, он очищал их от лишнего мусора, отделял самое вкусное, резал на кусочки, соединяя и перемешивая между собой. Для достижения необходимого вкуса новости приправлялись разнообразными соусами и специями. Блюдо делалось кислым, приторным, горьким, острым, вызывающим смех или слёзы, но ни в коем случае не пресным. Только жареные факты и самые свежие продукты! Жаф слыл мастером пропорций. Аскерийцы читали, плакали, плевались, сморкались, смеялись. Хорошее новостное блюдо рождало эмоции.

Очень скоро правда и ложь стали для Жафа лишь ингредиентами. Ложь – как красный острый перец. Как без неё? Вкус не тот, но перестараться – есть никто не будет. Не подать сырым, не пережарить и не пересолить!

Бармен поставил перед Жафом тарелку с аппетитными сосисками, тушеной капустой и очередную кружку холодного пива. Журналист невольно вывалился из собственных раздумий.

– Ваши сосиски и пиво!

– Благодарю! – Жаф достал из кармана одну из помятых бумажек. – Держи! Плачу вперёд.

– Здесь на несколько кружек пива с сосисками! – купюра мгновенно исчезла в руках удивленного бармена.

– Угу! Тебя звать-то как?

– Моб.

– Ёмкое имя. Хорошо звучит.

– Говорят, что в переводе с древнеаскерийского означает «добрый».

– Добрый Моб... Поддерживаю древнеаскерийское толкование. Как вообще народ? Нарботал постоянных клиентов, добрый Моб?

– Я тут недавно. Клиенты разные. Кто на пару кружек забегает, а кто-то пьёт по-чёрному, но для бара это хорошо. Вон тот, – бармен указал на одинокого мужчину в дальнем углу зала, – приходит каждый день.

– Кто такой? – спросил Жаф, вытянув шею и пытаясь разглядеть завсегдатая пивного бара «Пена».

– Учёный, вроде... Ну тот, от которого гусь сбежал. Керси, кажется. Помните эту историю?

– А как же? – оживился Жаф. – Истории – моя профессия! он возбужденно облизал губы. – И что? Пьёт по-чёрному, как ты выражаешься?

– Не сказать, что по-чёрному, но регулярно.

– Ну-ка, налей ему от меня кружку самого вкусного пива, – журналист протянул бармену вторую бумажку.

– Будет сделано! – радостно подсчитывая чаевые, выпалил бармен.

Жаф развернулся в сторону Керси и стал ждать. В мгновение Моб оказался рядом с учёным и что-то зашептал на ухо, указывая на журналиста. Изрядно помятый парами алкоголя учёный удивлённо вскинул на бармена пьяные глаза, а затем подслеповато прищурился, пытаясь разглядеть источник благодати. Жаф весело помахал рукой. Керси расплылся в улыбке и жестом пригласил за свой столик.

– Доктор Керси! – играя глубокое почтение, журналист протянул руку учёному. – Когда я узнал, что вы здесь, то не мог не угостить вас кружкой хорошего пива! Благодарю, что не отказались.

– Ну что вы, что вы! – маленькие глазки Керси часто заморгав, забегали, преодолевая опьянение. – Пресса, знаете ли, всегда у нас, учёных, в почёте.

– Приятно слышать! Пресса мало у кого в почёте, только у самых передовых и известных, таких, как вы, например, доктор Керси, – Жаф начал лить комплименты на мельницу голодного тщеславия недоласканного славой учёного.

Сочинять не только истории, но и комплименты Жаф любил настолько, что, убеждая собеседников, сам начинал в них верить.

– Любезный! – Жаф обернулся к Мобу. – Принесите-ка нам горячее и что-нибудь покрепче.

– Доктор Керси! – Жаф искрился радостью. – Для меня

большая удача вот так просто поговорить с вами. Не для репортажа, а по-человечески, по душам.

– Хороший человеческий контакт сегодня в дефиците, – согласился учёный.

– Именно! – Жаф поднял бокал с пивом. – За встречу!

Мужчины столкнули бокалы. Подошедший Моб поставил перед гостями графин с холодной аскерийкой и огромную сковородку со скворчащим сладковато-пряным мясом.

– Мне, право, неудобно! – Керси приложил руку к сердцу.

– Ерунда! Деловые люди должны по-серьёзному отметить встречу! – Жаф наполнил рюмки крепкой аскерийкой. – За вас, доктор, за настоящего учёного!

Мужчины выпили. Жаф умел ждать. Опыт подсказывал, что начинать расспрашивать надо не раньше третьей рюмки.

– Сейчас стало тяжело, – начал Жаф свой журналистский плач. – Всё ушло в цифру. Гаверофоны практически уничтожили все газеты. За ними на очереди стоят книги. Кругом электроника и но-вейшие технологии. В Аскерии скоро не останется ни одного бумажного издания. Керси понимающе закивал. Жаф налил по второй.

– За вас, Жаф! – Керси вытер салфеткой пот со своей блестящей лысины. – Как это мне знакомо. Мы все становимся жертвами технического прогресса. Так мало осталось всего естественного, скоро и птиц будут выращивать в пробирках, искусственным путём, – сокрушался профессор орнитологии.

– Но мы прорвёмся! – Жаф снова поднял рюмку.

– Думаете, нам в науке легко?

– Вы мужественный человек, Керси. Я не представляю, как вы выдерживаете такое напряжение. Тем более с этой гусиной историей. Вам, наверное, крепко досталось?

Глаза учёного помутнели. Потеряв контроль, он начал опрокидывать в себя жгучий дурманящий напиток одну стопку за другой. Обнажив крик души учёного, Жаф ждал, собирая свою пьяную волю в кулак, чокаясь, но более не прирагиваясь к аскерийке.

– Я был на грани мирового открытия! На меня обратил внимание сам Мистер Гавер! Но это сучье племя! – и без того маленькие глаза Керси зло сузились, превратившись в огненные щёлочки. – Эта сволочь Дайлон! Он снова влез не в своё дело! Но я его прикончу, я удушу его собственными руками! – вскричал Керси, схватив скатерть в кулак и едва не устроив погром, оплачивать который у Жафа гаверов уже не было.

– Тише, тише, профессор! – журналист усадил обратно вскочившего Керси. – Не волнуйтесь, Дайлона накажем, пригвоздим к позорному информационному столбу, припечатаем, так сказать, словом! Вы лучше выпейте, выпейте, будет легче!

– Они все идиоты! Они ничего не знают! Носятся, как придурки со своими деревянными гусями! Герой, герой! Тьфу! – зашептал Керси, наклонившись к журналисту через

стол, забираясь локтём в тарелку.

– Так он же умер, гусь то! – тоже шёпотом уточнил Жаф.

Профессор разразился хохотом. Он торжествующе выпрямился, сопротивляясь нарастающему давлению всасывающегося алкоголя. Глаза учёного победно блестели. Наконец-то он обрёл свою трибуну, здесь, за столом, в пивной. Слова правды так давно рвались наружу, что даже единственный слушатель стал для него подарком.

– Они списали меня со счетов! Они хотели упечь меня в Дом Станных Людей! Им не нужна правда! Устроили цирк с похоронами. – Керси снова сплюнул и сморщился. – Похоронили обычного гуся, раздули геройство на пустом месте! Прикрыли фальшивкой своё срамное место, своё неумение работать!

– Так он что, не умер? – удивился Жаф.

– Я открою вам тайну. К тому времени, как объявили о смерти гуся, он уже мог стать человеком! – глаза Керси дьявольски сверкнули. – И он среди нас!

– Чем докажете? – Жаф мгновенно протрезвел.

Керси достал из кармана помятые листы и начал тыкать пальцем в какие-то формулы.

– Я уверен. Это доказывают все расчёты. Уже через несколько часов после исчезновения начался процесс полного превращения.

– Вы гений, Керси! Вы – великий Достигатор! Я пью за вас, за великого и непревзойденного учёного! – на этот раз

Жаф опрокинул победную стопку.

Учёный облегченно вздохнул, глядя в наполненную рюмку. Глаза его затуманились. Он пытался их открыть, но лишь обессиленно моргнул, пару раз качнулся и примостился на столе рядом с тарелкой. Лежавший на ней одинокий лист зелёного салата страдальчески трепетал от горячего дыхания Керси.

Жаф встал, аккуратно собрал все записи и спрятал в карман.

– Это вам не индюший чёс! Это будет гусиная лихорадка, которая перевернёт всю Аскерию!– победно прошептал он и покинул славный бар «Пена».

На границе Золотого и Серебряного районов возвышалась одна из главных достопримечательностей Аскерии – гора Муза. Своё название она получила еще в древние времена, когда уличные музыканты облюбовали это место для своих песнопений, располагаясь от подножия до вершины. Самая грандиозная стройка Аскерии явила на свет новый концертный зал, спроектированный в виде огромного распускающегося цветка лотоса на пике горы. Зеркальные лепестки, окаймленные золотым контуром, переливались на солнце, сверкали гранями и множили блики.

От здания вниз по кругу спускались двенадцать широких лестниц, каждая из которых носила своё название и состояла из 333 ступенек. Через каждые 111 ступенек лестницы переходили в небольшие площадки со скамейками для отдыха и полукруглыми прилавками с напитками и мороженым. Но не только музыкальные таланты блистали на вершине знаменитой горы. Считалось великим Достижением и честью получить право творить на пространствах между лестницами. Четыре раза в год известнейшие флористы и дизайнеры Аскерии боролись за возможность создавать здесь свои произведения искусства. Цветочные скульптуры и фонтаны летом сменялись ледовыми изваяниями и переливаю-

щимися огнями кружевными звездами, которые украшали заснеженные кусты остролиста зимой. Осенью и весной фейерверк красок также завораживал и притягивал любителей прекрасного. Гора Муза стала излюбленным местом встреч и фотосессий. Со временем построили скоростной лифт. Он за считанные минуты поднимал по несколько десятков человек наверх, доставляя посетителей сразу в холл концертного здания. Однако аскерийцы обожали свои лестницы и предпочитали не торопясь, прогуливаясь, подниматься наверх или, как они называли это, «лестничать на концерт». Во время подъема люди встречали знакомых и друзей. Утоляли жажду стаканчиком прохладительного напитка или согревались чашкой горячего аскерийского глинтвейна. Пространство вокруг лестниц наполнялось разнообразными оттенками человеческих голосов. Эмоции струились хвостовством и демонстрацией друг перед другом своих Достижений. Особо среди всех выделялась центральная Золотая лестница с ярко светящейся рубиновой полосой посередине. По ней поднимались самые успешные и рейтинговые аскерийцы.

Предприимчивые жёны специально выглядывали на соседних лестницах знакомые лица.

– Вот видишь! – говорила тощая блондинка сверкая глазами и показывая на идущих по Изумрудной лестнице соседей, – Ханусы живут лучше нас, а ты не верил. Я не говорю, что надо тянуться до самих Кинусов, но взять бредит и купить нормальную модель клаера мы обязаны! Мне уже стыд-

но летать на нашей развалюхе, – кривила она губы.

Муж обречённо кивал головой, тяжело вздыхая и поглядывая на лифт.

– Вот эти вообще, наверное, на санерах ездят, и ничего! – оправдывался он, указывая на людей в лифте.

– Не равняй себя с ними! Так и опуститься на дно не долго, стать полным неудачником. Оформим бредит? – блондинка с надеждой сверлила мужа хитрым взглядом.

Не сказать, что жители Аскерии боготворили музыку, но слушать её в большом зале, всем вместе, шумя, бурля, обмениваясь новостями, отвлекаясь на гаверофоны, сплетничая и обсуждая окружающих, стало делом важным и престижным.

36

Гус с Линдой припарковали клаер на стоянке рядом с Золотой лестницей. Сегодня она играла на сцене. Одетый по случаю праздника в новый чёрный костюм, Гус волновался, то и дело отряхиваясь и поправляя тесный галстук.

Линда давно уговаривала его пойти на концерт, но Гус каждый раз находил отговорки.

– Это настоящее событие! Гус, любимый, хочу видеть тебя в первом ряду! Играть для тебя – это несравненное удовольствие, – Линда прихорашивалась у зеркала, пряча непослушные локоны за ушко.

– Но ты можешь играть для меня и дома.

– О, это же совсем, совсем другое! Тысячи людей в зале, восторженные глаза, аплодисменты, цветы. И ты, ты! Такой

близкий и любимый рядом!

– Хорошо! Если для тебя это так важно, я пойду на концерт!

– Ура! – Линда захлопала в ладоши и запрыгала по комнате, как маленькая девочка.

Выйдя из клаера, Линда прижалась к Гусу, брезгливо оглядываясь по сторонам. На ступеньках стояли и сидели бедно одетые аскерийцы, протягивая руки к проходящим.

– Будем подниматься или сразу на лифт? – спросил Гус.

– Как на лифт? – Линда побледнела. – Сесть туда – это значит признать, что мои дела идут плохо.

Линда и Гус начали пробираться сквозь толпу нищих. Их унылые лица и таблички с просьбами умоляли, пытаясь разжалобить жителей хотя бы на несколько гаверов.

– Эти отвратительные странные после пожара разбрелись по всей территории. Куда смотрят офицеры СЗА? В Аскерии никогда не попрошайничали. Всем и всегда гаверы давались согласно Достижениям! – зло бросила она.

– Линда, они такие же люди, как мы.

– Да нет же! Ты не понимаешь! Они не достойны находиться на этой лестнице. Здесь всегда обменивались своим успехом. А у них какие успехи?

– Жизнь без успеха – не жизнь? – Гус с удивлением посмотрел на Линду. – А кто определяет критерии успеха? Кто взял на себя право сортировать людей по лестницам, диктовать им, как жить?

– Система Достижений и есть свод правил жизни в Аске-
рии! – гордо отчеканила Линда. – Порядок и счастье поко-
ятся на праве Достигать, стремиться к большему.

– Я не против Достижений. Но счастливы ли люди? Зачем
бездушные системы за самих людей определяют их счастье?

– Идём! – Линда решительно потянула Гуса на лестницу. –
Ты должен увидеть это вопиющее непотребство своими гла-
зами. Может, тогда ты изменишь своё мнение.

Неопрятный человек в рваных штанах и потрёпанной
куртке стоял посреди Золотой лестницы с протянутой рукой.
Белая табличка с красными буквами, висящая у него на гру-
ди, призывала: «Поддай гавер на новый санер».

– Это же ужас! Хамство! – Линда зашлась в гнев. – На
санер просит, какая наглость!

– Какая лестница, таково и прошение, – хитро заметил
Гус.

– Работать надо, Достигать, а не с протянутой рукой сто-
ять! Бредит взять в конце концов!

– Вот, допустим, тот, – Гус указал рукой наверх, – на ги-
таре играет.

Преодолев несколько ступенек, Линда с Гусом оказались
возле гитариста. Бледный, осунувшийся, обросший колю-
чей щетиной мужчина лет сорока в черной вязаной шапке
и длинном чересчур просторном для него пальто перебирал
пальцами струны, готовясь к очередной песне. Ногой в рва-
ном белом кроссовке он подтолкнул к слушателям грязное

блюде с отбитым краем. Положив желтовато-серые пальцы на струны гитары, человек запел.

Сон, страшный мой сон,
Жизнь рвёт под уклон,
Мир цвет изменил,
Я имя своё забыл.

Звался я маленький дом,
Звался я санер при нём,
Жил я с красивой женой,
Всё это было в заём.

Куплено было не мной,
Шёл не к себе я домой,
В санер садился не свой.
Что же случилось со мной?

Сам я себя потерял,
Всё Достиженьям отдал,
Вещью ненужной я стал,
Как человек я пропал.

Аскерийцы окружили поющего мужчину в плотное кольцо. Гус и Линда оказались ближе всех к гитаристу.

– Какая грустная песня, – заметила женщина с большими

голубыми глазами.

– Грустная... – гитарист ненадолго замолчал. – Она о моей жизни. Я сам написал.

– Планируете что-то еще написать? – раздался голос из толпы слушателей.

– Планировать? – гитарист усмехнулся. – Мой каждый день – это последний день. Я и так задержался. Год назад врачи отмерили мне несколько месяцев жизни. Сначала пришлось взять огромный кредит на операцию. Исковеркав моё тело, врачи отправили домой умирать то, что от него осталось.

Он окинул взглядом столпившихся людей. Несколько человек отделились от толпы и продолжили подъём по лестнице. Оставшиеся опустили глаза. Линда прижалась к Гусу, который прямо смотрел на гитариста.

– Доктора решили за меня всё. После этого моя жизнь круто перевернулась. Как лощёные карты с одинаковыми рубашками, одним взмахом руки раскрылись неприглядными истинными лицами. Справку разослали по всем гаверодомам, которые потребовали досрочного возвращения кредитов. Накопление моего рейтинга приостановилось, баланс заморозили в счёт долгов. Дом и санер отобрали. Жена ушла от меня. Я проиграл свою жизнь, больше ставки делать не на что. Всё, что у меня осталось – гитара, подаренная ещё в детстве родителями.

Толпа зашуршала голосами. Люди невольно стали свиде-

телями смятого правилами бредитной кабалы больного человека. Как подгнивший лимон, его подрезали, выжали соки и выбросили на улицу оставшиеся от него ошметки.

– Почему же вы до сих пор живы? Может, врачи ошиблись? – спросила пожилая дама.

– Кто их знает... Может, и ошиблись. – гитарист моргнул, стараясь скрыть подкатывающиеся слёзы. – Только раньше я готовился к жизни. Думал, вот еще этого достигну, это приобрету, и жизнь начнётся. Но красная жирная черта, словно извивающаяся змея, разделила всё на до и после.

Люди отворачивались, но по-прежнему топтались на месте.

– Не постепенно, а разом, в один момент жизнь стала ничем, застыла. Мысли в голове ещё какой-то период пытались бежать в будущее, но исчезали в полной пустоте. Все попытки вернуться в прошлое натыкались на бессмысленность всего пройденного. Я оказался в голом, жестоком настоящем без права чего-то ждать и оглядываться назад.

Женщины в толпе мяли уже порядком мокрые платки. Линда нервно тормошила за рукав Гуса, но он единственный продолжал прямо смотреть на гитариста.

– Боль, она заполнила всего меня. Не имея сил сопротивляться, я привык к ней, перестал её замечать. Однажды, проснувшись ранним утром на лавочке в сквере, я открыл глаза. Голубое пространство неба, не заслонённое клаерами, смотрело на меня спокойным безмятежным смыслом. Лучи

солнца бегали по лицу, заставляя жмуриться и улыбаться. Птицы, не заглушённые рингтонами гаверофона, наполнили мир звуками. Я не видел и не слышал всего этого раньше. Я проснулся в иной реальности, в настоящем. Тело начало двигаться помимо моей воли. Пальцы, перебирая струны, подбирали мелодии к слетающим с губ словам. Теперь, – он улыбнулся, – я живу. И каждый день, выигранный у смерти, как большая целая жизнь.

– Пойдём! Мне плохо! – Линда сильно сжала руку Гуса.

Через несколько пролётов лестницы жизнь гитариста осталась позади.

– Страшно, когда Достижения закрывают настоящее. Может, люди боятся жить здесь и сейчас? Прячутся от самих себя за балансами и рейтингами? А что было до Достижений, Линда? Кто их придумал?

– Мистер Гавер! – нервно ответила Линда и побледнела. – Нам пора, надо еще подготовиться к концерту.

Гус занял место в первом ряду. Витиеватые хрустальные люстры спускались с потолка сотнями лампочек, запрятанных в блеск дорогого стекла. Свет преломлялся и осыпался в зал искусственным потоком, отражаясь в зеркалах, женских украшениях из драгоценных камней и экранах включённых гаверофонов. Свет позволял видеть друг друга, общаться, оставляя до начала концерта в полумраке основное место действия – сцену. Всё разыгрывалось как по нотам. Сначала лестницы или лифт, потом – неминуемое общение со знакомыми, и только лишь затем – музыка. Три акта приобщения людей к творчеству.

Невесомые прозрачные тюлевые шторы на окнах холла, начищенный до блеска паркет. Гардероб, наполненный одеждой на выход. Зеркала, отражающие стремление выглядеть лучше, чем ты есть. Осторожные движения, ищущие взгляды, тисканье гаверофонов. Наконец, возгласы приветствия. Диалоги. Долгожданная возможность высказаться. Напускные эмоции с тайной надеждой кого-то удивить, выделиться, стать заметным, убедиться или иллюзорно поверить, что ты кому-то интересен.

Музыка жизни звучит уже давно, еще с лестницы. Настоящий концерт человеческих желаний и томительных ожида-

ний начался. Здесь скрипкой играет надежда, а совсем рядом виолончелью разливается скука. Громыхает чуть поодаль барабанным боем тщеславие, флейтой извивается зависть, а звуками фортепиано врывается притворство. Контрабасом нарастает страх. Стоит ли сравнивать эти инструменты? Интересны ли они друг другу? Вряд ли. Они – оркестр, организованный ради самих себя, ради общей картины, ради права быть в этом ансамбле, вскакивая и ускоряясь под взмахи дирижёрской палочки.

Последний звонок создаёт упорядоченные потоки в зал. Людской оркестр рассыпается на клавиши и струны, рассаживаясь по одинаковым креслам. Свет вспыхивает на сцене, погружая в темноту зала наряды на показ, лица для других, эмоции на всеобщее обозрение. Тишина. С этой минуты принято говорить шёпотом, мало двигаться и смотреть на сцену. Слушать? Да разве мозг это позволит! Минутная пауза. Период одиночества без гаверофона. Мысли начинают привычно метаться по прошлому и будущему. Страхи по бредитам. Неприятный разговор с начальником. Встреча с любовником. Неудачный секс с соседкой. Сотни тысяч картинок ещё продолжают скакать под взмывшие в воздух аккорды. Вжавшись в концертные кресла, зрители с пустыми широко раскрытыми глазами заново и заново прокручивают старые или вероятные переживания, забывая о скоротечности человеческой жизни. Возможность думать сталкивается с возможностью слушать и слышать.

Линда в длинном струящемся платье цвета морской волны, расшитом переливающимися камнями и бисером, и не уступающей по красоте и богатству маске, неизменно закрывающей её лицо. Скрипка и смычок будто в первый раз встречаясь друг с другом, дарят невообразимое сочетание семи нот.

Рояль. За ним, также в маске, в чёрном концертном дорогом костюме и белоснежной рубашке – мужчина. Ноги в начищенных до слепящего блеска туфлях лежат на педалях музыкального инструмента. Рояль и скрипка сливаются в едином вихре музыки.

Эти двое всегда в масках. Они редко дают концерты. Но вот уже несколько лет аскерийцы гадают, кто же скрывается под масками. Любопытство и неразгаданная тайна притягивают их внимание, будоражат желание узнать.

Новое восхитительное творение наконец-то захватывает внимание зала и не отпускает до самого антракта. Свет. Передышка. Зрители возвращают себе право снова стать разными, превращаясь в рой разномастных лейблов и натянутых личин. Фойе гудит, движется, вспыхивает новыми встречами, хлопаньем дверей туалетных комнат, играет отражением зеркал, умножая число посетителей концерта.

Очередь в буфет завершается шелестом гаверов. Прикрываясь звоном бокалов и шёпотом, аскерийцы бросают вокруг короткие молниеносные взгляды. Оценки нарядам, причёскам, украшениям. Антураж для других. Притворный гламур.

Зависимость от чужих оценок. Невозможность остаться самим собой.

Даже если аскерийские виртуальные сети полностью поглотят людей в физическом мире, то и там они будут продолжать примыкать к различным группам, накапливать журнальные наряды, приписывать себе несуществующие качества и лепить фальшивый образ. Жизнь ради кого-то, ради тех миллионов, которые забудут о тебе, лишь только ты исчезнешь из сети.

Звонок, ускоряющий всё живое, приближает продолжение концерта. Протискивание между рядами, перевод гаверофонов в бесшумный режим. Эстафета снова переходит к сцене.

Всплеск аплодисментов. Линда ловит на себе сотни восторженных взглядов. Гус в первом ряду. Её Гус. Вот чьё восхищение сегодня стоит обожания целого зала. Почитание публики первично, музыка вторична. Зрители – доноры вдохновения музыканта и обязательный фон для творчества на показ. Поймать кураж, используя энергетику зала. Власть одних над другими под пеленой музыки обретает абсолютный характер. Гус должен слышать коллективный экстаз зала по поводу неё.

Наконец, зрители и исполнители сливаются в неповторимое, яркое и по-особому живое единство. Можно какое-то время не включаться в этот поток, продолжать думать о своём, но нельзя не сдаться нарастающему плену. Мысли, под-

хваченные волной музыки, сливаются, растворяясь в коллективном сознании зала. Время тормозит, высыпая искры эмоций. Последние взмахи смычка мгновенно тонут в овациях. Соединять ладони до лёгкой боли, оборачиваясь по сторонам до тех пор, пока соседи делают также. Не стать тем, кто положит начало концу аплодисментов. Бежать к сцене, дарить цветы, всматриваясь в маски. Отточенный веками механизм, вечная игра, живущая по твёрдым правилам концерта, движется к концу. Творчество, растворённое в формате публичности, достигает апогея.

Гус и Линда сели в клаер. Яркие букеты ради поддержания таинственности доставлялись домой другим транспортом.

– Тебе понравилось? – Линда томительно ждала похвалы от своего самого главного зрителя.

– Очень. Ты играла прекрасно, дорогая! – Гус обнял Линду и поцеловал её в макушку.

Он любил и принимал её такой, какая она есть. Гус снова видел в ней маленькую девочку, не наигравшуюся в игрушки, жаждущую подарков и одобрения. «Люди искренне верят в то, что возможно стать взрослым», – думал он. Но разве есть возраст у разума? Тело вырастает, взрослеет, меняется. А внутри этой внешней оболочки продолжает бормотать и осматривать себя со всех сторон нестареющий, а лишь получающий опыт разум, зачастую застревающий на каком-то уровне в спирали жизненных обстоятельств.

Жаф буквально запрыгнул в кабинет главреда, источая победную улыбку.

– Фу! – главред замахал руками. – Жаф! Да от тебя за версту несёт перегаром.

Обросший недельной щетиной журналист предстал перед главредом в пальто с торчавшим из рукава красным шарфом. Протягивая отпечатанные листки шефу, он хитро улыбался.

– Жаф, что это?

– Новость, шеф! Новость-бомба, которая взорвёт Аскерию! Как просили, для свежего номера «Аскерийских новостей».

– Жафчик! – улыбка главреда потекла к двинувшимся ей навстречу большим ушам. – Я сейчас прочитаю! А ты иди, приведи себя в порядок.

– Приведу, приведу! У вас похмелиться не найдётся? Для расширения сосудов, так сказать, – взмолился Жаф.

Главред покачал головой, вздохнул и достал из сейфа бутылку коньяка. Незамедлительно полстакана спасительного напитка приветливо булькнули в желудок журналиста.

– Вы читайте, шеф! А я прикорну чуток. А то я всю ночь не спал после спецзадания.

Жаф по-свойски лёг на диван, стоящий в углу кабинета,

и, завернувшись в пальто, через пару минут захрапел.

Глаза главреда уже привычно неслись по тексту, оценивая материал.

«Самый живой из нас!» – гласил заголовок.

«Мы похоронили его. Мы оплакивали его смерть. Наши сердца рвались от горя. Он стал нашим символом, флагом рыдающей Аскерии. Мы слагали о нём песни, посвящали ему стихи. Мы увековечили память о нём в золотом постаменте. Каждый аскериец где-то в глубине души теплил надежду на его возвращение. Какова стала бы наша жизнь, если бы говорящий гусь не умер? Аскерийцы! Он не просто с нами! Он среди нас! Произошла чудовищная ошибка! В земле лежит обыкновенный гусь. Мы похоронили не того! Блестящий, талантливый учёный Аскерии Керси ввёл гусю человеческий ген. И птица не просто заговорила, она превратилась в человека! Наш герой, символ Аскерии – человек! Ищите его! Разглядите его в своих соседях, незнакомцах, просто проходящих мимо людях. Он необходим каждому, он нужен всем нам! Аскерия обрела новое счастье, найдите его!»

– Шеф, ещё материалы будут? – в дверь просунулась белобрысая голова ответственного верстальщика.

– Жди! – зашипел главред. – Я сказал, жди!

– Понял, понял, – голова исчезла, бесшумно прикрыв дверь.

– Жаф! – главред начал тормозить за плечо журналиста. – Жаф! Просыпайся!

– Зачем же так в ухо орать? – журналист сел, разлепляя глаза.

– Это очередная утка? Нас за это там, – главред поднял глаза к потолку, – по головке не погладят!

– Да какая же это утка? Официальное... почти официальное, – поправился Жаф, – интервью с доктором Керси. Шеф, юридически всё чисто! И научно подтверждено, – заверил Жаф, вытаскивая помятые бумаги с расчётами Керси.

Быстро просмотрев формулы, главред аккуратно расправил листы и спрятал в сейф.

– В номер! – заорал главред, поблескивая глазами. – Есть бомба! Жафчик, ты – гений!

– Погаверите ручку, шеф! – журналист протянул ладонь. – Гениальность Жафа требует материальной подпитки.

– Будет тебе подпитка! – успокоил его главред, попутно давая задание верстальщикам. – Мы, Жафчик, заживём теперь по-новому!

– Не вдохновляйте меня, шеф. Лучше помогите гаверами!

Журналист снова улёгся, водружая ноги в грязных ботинках на диван.

– Ну и свинья же ты, Жаф! – скривился главред. – Весь диван ухрюкал.

– Может я и свинья, шеф, но золотая свинья. Притом преданная вам до глубины души! – сонно пробормотал журналист, и его лёгкий храп воцарился в кабинете главреда.

В Аскерии рождался новый день. Солнце рваными лучами пробивалось сквозь тучи и плотный поток ревущих клаеров, пронесившихся по небу в обоих направлениях. Как смена дня и ночи, Колесо Достижений несло без остановки, не давая аскерийцам возможности оглянуться. Бесконечно множась информация на каждом углу без спроса проникала в умы людей. Ешь, всасывай, захлёбывайся. Передавай и копируй дальше новостевые полуфабрикаты. Переродись в вирус. Только не думай, не размышляй. Всё уже давно придумано за тебя! Достигай, переливаясь из одной человеческой массы в другую! Несись, сломя голову! Ну же, смелей, еще быстрее! Если споткнёшься, остановишься – станешь никому не нужен, не интересен!

Сегодня гаверофоны аскерийцев мигали одной лишь новостью: «Самый живой из нас!» В рекордные сроки репосты покрыли всю Аскерию. И не осталось в ней ни одного человека, который бы не знал о герое-гусе, ставшем героем-человеком.

Но где он? Многочисленные версии обрастали новыми подробностями. Энтузиасты по всей Аскерии начали организовывать группы поиска. По сети гаверофонов разнёсся электронный слух, что известно время и место появления

гуся-человека. Секретный файл продавался в ограниченном количестве. Аскерийцы охотно клацали «Узнай первым» и, оплатив, жадно скачивали информацию.

Ночные сводки Службы Защиты Аскерии переполнились вызовами бдительных аскерийцев. К шести утра в списке числилось несколько тысяч гусей и даже несколько гусынь в человеческом облике. Особо отличился сотрудник гаверодома, житель Серебряного района. Утром следующего дня он сдал в СЗА своего непосредственного начальника. Связанный руководитель бредитного отдела отчаянно мычал и брыкался, пытаясь распутать крепкие верёвки и извлечь кляп изо рта.

Аскерия забыла о безобразиях странных, индюшьем чёсе и бредитах. Жажда видеть живого лидера захлестнула всё той же вирусной волной. Аскерийцы, внезапно проснувшиеся от лихорадочно несущейся круговерти дней, с удивлением разглядывали своих соседей, коллег и даже собственных детей. Поиски гуся-человека стали важным общеаскерийским делом.

Пузырьки обильной пены неслышно лопались в приглушённой атмосфере большой ванны. Массирующие струи воды будоражили спину. Страждущие женские руки обнимали мужскую шею. Губы подбирались к обросшему щетиной подбородку.

– Жафик, ты – чудо! – пропела рыжая девушка с большими грудями, обнажая из-под воды привлекательное женское тело.

– Мур, мур, – басил в ответ Жаф, потягиваясь под пенным покровом.

– Мы могли бы встречаться чаще, – игриво продолжала девушка, наматывая рыжий локон на указательный палец.

– Да, детка! Но, увы, работа мешает. Может, её отменить?

– Это хорошая идея! – девушка радостно всплеснула руками. – Давай сейчас же утопим твой гаверофон.

Только она схватила его в пенные руки, как он тут же завибрировал и засветился надписью «Главред». Гаверофон чуть не выскользнул из мокрых пальцев девушки, намереваясь таки стать утопленником, но Жаф быстро перехватил аппарат.

– Жаф! – голос главреда распорол спокойствие ванной комнаты, как нож китобоя. – Ты куда пропал?

– Шеф, – Жаф вынул из-под пены свои ступни и начал их разглядывать. – Я в работе каждую секунду. Как раз сейчас нахожусь в поиске новых творческих идей.

– Что у тебя там вода булькает?

– Так новая методика, шеф! Говорят, в воде идеи появляются качественнее и быстрее.

– Ерунда всё! У нас тираж снова падает! Вот это – проблема!

– Так он то падает, то поднимается, шеф. Жизнь у него такая.

– Вот и я об этом! Ты видел, что на улицах творится?

– А что там может твориться? После моей статьи все ищут живого гуся, наверное. Кстати, не нашли еще?

– Так ты ничего не знаешь?

– Шеф, я же говорю, по специальной методике вдохновляюсь. Она исключает столкновение с жёсткой реальностью. А что случилось то?

– Жаф, ты хотя бы по гаверофону посмотрел! Везде уже об этом трубят. Там такое творится! Странные обозлились против гуся.

– Странные против гуся? Шеф, не смешите меня. Странные не могут против кого-то обозлиться, они мухи не обидят. Был я у них в лагере, материал хотел собрать. По-моему, им там до гуся вообще никакого дела нет.

– В том-то и суть! Я тоже так думал. Однако... Что там у тебя булькает? Выключи ты эту воду!

– Вода, выключись! – Жаф вежливо кивнул девушке на дверь, подавая полотенце.

Рыжая длинноногая красotka недовольно хмыкнула, вылезла из ванны, отказав Жафу в полотенце, укуталась в его халат и исчезла за дверью.

– У тебя что, вода голосом выключается? – удивился главред.

– Ага. При этом уходя из ванны в моём халате!

– Жафчик, чует моё сердце, что методики расслабления у тебя старые, как мир.

– Шеф, мы не ищем новых путей в простых вопросах. Но совершенствовать и их необходимо.

– В общем, слушай! Странные начали безобразничать. Вчера вечером разбили витрину кофейни в самом центре Золотого района. Перед этим оккупировали её, бесплатно напились там кофе, наелись яблочных штруделей, заперли официантов в туалете, а бармена засунули в холодильник.

– И что?

– Что-что! Офицеры СЗА почему-то прилетели поздно, когда хулиганы уже разбежались. В кафе они обнаружили только исписанные баллончиком стены да орущих официантов.

– А что пишут?

– Не поверишь! «Гусь сдох, потому что лох!» Ты представляешь, какова может быть реакция аскерийцев на это? Конечно, вызвали бригаду ремонтников, которые всё закра-

силы. Но нам прислали анонимное фото.

– Не верится мне, что это странные сделали.

– И тем не менее! – голос главреда нарастал в гаверофоне.– Между прочим, наш новый золотой символ – памятник Гусю – сегодня утром обнаружили в неприглядном виде. Весь исписан неприличными словами. Его до сих пор не могут отмыть. Короче, ты кончай там развлекаться и живо ко мне в кабинет. Надо думать, как эти события обставить, чтобы тираж поднять. Мы уже несколько дней всей редакцией сидим, руками головы обхватив. Но пока ни одной умной мысли. Вчера даже известный психолог приезжал, семинар специально для нас проводил «Активизация мыслительных процессов за одну секунду». Не помогает...

– Это он посоветовал вам головы руками обхватывать?

– Он самый! Ты прилетай, Жафчик! Одна надежда на тебя!

– Мне бы аванс, шеф. Хотя бы небольшой, – начал привычную песню журналист.

– Будет тебе аванс!

– Ладно, еду, – довольный Жаф сдул с плеча лохмотья пены и вылез из ванны.

Клаер Жафа вертляво поднялся в небо, совершая пируэты. Журналист, пребывая в хорошем настроении, любил шалить в воздухе, играя скоростями и высотой. Улётная девочка! Так Жаф любил называть свой клаер, пренебрегая его техническим полом. Все должны знать, что летит Жаф. Расступайтесь перед его талантом, неординарностью, восхищайтесь им. Клаер журналиста поравнялся с другим. За окном дешёвой модели с прозрачным верхом за пультом управления сидела молоденькая аскерийка с прямыми, гладкими чёрными, как смоль, волосами. Её длинные ноги в чёрных колготках с нарисованными бегемотиками призывно выглядывали из-под короткой юбки. Жаф игриво послал девушке в прямом смысле воздушный поцелуй и увёл клаер резко вверх.

Вот это да! Сколько народу! Жаф снизил клаер. Толпа аскерийцев шумела внизу, размахивая плакатами. «Мы за Гуся» – прочитал Жаф. «Наведите порядок! Накажите странных!» Понеслась родная. «Гавер, покажись!» Сердце Жафа заколотилось. Он никогда не видел лозунгов, обращённых лично к Мистеру Гаверу. События, как снежный ком, обрастали негативными подробностями. Надо взять аванс побольше, а то мало ли что. Ускорившись, Жаф рванул в сторону

здания Аскерийских новостей.

Десять человек сидели в кабинете главреда, обхватив головы, в полной тишине.

– Привет думающей братии, – весело присвистнул Жаф, увидев открывшуюся картину.

– Садись, – поднося палец к губам, тихо прошептал главред. – Не видишь? Думаем.

– И как? – также шёпотом уточнил Жаф.

– Через минуту по методике берём обратную связь. Говоря научно, вскрываем мыслительный процесс в том месте, где он сейчас, – главред поднял указательный палец.

– Аванс! – губы Жафа беззвучно задвигались, сохраняя тишину и уважение к методике.

– Держи, – главред протянул журналисту конверт.

– Сейчас придёт мысль! – подмигнул Жаф главреду, забирая конверт, на ощупь пытаюсь определить сумму.

– Время! – гаркнул главред.

Собравшиеся мыслители вздрогнули и зашевелились на стульях.

– Тётка на сцене! – выкрикнул веснушчатый журналист, не открывая глаз.

– Что «тётка на сцене»? – удивился главред.

– Как учили вчера, извлёк из памяти образ, – заикаясь, пробормотал испуганно веснушчатый.

Уши главреда с надеждой зашевелились.

– Салли, что ли, её зовут? – выпалил неожиданно для себя

Жаф. – Та, что видела говорящего гуся живым, пока он не...
– журналист скрестил руки у шеи.

– Гениально! – взревел главред. – Работает, однако, методика!

Уши его радостно заёрзали по бокам головы, покраснев от радости.

– Все свободны!

Жаф победно развалился в кресле.

– Поедешь к этой Салли. Поговоришь с ней.

– Шеф, – Жаф наклонился через стол, сминая бумаги. – Можно фото гуся достать, то есть уже Человека! Представляете, что будет, если мы первые его напечатаем?

Главред сдавил Жафа огромными ручищами за плечи и приподнял над полом.

– Мне нужны еще гаверы! Много гаверов! – прохрипел Жаф, болтая ногами и пытаясь вырваться из тисков.

Уши главреда побагровели и он резко отпустил журналиста.

– Сколько?

– Сантиметров пять, – Жаф показал высоту пачки пальцами. Купюрами по 500.

– Давай хотя бы половину, – взмолился главред.

– Шеф, вы меня удивляете! Там такая награда объявлена за поимку, что за такие суммы со мной никто и разговаривать-то не станет.

– А точно добудешь фото?

– Вы же меня знаете! Когда я вас подводил? Сердце журналиста, – Жаф приложил руку к груди, – бьётся исключительно ради Аскерийских новостей.

Рэйф закрыл глаза. Вооружённые офицеры СЗА наполняют улицы. Красота мундиров, блеск оружия на солнце, опасливые взгляды аскерийцев. Служебные санеры быстро и аккуратно собирают с улицы всех попрошаек. Лагерь странных окружён специальным отрядом офицеров. Личность каждого странного определена, сфотографирована, сгоревшее досье восстановлено. Все нищие, напрягающие обстановку, приписаны к страннным и изолированы от общества. Неужели Чертингс и Сурри думали, что справятся с ситуацией угловорами и листовками? Нет, победное слово останется за ним. Со временем Аскерия оценит его действия. Возможно, его представят к награде – Ордену Почёта Аскерии. В прошлом году ОПА дали Чертингсу. За что? За бумаги? Кто вспомнит потом болтуна Сурри, никчёмных Астера и Фертона, неотёсанного Руба? Они – исполнители. А он, Рэйф – деятель и спаситель! После получения награды он потребует от Мистера Гавера личной встречи. Будет настаивать на усилении своих полномочий вопреки мнению большинства. Рэйф станет первым после Мистера Гавера. В последние дни он многое для этого сделал, проявив себя как хитрый и опытный лидер. Пусть ему пришлось переступить границы дозволенного, пойти на сомнительные с точки зрения морали

действия. Всё это оправдано результатом. Ради спасения будущего всей Аскерии малые дозы негативных событий, как прививка для общества. Аскерия легко переболеет и наступит вожаделенное выздоровление. Всё под его бдительным контролем.

Завибрировавший гаверофон прервал размышления Рэйфа о сладостном триумфе. «Найти и уничтожить живого Гуся. Мистер Гавер» Он уже прочитал статью в Аскерийских новостях. В том, что там не написано ни слова правды, он не сомневался. Но приказ есть приказ.

Часы пробили двенадцать, обозначив как всегда точное появление Борни.

– Докладывайте.

– План «Б» реализован полностью. Всё прошло гладко. Последствия уже начались.

– «Аскерийские новости»? – Рэйф указал взглядом на газету.

– Откликнутся должным образом.

– А что думаешь про восставшего героя? – усмехнулся Рэйф.

– Стандартная журналистская утка, в данном случае про умершего гуся.

– Давай-ка пошерсти еще раз наших друзей в Земляном районе. Ничто не должно помешать герою обретать всё большее бессмертие. А то, не ровен час, захлебнёмся в гусиных самозванцах. Кого-то надо найти и быстро публично уничто-

жить. У нас и без этого сейчас дел по горло.

Борни растворился в пространстве. Рэйф вернулся за стол. Зелёный чай остывал. Побродив ложкой в чашке, измельчая остатки мёда, он поднёс её ко рту, готовясь насладиться первыми глотками любимого напитка. Дверь кабинета распахнулась, с грохотом стукнувшись о стену. Глава СЗА не сразу узнал человека, влетевшего в кабинет.

– Рэйф! Ты должен защитить мирных жителей. Это кошмар!

– Сурри?

Рукав пиджака министра информации был оторван. Правая брючина свисала ошмётками дорогой ткани. Всклопоченные, слипшиеся волосы беспорядочно торчали, окаймляя разгневанное лицо Сурри. Он безуспешно пытался пригладить непослушные пряди.

– Что произошло, Сурри? – Рэйф подскочил к министру.

– Ужас! Никакого порядка в Аскерии! Куда ты смотришь, Рэйф? – Сурри топал ногой, оставляя на полу отпечатки грязных, подёрнутых мутными брызгами, некогда безупречно блестящих ботинок. Начавший заплывать синевой глаз грозно впился в главу СЗА.

– Ты можешь, в конце концов, объяснить, что случилось?

– Я инспектировал Золотой район, – Сурри истерил. – Вдруг из-за угла выбежало не пойми что! Три отвратительных существа и с ними большая чёрная собака!

– Люди?

– Оборванцы! Грязные нищие! Напали на меня. Я отбивался, они стащили с меня пальто! А собака схватила за брючину, повалила меня на грязный тротуар и ...

– Ты их запомнил? – прервал его Рэйф.

– Я же говорю, ненормальные! Я за этот костюм столько гаверов отвалил! Ты посмотри на меня! На кого я теперь похож? Это что, Рэйф? У нас появилась преступность? Среди белого дня нападают! – Сурри схватил Рэйфа за рукав.

– Ну, а ты?

– Что я? Сопротивлялся! Ударил пса в морду! – Сурри продемонстрировал окровавленные костяшки. – Пришлось отбиваться и от остальных. Еле вырвался! – продолжал кричать Сурри.

– А что прохожие? Кто-то видел тебя?

– Какие-то женщины визжали. Несколько аскерийцев прыгали вокруг, отогнали палками от меня собаку. Но я показал этим разбойникам! – Сурри затряс кулаком.

– Ты запомнил их лица? – повторил вопрос Рэйф.

– Да как тут запомнишь? Они все грязные, заросшие и в капюшонах. Еще и воняло от них, как от помойки! – Сурри поморщился. – Хотя, погоди... Одного я запомнил. Когда мы катались по тротуару, капюшон с него слетел, – глаза министра информации блеснули. – У него через всю правую щёку шрам.

– Это точно? Может, тебе померещилось? – Рэйф недоверчиво поглядел на Сурри.

– Ты поймаешь их? – министр схватил Рэйфа за грудки.

– Успокойся, успокойся! – Рэйф недовольно отцепил руки Сурри от своего воротника. – Я уверен, что это странные. Проверим весь лагерь, найдём!

– И эту суку!

– Какую суку? – насторожился Рэйф.

– Собаку, которой я съездил по морде! – Сурри повторил движение рукой, едва не задев главу СЗА.

– Про это не знаю. Собак сейчас, как нищих, тоже много развелось, всех не переловишь, – протянул Рэйф, резко увернувшись от удара и оценивая состояние министра как критическое. – Ты сядь, сядь! Сейчас я вызову санитаров. Тебе нужна врачебная помощь и покой. Отдохнёшь пару дней в гавероклинике.

Сурри нервно забегал по кабинету.

– Я же говорил тебе, что необходимо усиление, а ты не верил! Теперь убедился? – Рэйф, используя ситуацию, начал дожимать Сурри.

– Ты должен дать мне охрану! – не слушая, министр снова кинулся на Рэйфа.

– Будет тебе охрана. Но и других жителей Аскерии надо защитить, – он перевёл дыхание. – Предлагаю объявить усиление и перейти ко второй части плана Сурри-Рэйфа, – настойчиво добавил глава СЗА.

– Делай, что хочешь, только дай мне охрану! – Сурри неожиданно обмяк, осев на диван.

В кабинет вошли трое людей в форме и помогли Сурри встать.

– Рэйф, я прошу!

– Тебя уже охраняют!

Оглядев вошедших офицеров СЗА, Сурри успокоился.

– В гавероклинику! – отдал приказ Рэйф.

Оставшись один, он схватил гаверофон.

– Агента №13 отправить в лагерь странных. Срочно! И организовать там же его задержание, – отчеканил он Борни.

– Чертингс, – глава СЗА набрал номер заведующего канцелярией.

– Да? – устало выдавил Чертингс.

– Ситуация обостряется. Напали на Сурри!

– Что?

– Избили. Я отправил его в гавероклинику.

– Переходим к усилению, как говорили на совещании!

– Понял, – Рэйф завершил связь.

– Вот теперь можно и чай попить, – потирая ладони, глава СЗА опустил в кресло.

Клаер Жафа приземлился во дворе дома Салли и Хониха. Ловко выскочив из него, журналист огляделся.

– Кто этот такой прямо к нам? – встретил его Хоних, выходя на крыльцо.

Салли настороженно выглянула из-за плеча Хониха. Её цепкие глазки оценивающе пробежались по незваному гостю. В последние месяцы их дом слыл популярным. Охотники до информации то и дело под любым предлогом наведывались сюда. Соседские мальчишки, журналисты и блогеры, искатели гусей и страждущие заработать на гусиномании, агенты СЗА и даже высокие чины Аскерии пытались хоть что-то узнать о знаменитом гусе.

– Аскерийские новости! – весело приветствовал их Жаф.

– Новости... – Салли закивала головой. – Проходите, – она оттолкнула Хониха, открывая дорогу гостю. – Новостям мы всегда рады, особенно если они по делу приходят.

– По делу! – Жаф расплылся в улыбке. – Ещё по какому делу, по важному!

– Тогда в дом. Проходите за стол. Я чайку сооружу.

Салли усадила Жафа, водрузив перед ним чайник с остывшей заваркой и плохо вымытую чашку.

– Вы же Салли? Популярный человек в Аскерии! – начал

издалека Жаф.

– Популярный, – облокотившись о стол, она подпёрла рукой щёку. – Только популярность в карман не положишь.

– Я как раз про это и приехал поговорить, – Жаф скосил глаза на пачку гаверов, выпукло оттягивающих карман его куртки.

Хоних присел на табуретку в углу комнаты. Журналистов он не любил больше всего. Они обнюхивали его жилище и двор с неприкрытой наглостью, выискивая и перевирая факты на свой лад. Правда, их сочинительства он читал редко. До того как в их доме появился Гус, Хониха не интересовала жизнь всей Аскерии и отдельно взятых её жителей. Он научился жить с самим собой и не обращать внимания на бесконечные претензии и обвинения жены. Но в последнее время его привычную повседневность перекроили чужие, неинтересные ему люди. Собственный дом превратился в проходной двор. И он, Хоних, постепенно переставал принадлежать самому себе. К отсутствию уюта и спокойствия теперь присоединились и переживания за Гуса, за короткое время ставшего для него близким существом.

– Вы видели говорящего гуся, а потом он у вас умер, не так ли? Жаф аккуратно взял Салли за локоть.

– Умер, не умер, – какая сейчас разница? – женщина дернула локтём, высвобождая его из пальцев журналиста.

– Не упрямитесь, Салли, – Жаф нагнулся к ней и снова схватил за локоть. – Уже всем известно, что вы скрыли факт

его превращения в человека. Где он? Как он выглядит?

– Много вас таких здесь. Всё приезжают да расспрашивают, – Салли выпятила нижнюю губу. – А не знаю!

– Не знаете? – уточнил Жаф.

– Нет, – Салли подняла глаза в потолок. – Голодранцы одни да официальные лица ездят. Всем говорю, что не знаю.

– Ай, молодца! Никому не сказала?

– Никому.

– А если подумать?

– А чего тут думать? Не знаю, говорю же.

Жаф отодвинул грязную, так и не наполненную чаем чашку в сторону, сложил руки перед собой и примостил на них голову.

– Вы никогда гаверы сантиметрами не мерили? – тихо спросил он.

– Что? – не поняла Салли.

– Дом у вас хлипенький, живёте бедненько. А с вашим талантом вспоминать, да умением считать гаверы...

Салли выпрямилась, волнительно сглотнула. Хоних напрягся. Жаф достал из кармана пачку гаверов, туго перетянутую резинкой. Отделив часть пачки, он выложил их на стол перед покрасневшей Салли.

– Здесь один сантиметр! – еле слышно прошептал Жаф, измеряя пальцами высоту пачки.

– Я вспомнила! – вскрикнула Салли.

– Что вспомнили? – Жаф накрыл пачку руками.

– Видела я его человеком.

– Чем докажете?

Салли удивлённо выпучила глаза.

– У нас, в «Аскерийских новостях», дураков ещё в прошлом веке повывели. Где доказательства?

– Да живёт он у нас!

– О как! – Жаф открыл пачку, убирая руки.

– Молчи, дура! – Хоних поднялся со своего места.

– Вот это теплее уже, – Жаф растянул рот в довольной улыбке. – Вы же так просто нервничать не стали бы? Правда? – обратился он к Хониху. – Так где он? Или, может, есть его фотография? – наседали Жаф, пододвигая гаверы к Салли.

– Фото есть! – Салли облизнула пересохшие губы.

В тот же миг она дёрнулась, вскочила и побежала в маленькую комнату дома. Хоних ринулся за ней. Схватив с окна фотографию, она закричала:

– Идите, скорей же, смотрите. Это он с нашим пекарем Крумом. Работает он у него. Зовут Гусом.

Хоних пытался вырвать фотографию из рук Салли, но она ловко развернулась к Жафу и бросила ему фото. Молодой человек в обнимку с Хонихом и Крумом весело смотрел на журналиста.

– Гаверы! – заорала она, схватив его за рукав куртки.

– Так они на столе остались, – журналист указал на пачку гаверов.

– Гаверы! – Салли побагровела. – Ещё сантиметр! – в её руках блеснул кухонный нож.

– В сторону все расступились. Фотографию на место надоть положить! – медленно произнёс Хоних, стоя в дверях.

Жаф и Салли обернулись. Охотничье ружьё в руках Хониха чёрным дулом повелительно уставилось на них.

– Хорошо, – Жаф медленно поднял руки вверх, возвращая фото на подоконник. – Уже ухожу. Не буду мешать вашим семейным вооружённым будням.

– Гаверы! – продолжала наседать Салли.

– Так на столе!

– А второй сантиметр?

– Э-э-э нет. Фото-то остаётся, – Жаф кивнул на подоконник. – Всё по-честному. За информацию – сантиметр.

Салли дёрнулась в сторону Хониха.

– Ты с ума сошёл! – заорала она на мужа. – Мы столько гаверов упускаем. Он тебе кто, этот Гус? Брат, сват?

Глаза Хониха отливали стальной твёрдостью. Ружьё преграждало путь Салли. Жаф медленно, опуская руки, начал искать выход. Нащупав ручку какой-то двери, он протиснулся в комнату и захлопнул за собой дверь, задвинув щеколду. Ругающаяся парочка, вспомнив о журналисте, в четыре руки начала колотить в дверь, выкрикивая ругательства. Жаф открыл окно.

– Желаю здравствовать! – пробормотал он и выскочил на улицу.

Рубашка журналиста взмокла под тёплой курткой, сердце колотилось, во рту пересохло. Заглянув за угол, он увидел, как Салли, размахивая ножом, бежит к его клаеру. Промокнув платком лоб, журналист стал протискиваться между домом и сараем. Перескочив невысокий забор, он помчался по дороге.

Могли пристрелить! Или зарезать! Бешеная семейка.

На встречу Жафу по дороге шкандыбал старый дед с тростью. Старик тряс головой, и шапка-ушанка колыхалась ей в такт. Глядя себе под ноги, дед с трудом преодолевал расстояние.

– Дедушка! – заикаясь, Жаф обратился к прохожему. – Вы не подскажете, где здесь пекарня Крума?

Дед остановился, поднял выцветшие глаза и подслеповато уставился на журналиста.

– Пе-кар-ня Кру-ма, – повторил Жаф по слогам.

– Ась? – дед приблизил ухо к губам Жафа.

– Крума пекарня! – громко крикнул он.

Дед отшатнулся и снова затряс головой.

– Вкусный хлеб, – задрезжал старческий голос.

– Да! – обрадовался Жаф. – Где она?

– Мягкие булочки, – старик явно никуда не торопился.

– Где? – занервничал Жаф, бросая взгляд в сторону дома Хониха.

– Рядом с овощной базой, – медленно произнёс дед.

– А база где? – Жафа потряхивало, правый глаз начал дёргаться.

– База? – дед задумался. – Недалеко от пекарни, – вспомнил он, хлопая себя по лбу. – Не местный?

– Не местный, конечно! – агрессия душила Жафа. – А что не ясно? Был бы местный, не спрашивал.

– Вот я и смотрю, что не местный. Да еще и нервный... – дед сжал в руке трость. – Зачем тебе Крум?

– Хлеба! Очень хочется хлеба! – схватив деда за рукав, взмолился Жаф, окончательно выходя из себя. – Дед, не томи! Скажи, где пекарня?

Старик измерил уничтожающим взглядом журналиста.

– Не нужны Круму в пекарне нервные! – он угрожающе поднял трость.

Журналист попятился, махнул рукой и быстро понёсся прочь.

Дикий район. То ружья, то ножи, то безумные старцы с тростью. Если не угробят, так покалечить могут. Мало он попросил у главреда гаверов на это дело, ой как мало! Из-за какой-то фотографии так рисковать здоровьем и жизнью не входило в его планы.

Дома в Земляном районе кучковались островками, притесняя друг друга разномастными ограждениями. Дороги

вокруг пустовали. Петляя между жилищами, Жаф заглядывал во дворы. Остановившись возле кованых ворот, он сквозь решётку увидел двух мальчишек лет десяти. Они копошились возле сарая, что-то мастерили, скручивая деревяшки с проволокой.

– Эй! – Жаф свистнул. – Молодые люди, вы не знаете, где пекарня Крума?

– Ну, знаем, – хором ответили мальчишки, с интересом оглядывая Жафа.

– И где?

Один из мальчиков с хитрым взглядом открыл ворота и вышел к Жафу.

– Могу проводить, – шмыгнув носом, важно предложил он.

– Так проводи! – обрадовался Жаф.

– Гаверы есть? Я просто так ноги топтать не буду! – глянул исподлобья на него мальчишка.

– Сколько? – Жаф в изнеможении прислонился к воротам.

Мальчик взял прутик и написал на снегу сумму.

– Хорошо, – журналист поднял глаза к небу. – Долго идти?

– Гаверы вперёд! – потребовал экскурсовод, стирая ногой цифры на снегу.

Жаф нащупал в кармане пачку, отщипнул одну купюру.

– Сдачи не надо, – протянул он мальчишке гаверы.

– Ого! – глаза экскурсовода зажглись. – За такую сумму предусмотрена доставка транспортом.

Мальчишка исчез в сарае и появился с огромным велосипедом на два сиденья.

– Садись сзади и крути педали, – приказал он командирским тоном.

– Может, лучше пешком? – взмолился Жаф.

– Оплачено по тарифу транспорта! – серьёзно заявил мальчишка. – Вы болтать будете, или вам ехать?

– Ехать, ехать, – смирился Жаф, усаживаясь на заднее сиденье и устанавливая ноги на педали.

Велосипед тронулся, шурша шинами, завернул за угол дома. Проехав считанные метры, он упёрся в невысокое здание с табличкой «Пекарня Крума». Мальчик слез с велосипеда, открыл дверь пекарни и громко закричал:

– К вам посетитель! Мне за клиента полагается вознаграждение!

Из пекарни вышел розовощёкий здоровяк. Протянув мальчишке бублик с маком, он заулыбался Жафу.

– Милости просим.

– Скажите, а пекут хлеб тоже здесь?

– Здесь. И пекут, и продают. Вы проходите.

Жаф, оказавшись в пекарне, изобразил интерес к хлебу, разглядывая прилавки. Запах свежей выпечки и пряностей дразнил нос.

– Я слышал, у вас пекарем работает некий Гус.

– Помощником пекаря, – уточнил здоровяк.

– Ах да, помощником! Мне бы его повидать!

Здоровяк открыл заднюю дверь с надписью «Хлебный цех» и позвал Гуса. Жаф сгруппировался, приготовил гаве-рофон. Резко распахнулась входная дверь. Боковым зрением журналист увидел Хониха с ружьём.

– Вот ты гдеть! Я так и думал!

Хоних нацелил на него ружьё. Жаф рванулся вперёд, перемахнул через прилавок и бросился в хлебный цех. Хоних ринулся за ним. Большое помещение цеха обдало журналиста теплом. Одинаковые, как на подбор, семь помощников пекаря в больших белых колпаках, разом удивлённо обернулись в его сторону. Жаф наугад двинулся к ним, выкрикивая на ходу имя Гуса. В дверях возник Хоних. Жаф заметался, завернул за печь и налетел на Крума с лотком кунжутных булочек. Содержимое лотка устремилось на пол. Журналист отлетел в сторону, задев большой стеллаж с аккуратно сложенными кирпичиками хлеба. Булки посыпались на Жафа, бомбардируя его голову. Ружьё Хониха с каждой секундой приближалось. Прикрывая голову, журналист устремился в сторону двери с табличкой «Запасной выход». Толкнув дверь, он оказался на улице и понёсся по проторенной велосипедом дорожке. Добежав до уже знакомого ему дома с коваными воротами, журналист остановился, переводя дух.

– Желаете отправиться в другое место? – услышал он знакомый мальчишеский голос.

Жаф хотел ответить, но слова застряли в горле. В бок упёрлось что-то острое.

– Добегался? – Салли решительно нажимала на холодное оружие.

Жаф обернулся. В другой руке женщина держала хорошо известную ему фотографию.

– Покупать будешь? – зло прошипела она. – За вредность цена выросла!

– Сколько? – прохрипел Жаф.

– Э... Салли! – вмешался мальчишка. – Так не честно! Это мой клиент!

В десяти метрах от себя Жаф увидел деда с трясущейся головой. Он опирался на трость и внимательно наблюдал за происходящим.

– Два сантиметра еще! – выплюнула она в ухо журналисту. – И побыстрее, а то вон сколько свидетелей.

Жаф под взгляды обалдевших мальчишек вытащил из кармана увесистую часть пачки гаверов, протянул ей, и выхватил фотографию из рук Салли.

– Быстрее! Где твой велосипед? – крикнул Жаф мальчишке. – Плачу по двойному тарифу!

– Оплата вперёд! – верещал мальчишка, выкатывая велосипед из сарая.

Отщипнув пару купюр от изрядно поредевшей пачки, журналист взгромоздился на велосипед. Из-за поворота появился Хоних.

– Гони! В ту сторону давай! – указал Жаф.

Велосипед рванулся с места.

– Крути педали быстрее! – командовал мальчишка.

Ветер свистел в ушах. Дома печальными картинками проносились мимо. Оставляя позади разъярённого Хониха с ружьём, подозрительного деда с тростью и довольную Салли, Жаф вскоре оказался на границе Земляного района.

Отпустив мальчишку, он перевёл дыхание.

– Шеф! – Жаф радостно прокричал в гаверофон. – Есть фото!

– Жафчик, я в тебе не сомневался! – голос главреда искрился тёплыми нотками.

Только сейчас он вспомнил о своём шикарном клаере, оставшемся во дворе Хониха и Салли.

– О, нет... – простонал он.

Снег повалил в это утро, словно вырвавшись из долгого плена набухших до предела туч. Небо с облегчением сбрасывало миллиарды снежинок, соединявшихся в снегопад. Температурный столбик падал вниз, закрепляя новый порядок. Капли воды замерзали, низвергаясь вниз снежными потоками, настаивая на своём праве властвовать на земле обозначенный природой срок. Неизбежность перемен ощущалась в каждом мгновении жизни природы. Перемен, которые были так ожидаемы, но каждый раз так внезапны.

Гус и Линда встречали своё очередное утро.

– Смотри! Всё засыпало снегом! – воскликнул Гус, приблизившись к окну.

Линда, сонно улыбаясь, подошла к своему возлюбленному, обняла его сзади, и, положив подбородок на плечо, посмотрела в окно.

– Зима – это перемены! Я не очень их люблю. Я бы хотела, – она закрыла глаза, развернула Гуса к себе, – я бы хотела вечное лето!

Возлюбленные соединились в поцелуе, долго не отпуская друг друга.

– Пойдём завтракать? – Гус еле оторвался от изумрудных глаз Линды.

– А что, одних поцелуев на завтрак тебе мало? – игриво спросила она.

– Я бы разбавил их горячей чашкой кофе и мягким хрустящим печеньем!

– Печеньем!?! – кокетливо воскликнула Линда. – Я согласна!

– Меню завтрака одобрено! Позвольте приступить к его претворению в жизнь?

– О, да! А я в ванну! И добавь в кофе, – Линда сделала рукой повелительный жест, – корицы! Немного корицы, как я люблю.

– Есть добавить корицы! – прокричал Гус из столовой.

Кофейный аромат охватил дом Линды. Сдобренный специями, он сладковато дурманил сознание. Воздушное печенье всюду золотилось и поднималось в духовке в ожидании начала завтрака. Линда вышла накинув шёлковый халат цвета спелой вишни и поведя носом и чуть прикрыв глаза, опустилась за стол.

– Всё как ты хотела, любимая!

– Да, – протянула Линда. – Пропорции корицы и температура выдержаны профессионально.

– Из меня получается профессиональный пекарь?

– Из тебя получается мой любимый мужчина! – Линда засмеялась, поддевая указательным пальцем нос Гуса.

Хруст печенья перемешался с восклицаниями о вкусе кофе. Завтрак искрился радостью, переливался ароматными

запахами, наполняя счастьем два любящих сердца.

– Ммм... , Линда сделала финишные глотки кофе и облизнула губы.

Гус открыл входную дверь и достал из почтового ящика свежий выпуск «Аскерийских новостей».

– Гус, зачем ты таскаешь эти газеты? Есть же гаверофоны, современные средства.

– Ты же знаешь, дорогая, я не люблю эти модные штуковины. Они мешают мне познавать мир.

Линда укоризненно выхватила газету из его рук. Её взгляд невольно упал на огромную фотографию молодого человека с ярким заголовком «Гусь жив! И мы знаем, как он выглядит!»

– Что случилось, Линда? – воскликнул Гус, видя, как меняется выражение её лица.

Линда выронила газету. Секунду назад владевшее ею счастье сменилось страхом и нарастающей бледностью. В мгновение тело съежилось, скрючилось, плечи передёрнула легкая дрожь. Линда опустила голову, обхватила её руками, протяжные рыдания сотрясли женщину.

– Нет, нет, я не хочу! – она сначала робко всхлипывала, а потом сдалась нарастающему плачу, вырывающемуся из груди.

– Линда, что случилось? – Гус вскочил со своего места, подбежал к ней.

– Это происходит не со мной, это просто сон! – Линда

подняла на Гуса красные от слёз глаза. – Скажи, что сон! Скажи, что на этом фото не ты! Пожалуйста, скажи!

Она схватила Гуса, затрясла его за плечи, неистово крича, отдаваясь состоянию истерики до конца.

Он поднял с пола газету. Гус смотрел на Гуса, обозначая новый поворот в его жизни, выставляя на показ всей Аскерии тайну, результат научного эксперимента.

– Это правда? – Линда кричала, захлебываясь в слезах. – Это ты?

– Да, – отозвался Гус глухим голосом. – Это моё фото, теперь ты знаешь обо мне всю правду!

– Я не хочу этого знать! Слышишь, не хочу знать правды! Нет ничего ужаснее правды! Я её ненавижу!

Лицо Линды перекосила злоба, ухватившись за край ска-терти, она резко дёрнула её на себя. Битое стекло разлетелось по столовой, нарушая привычный порядок этого дома. Женщина рванулась к полкам с книгами. Поочерёдно сбрасывая одну за другой, она продолжала неистово кричать, срываясь на рыдания. Гус бросился к ней, пытаясь успокоить.

– Линда! Успокойся, в этом нет ничего страшного!

– Ничего страшного? – она остановилась, бешено сверкая глазами. – Они же уничтожат тебя! Ты что, не понимаешь этого?

– Почему уничтожат? Чем я им мешаю? Что я сделал такого?

– Что ты сделал? – Линда зло засмеялась. – Ты их не зна-

ешь! Это же система! Понимаешь, система!

– Нет никакой системы! Есть я и ты, есть наша любовь. И никто не сможет этому помешать! Линда, я люблю тебя!

– Любовь? Ты не знаешь всего, ты вообще ничего не понимаешь! Тебе угрожает опасность!

– Люди не сделают мне плохого, – Гус обнял Линду, прижал к себе. – Объясни мне, в чём опасность?

– Это конец, Гус! – Линда начинала овладевать собой. – Я должна сейчас уехать. Ты будешь здесь. Я запрещаю тебе выходить на улицу, покидать этот дом. Здесь тебя не будут искать, здесь ты в безопасности.

– Да объясни, что происходит!

Линда успокоилась, смахивая последние слезинки. Она подошла к зеркалу, начала приводить себя в порядок.

– Тебя ищут по всей Аскерии! Ты стал героем, ты стал знаменем, символом, но эти журналисты вытащили всё наружу.

– Но я не стремился к этому!

– Тебя сделали им! Но сделали из мёртвого, а ты оказался жив. Ты оказался живым лидером.

– Но я не хочу им быть! Это не мой выбор!

– Выбор одного меркнет перед выбором всей Аскерии. Система сильнее человека, – Линда запнулась.

– Человека? – теперь уже на глазах Гуса выступили слёзы.

– Ты же птица... – удивление озарило её лицо.

– Я? – Гус шагнул к Линде. – Я – человек!

– Не-е-ет... – Линда смотрела на него глазами, полными

изумления. – Я-то думала, почему ты не похож на остальных. Вот в чём твоя особенность...

Неожиданная правда раздирала сознание на части. Мозг, годами решающий стандартные задачи, отказывался давать ответы на возникающие вопросы.

– Для птиц нет никаких систем. А для людей есть.

– Ты не знаешь человека! – Гус сделал еще один шаг к Линде.

– А ты? Птица! – презрительно фыркнула она. – Откуда ты можешь знать человека?

Что случилось с женщиной, которую он любил? Какая разница: Птица он или Человек? Так ли уж это важно, если любишь. Но ведь в глубине души он на каждом шагу замечал своё отличие от людей. Пытался спрятаться, не замечать, принять всё, как есть. Но сейчас непонимание и боль бурным потоком поднимали в нём удивление от пребывания в мире людей и осознания собственной чужеродности.

– Кто-то должен вам всем – людям – сказать об этом! – Гус менялся каждую секунду. – Сказать о том, что вы перестали видеть и слышать, сохранив глаза и уши. Сказать о том, что вы растворились в вещах, событиях, начали исчезать в собственной возне. Вы, как заведённые, бежите от своей природы, превращаетесь в механические существа. Ваш снобизм, ваше заносчивое превосходство над всем живым – это ваше великое заблуждение!

Линда зачарованно смотрела на Гуса. Казалось, в одно

мгновение он стал выше, крепче, сильнее. Собственные слова превратили его в совсем другого человека, не того, каким его знала Линда прежде. На её глазах он рождался, менялся, рвался вперёд, расправляя крылья не птицы, но и не человека в её понимании. Ничего аскерийского. Она слушала его и не понимала ни слова. Кто он? О чём говорит? Зачем лезет в привычный строй аскерийской жизни? Нет ничего идеальнее Аскерии.

– Очнитесь! – Гус продолжил. – Очнитесь от этой игры в превосходство себя над всеми. Прекратите гонку за гаверами. Остановите колесо Достижений. Иначе вы исчезнете, умрёте при жизни, начнёте разлагаться на глазах. Ваша возня приведёт к агонии, переходящей в смердящую вонь. Смрад, заполнит всю Аскерию. Накапливая, собирая богатства, давя друг друга в погоне за ними, вы протухнете. Дух не вынесет гнили. Человек исчезнет. Аскерия потеряет людей. Опустошённые биологические роботы будут продолжать борьбу. Вот что вас ждёт.

– Ты говоришь ерунду! Да это смешно! – Линда поела Гуса возмущённым взглядом.

– Кто-то должен оживить человека, вытащить из запрограммированной гибели.

– Почему гибели?

– Потому что человек гибнет, переставая думать. Каждый человек в отдельности имеет право думать сам, своими мыслями, прислушиваться к внутреннему голосу и истин-

ным потребностям. Взять ответственность за свою жизнь, осознать себя и выбрать свой путь, подсказанный сердцем, а не толпой, серой массой нестись в указанном кем-то направлении Достижений.

– Ты заблуждаешься! – Линда иронично рассмеялась. – Они не могут выбирать, брать ответственность и сами творить свою жизнь.

– Они обречены на это, если хотят выжить. Ваша система Достижений до капли выжала из людей жизнь, выхолостила всё живое. Превратила человека в управляемый гаверофонами набор кожи и костей, бездушную часть массы.

– Ты – ненормальный! Может, ты – странный? – Линда сверкала глазами. – Гус, замолчи! Ты не говорил этого! Ты не мог говорить весь этот неизвестно откуда пришедший к тебе бред. Ты останешься здесь и дождёшься меня. Слышишь? – Линда взяла Гуса за руку и приблизила к себе.

– Я – странный? – Гус отшатнулся. – Я понял, вы считаете всех не похожих на себя странными. Может, и наша любовь – это странность? Может странно испытывать любое чувство, кроме желания достигать и обгонять друг друга?

– Пойми, Аскерия – лучшее, что придумано для человека, это идеальное устройство жизни людей. Мне нужно срочно уйти. Я вернусь и всё расскажу тебе, – Линда заметалась по комнате в поисках гаверофона и сумочки. – Ты не должен никуда уходить. Ты останешься здесь!

– Нет, – запротестовал Гус. – Мне нужно на работу.

– Тогда я запрю тебя! – Линда решительным шагом вышла за дверь и поставила новый код на электронный замок. Через минуту её клаер взмыл в небо в неизвестном направлении.

Гус стукнул кулаком по столу. Последняя опрокинутая чашка упала на пол и разлетелась на острые осколки.

Он должен отсюда выбраться. Он не может подвести Крума. Обследовав все комнаты, он добрался до спальни. Сердце сжалось новой болью. Память безжалостно подбрасывала ему картинки сладостных минут, проведённых здесь с Линдой. К чистому чувству любви уже тянули свои щупальца обида, раздражение и гнев. По рукам пробежал холодок. Ванная. Окно. Она забыла закрыть окно. Свобода, снова свобода!

В пекарне Крума кипела работа. Семь белых колпаков, четырнадцать рук и неисчерпаемый кладёзь энергии. Запах корочки привычно ласкал ноздри, тянущееся повидло радовало глаз, печи низвергали огненный жар.

– Так, ребяташки! – командовал Крум, стоя посередине пекарни. – Загружай булочки, вынимай багеты. – Ар, давай скорее, а то корочка слишком подрумянится. Да и вы, ребята, поторапливайтесь, печи просят новой порции.

Крум скользил взглядом по всем участкам своего хлебного королевства, удовлетворённо теребя ус. В этот момент счастье охватывало его, накрывая с головой. Сердце колотилось чуть быстрее обычного, а душа пела хлебные песни, периодически растягивая рот удовлетворённой улыбкой. Он, будто дирижёр, взмахивал руками, раздавал указания. Работники весело поглядывали на Крума. Своё дело они знали хорошо, но Крум вносил в их жизнь особый заряд энергии, вдохновляя не просто делать свою работу механически, а творить, находить в простых процессах радость, каждый раз будто-бы рождая хлеб.

– Мы с вами все бабки-повитухи хлебных жизней! Хлеб рождаться должен, а не выпекаться! – любил поговаривать Крум.

Налаженный ритм работы прервал Хоних, резко открывший дверь в пекарню. Крум сразу почуял неладное. Глаза Хониха тревожно бегали, руки нервно подрагивали.

– Хоних, дружище! Проходи скорее! – Крум подхватил нежданного гостя под руку и повёл в свой закуток за самой большой печью. – Ар, принимай руководство в свои руки, я отвлекусь ненадолго.

– Ты видел это? – Хоних протянул Круму свежий выпуск «Аскерийских новостей».

– Ты же знаешь, – пекарь виновато поглядел на друга, – я газет не читаю, некогда. Да и запах их сильно отличается от хлебного!

Хоних молча, трясущимися руками развернул перед Крумом газету с фотографией Гуса.

– Наш мальчик попал в беду! – Крум всплеснул руками. – Не приводят к добру эти газеты.

– Мой сын попал в беду! – голос Хониха срывался, дребезжа накатывающимися слезами. – Я ищу его, думал, он у тебя.

– Да, должен быть, сейчас подойдёт, у него рабочий день начинается, когда первая партия хлеба готова. Будет с минуты на минуту...

Крум усадил друга на лавку, засуетился, сотрясая и без того перегретый воздух пекарни беспорядочным размахиванием рук.

– А вот, ктой-то пришел, дверь стукнула! – вскочил Хо-

них, бросаясь к выходу. – Гус, мой мальчик! – Хоних схватил его за руку и потащил к Круму.

– Вы всё знаете ... – Гус увидел лежащую на лавке газету со своей фотографией.

– Да, сынок! – Хоних с волнением подобрал газету.

– Гус! – Крум посмотрел на него серьёзным взглядом. – Что бы ни случилось, ты можешь рассчитывать на меня, да и ребята наши тебя поддержат. Что собираешься делать дальше?

– Спасибо, Крум! Спасибо, Хоних! – в глазах Гуса зашиповало. – Работать, печь хлеб, жить!

– Газеты жить не дадут! – Крум покачал головой. – Популярность, она не всегда работе помогает, скорее наоборот.

– Гус! – Хоних взял его за руку. – Я сразу почувствовал, что ты особенный! Сынок! – голос снова сорвался, с трудом пробиваясь наружу. – Я говорить-то не мастак, да и помощник из меня неказистый...

Хоних отступил назад, уже не пытаясь скрыть накатывающиеся слёзы. Гус и Крум с волнением наблюдали за ним, понимая, что в его душе творится настоящая буря.

– Ты говори, дружище, говори! – Крум ободрил его. – Душа долгого молчания терпеть не может, её освободить от тяжести иногда требуется.

– Салли не хотела иметь детей, – начал Хоних. – Сначала мы это простоту откладывали. Она всё считала, сколько гаверов надо. Счёт её всё время с их наличием не сходил-

ся. Бредитов мы по молодости уйму набрали, больше нам не давали. А родить в Аскерии бесплатно стало практически невозможным. Не просто родить, а родить в знак Достижения. Она всё время детей как убыток рассматривала. Потом и считать перестали, так и остались вдвоём. А я всегда детей любил. Помню, завижу у кого из знакомых, по-держу на руках, так потом неделю как больной хожу. Сына хотел! – Хоних дёрнул рукой, смахивая слезу. – Годы шли, отец-то во мне и загиб. Только иногда ныть начинает вот здесь! – Хоних потёр грудь в районе сердца. – А ты когда-то появился в сарае, грудина так защемила, что перекосило меня всего. Понял, что неспроста это, знак мне был. Судьба позаботилась обо мне. Испугался я только, вот и отпустил тебя сразу. А после что началось, такая ломка, я места себе не находил. Так судьба второй раз надо мной смилостивилась. Появился ты, да ещё помощь моя понадобилась! – Хоних посветлел лицом, на губах заиграла лёгкая улыбка. – Не поверите, но это были самые счастливые дни моей простой жизни. Счастье, как солнышко, показалось, посветило, поиграло со мной. Маленький никчёмный человечешко стал необходим, полезен. Наша жизнь так устроена, что быть кому-то нужным надоть. Человек хоть и рождается один, а в жизни один быть не может. Каждый при жизни разные родные души находит: кто – жену, кто – детей, кто – друзей. Крум, конечно, мой друг, я ему благодарен, но с тобой особый случай. Чтой-то я заговариваюсь... – Хоних осел на лавку, опуская своё

мокрое от солёных слёз лицо в рукав куртки.

Гус сел рядом, обнял Хониха. С другой стороны на лавку опустился Крум. Трое разных людей, сведённых обстоятельствами жизни в одно место, молчали каждый о своём.

– Салли говорит, что странный ты! – Хоних посмотрел на Гуса. – А каким же тебе быть, если все нормальные вокруг сошли с ума. Получается, что всё с ног на голову перевернулось. Может, ты и есть самый нормальный среди этого сумасшествия...

Мысли Гуса метались, сталкиваясь в неразрешимых противоречиях. Пекарня, маленькая пекарня сияла ярким пятном человечности на бездушной и расчётливой карте Аскерии. Трагедия двух не договорившихся сердец, история не родившихся детей протестовала против оцифровки и дороговизны жизни, хрипела сопротивлением гаверам. Жизнь пыжилась детьми в виде Достижений, вытряхивая любовь, как грязный половик. Продолжение человеческого рода становилось выгодным или не выгодным делом, зависящим от бредитов. Новый человек имел возможность появиться лишь в долг, займы, с последующей отдачей, превращая всё существование людей в бизнес на жизни.

– А, вот вы где? – лицо Салли просияло победной улыбкой. – А я всё волнуюсь. Думаю, где мой муж ненаглядный? Да и Гус, я вижу, здесь!

Женщина появилась неожиданно, прервав молчание. Испуганно, глуповато улыбаясь, Салли топталась на месте, ози-

раясь по сторонам.

– Я пойду! А то дел много! – Салли начала удаляться боком, задевая стеллажи с хлебом.

– Ты чтой приходила-то? – спросил Хоних вслед жене.

Хлопок двери пекарни стал ответом Хониху.

– Не нравится мне она! – напрягся Крум. – Задумала чего! Я её знаю, просто так тебя искать не будет, – обратился он к Хониху.

– Я пойду, – сказал Гус, вставая. – А то пора, хлеб выпекся, моя работа начинается.

Помощники пекаря дружно приветствовали Гуса. Последнее время его обязательность и пунктуальность снискали ему уважение в пекарне.

Крум и Хоних в задумчивости сидели на лавке, продолжая размышлять о своём. Они привыкли дружить молча. Хоних часто бывал вечерами у Крума. Приходил, садился, погружаясь в атмосферу домашнего тепла и уюта. У окна стояло его кресло со старым цветастым пледом. Кресло друга. Молчали, пили чай, иногда закуривали трубки. Лишних слов не говорили, дружить в их понимании значило находиться рядом.

– Там клаеры пекарню окружают! – Ар забежал в помещение, закрывая за собой дверь на засов. – Офицеров СЗА полный двор!

Помощники пекаря вышли из-за своих рабочих мест. Крум и Хоних встревоженно встали.

– Это Салли привела их! – проговорил Крум. – Говорил же, не будет она просто так сюда приходить.

– Сынок! – Хоних подошёл к Гусу. – Это они за тобой прилетели, хотят схватить.

– Да, нет! Зачем я им? – Гус пытался успокоить Хониха.

– За тобой, за тобой! – спокойно проговорил Крум. – Я чувствую это! Что, друзья, – он посмотрел на свою команду. – Не дадим Гуса в обиду?

– Крум! – Ар выступил вперёд. – Я здесь дольше всех работаю. Скажу прямо, для нас Аскерия – это наша пекарня. Что скажете ребята?

– Пекарь пекаря никогда не предаст! – раздалось с разных сторон.

– Какие идеи? – Крум подмигнул Гусу.

В дверь громко постучали. Шум двора начал пробираться сквозь увесистую дверь пекарни.

– Открывайте! С вами разговаривает офицер СЗА Борни. Мы знаем, что Гус здесь. Мы требуем открыть дверь! – раздалось с улицы.

– Идея проста! – проговорил младший помощник пекаря Рик. – Санер с хлебом уже готов везти его по булочным, он у запасного входа. Предлагаю спрятать Гуса в санере и вывезти из пекарни.

Он что-то хитро зашептал на ухо Круму. Тот в ответ одобрительно кивнул.

Дверь начала ходить ходуном, засов дёргался, проседая

под натиском ударов с улицы.

– Я задержу их! – Хоних бросился к двери.

– Приступаем к реализации плана! – скомандовал Крум.

Помощники пекаря замотали Гуса в мешки из-под муки, вывели к санеру и, уложив между хлебными стеллажами, прикрыли ящиками.

Дверь пекарни сорвалась с петель под натиском офицеров СЗА. Группа людей в форме ввалилась в помещение.

– Ктой такие смелые? – Хоних сверлил офицеров СЗА бешеными глазами.

Все работники пекарни дружно перекрыли проход, встав на пути Борни.

– Расступись! – заорал он.

– По какому праву вы врываетесь в пекарню? – мощная фигура Крума остановила Борни. – Я не позволю здесь себя вести таким образом. Это пекарня Крума! Слышите? – Крум сделал шаг навстречу Борни.

Звуки отъезжающего санера послужили сигналом к победе. Помощники пекаря радостно переглянулись.

– Что это за санер там отъехал? Задержать! – Борни снова сделал попытку прорваться к запасному входу.

– Это санер с хлебом! – взревел Крум, удивляя свою команду. – Вы что себе надумали, офицер! Вы будете отвечать за разбой в моей пекарне. Я буду жаловаться... – Крум выпучил глаза, пытаясь вспомнить имена.

– Рэйфу! – подхватил Хоних. – Мы будем жаловаться Рэй-

фу.

– Мы будем жаловаться! – заорали помощники пекаря.

– Я буду жаловаться на произвол лично Мистеру Гаверу! – добавил писклявым голосом младший помощник пекаря Рик.

– Простите! – немного оторопел Борни. – В вашей пекарне спрятался Гус. Мы его ищем!

– Никакого Гуса здесь нет! – заорал на него Крум. – Я должен понимать, кто мне исправит дверь.

– Это беспредел, – вышибать двери в добропорядочной пекарне! – не унимался Рик, фотографируя сцену разгрома на свой гаверофон.

Помощники пекаря дружно достали гаверофоны и направили на Борни фотокамеры.

– Простите! – Борни побледнел под вспышками гаверофонов. – Но мы вынуждены осмотреть помещение. Повторю, у меня есть приказ.

– Покажите приказ! – запротестовал Крум.

– Вот! – Борни развернул перед ним бумагу.

– Хорошо! – Крум всплеснул руками. – Так бы и сказали, что есть приказ! Проходите, осматривайте помещение! Только никакого Гуса сейчас тут нет!

– Борни! – офицер СЗА приложил руку к виску, докладывая командиру. – Мы задержали санер с хлебом.

Помощники пекаря переглянулись.

Хоних сжал кулаки.

– Вот и отлично! Провести осмотр.

– Вы не имеете права! – дружно завопили помощники пекаря.

– Я сбросил фото в «Аскерийские новости»! – победно заявил Рик, демонстрируя экран гаверофона.

– Осматриваем санер! – невозмутимо настаивал Борни. – Где у вас запасной выход? – обратился он к Круму.

– Запасной – здесь! – показал Крум. – Но это полное бесчинство!

– Полное бесчинство! – дружно вторили ему работники пекарни.

Офицеры СЗА во главе с Борни последовали к запасной двери. Санер успел отъехать пару сотен метров от пекарни, оказавшись у дома предприимчивого мальчишки. Отряд Борни и помощники пекаря под предводительством Крума и Хониха окружили санер. Тощий и длинный, как каланча, водитель ругался с офицером СЗА.

– Что происходит? По какому праву вы задерживаете санер? Вы знаете, сколько аскерийцев ждут сейчас хлеба?

– Разберёмся, – спокойно отвечал офицер. – Не волнуйтесь. Осмотрим санер и, если в нём нет Гуса, отпустим.

– Какого Гуса? – водитель эмоционально размахивал руками, периодически сплёвывая на землю. – Я развожу хлеб! Не знаю я никакого Гуса!

– Так, – подошедший Борни взял управление ситуацией в свои руки. – Открывайте санер, – потребовал он, суя под нос

водителю официальную бумажку.

Водитель в очередной раз выругался и распахнул двери санера под дружный вой и вспышки гаверофонов. Четыре стройных ряда лотков с хлебом предстали перед взором Борни. Узкое пространство между ними не давало возможности проникнуть внутрь санера и произвести осмотр.

– Осмотреть лотки, – отдал он команду самому худому офицеру. Сделав попытку протиснуться между лотками, офицер виновато посмотрел на Борни.

– Я вижу, у вас проблемы? – мальчик, облокотившись об ограду, изучающе смотрел на Борни.

– Давай, залезай в санер! Посмотри, есть кто там или нет. В самом конце, за ящиками.

– Осмотр чужих санеров – это можно. По определённом тарифу, – спокойно ответил мальчик.

– Какому ещё тарифу? – Борни побагровел. – Ты обязан оказать помощь Службе Защиты Аскерии.

– Я не оказываю бескорыстной помощи, я работаю за гаверы, – не мигая, ответил мальчишка.

– Я тебе покажу «за гаверы»! – Борни подскочил к ограде и схватил юного предпринимателя за ухо. – Снимай куртку, лезь в санер!

– А-а-а... – завопил мальчишка.

– Они издеваются над детьми! – зашумели пекари. – Отпустите мальчишку! Свободу детскому предпринимательству!

Борни, удерживая ухо мальчишки, подвёл его к санеру.

– Лезь, – приказал он. – Твоя задача определить, есть кто живой в санере, или нет. Я напишу письмо в твой климадост, и тебе зачислят Достижений.

– А-а-а... – продолжал верещать мальчик. – Не нужны мне Достижения! Я же сказал, что работаю за наличные гаверы.

Борни втолкнул мальчишку в проём между лотками. Хоних и Крум с тревогой переглянулись. Мальчишка на четвереньках пополз вперёд по первому ряду.

– Никого, – донеслось из глубины санера.

– Поворачивай голову налево!

Мальчик повиновался.

– Направо! Видишь кого-нибудь?

– Хлеб, – раздался детский голос.

– Только хлеб? – уточнил Борни.

– Ага.

Полная тишина наступила вокруг санера. Хоних побледнел, глаза налились кровью. Казалось, он вот-вот бросится на офицеров СЗА.

– Что будем делать? – шёпотом спросил Хоних Крума.

Ар подошёл к ним.

– Гус в третьем ряду лотков, – тихо проговорил Ар.

Мальчик спустился с санера.

– Давай в следующий ряд! – скомандовал Борни.

– Холодно. Можно я погреюсь, накину куртку.

– Только недолго, – разрешил Борни.

Крум оглядел помощников. Встретившись глазами с каж-

дым, он получил утвердительный ответ.

– Пусть водитель займёт место в кабине, – шепнул он Ару. – А мы задержим офицеров. Хоних, – обратился он к другу, – ты возьмёшь на себя Борни.

Борни боковым зрением наблюдал за пекарями. Ситуация ему не нравилась.

– Я погреюсь в кабине, – водитель вопросительно посмотрел на Борни.

– Стоять! Всем оставаться на местах.

Борни сделал указующий жест мальчику.

– Снимай куртку, лезь!

Водитель пожал плечами, посмотрев на Ара. Глаза работников пекарни сигнализировали полную готовность к бою.

Мальчик медленно начал двигаться по второму ряду между лотками.

– Дошёл до конца? – Борни говорил громко и чётко.

– Да.

– Смотри на второй ряд лотков.

– Смотрю.

– Есть кто?

– Нет.

– Поворачивай голову. Смотри на третий ряд.

Пекари обменялись взглядами. Хоних сделал шаг к Борни.

– Что там? – заорал Борни, отслеживая движения Хониха. Глаза мальчика и Гуса встретились. Секунду мальчик

смотрел, а затем отвёл взгляд.

За время работы в пекарне мальчишка и Гус сдружились. Гус часто угощал его вкусными булочками просто так. Мальчик с детства усвоил, что ничего бесплатно не бывает. На всё нужны гаверы. Да и щедростью аскерийцы не особо отличались. Поначалу мальчишка удивлялся новому другу, который задавал странные вопросы про Аскерию, будто никогда не учился в климадосте или вообще прилетел с другой планеты. Вздёрнув нос, сложив руки за спиной, он важно, как петух, выхаживал рядом, рассказывая о местной жизни и жителях. Терять такого ценного клиента ему не хотелось.

– Никого! – громко и уверенно крикнул мальчишка.

– Лезь в следующий!

– Никого, – повторил он.

– Ребёнок совсем замёрз! – взмолился Хоних, делая ещё один шаг к Борни.

– Точно никого? – грозно повторил Борни.

– Точно.

Мальчик двинулся назад.

– Как платят, так и работаю, – буркнул он себе под нос.

– Всех приветствуют «Аскерийские новости» – раздался весёлый голос Жафа.

Журналист бодро делал снимки один за другим, стараясь оставаться в стороне от зло глядевшего на него Хониха.

– Съёмка запрещена! – строго предупредил Борни. –

Снимки придётся изъять! – пригрозил он.

– Пресса в Аскерии – лицо свободное. Кто-то должен осветить хлебный скандал, – язвительно парировал Жаф. – Иди ко мне! – Жаф подозвал мальчишку. – Юный герой хочет рассказать мне о происходящем?

– Договоримся, – увидев знакомого клиента, подтвердил синими, замёрзшими губами мальчишка и пожал руку Жафу.

– Отпустить санер! – с досадой отдал команду Борни.

Санер резво двинулся по дороге, оставляя позади незадачливых офицеров СЗА, снова приставших с расспросами к работникам пекарни.

Санер пересёк границу территории лагеря странных людей и затормозил у палатки с большой вывеской «Столовая».

– Разгружайте! – водитель вышел из кабины, поприветствовал Хвостатого. – Ты сегодня ответственный за хлеб?

– Допустим, моя очередь, и что? – буркнул Хвостатый.

– Ты, это... – водитель взял Хвостатого за рукав и, оглядываясь, отвёл чуть в сторону. – Ты когда весь хлеб разгрузишь, не удивляйся. Там за лотками человек будет, его спрятать надо. Поможешь?

– Спрятать? – Хвостатый удивлённо поднял вверх мохнатые брови. – Нашли место, где прятать!

– Вряд ли кто сюда по доброй воле сбежит. Потому здесь искать точно не будут.

– А кого прятать?

Водитель посмотрел на Хвостатого, цепляя глазами его настрой. словно убедившись в надёжности варианта, он ответил:

– Гус. Знаешь такого?

– Гус? – лицо Хвостатого просияло. – Этого спрячу! Значит, жив?

– Жив, – водитель снова осмотрелся по сторонам. – Ищут его везде. К нам в пекарню СЗА нагрянуло, еле вывезли его.

– Ладно, разберёмся, – Хвостатый улыбнулся уголками губ. – В любом случае, нормальным без боя не отдадим. Он же наш, да ещё и со стажем. Мы здесь своих бережём.

– Надеюсь, – водитель хлопнул Хвостатого по плечу и вернулся в кабину.

Помощники Хвостатого быстро разгрузили лотки с хлебом.

– Там за ящиками ещё мешок какой-то в углу.

– Идите в столовую, с мешком я сам разберусь, – указал он помощникам.

Хвостатый запрыгнул в санер, похлопал заваленного мешками Гуса.

– Эй, Гус! Это я, Хвостатый. Приехали. Ты дома!

Гус сбросил с себя мешки и с опаской посмотрел на Хвостатого.

– Ты? – заулыбался он. – Жив?

– А то! Такие, как я, в огне не горят. Я сам огонь!

Мужчины крепко обнялись, сиюсь унять подступающие слёзы.

– А что наши друзья по палате? – спросил Гус.

– Их огонь не пощадил. Нашли только обгорелые трупы. Такая вот история, – Хвостатый опустил глаза. – Но мы-то с тобой живы, слышишь, живы! Давай ко мне в палатку. Я сейчас один живу. Сосед был, да исчез куда-то, увлёкся попрошайничеством в Золотом районе. А я сказал, что если поделят кого ко мне, то буду орать на весь лагерь. Вот они

меня одного и оставили. Нормальные шума боятся, – Хвостатый злобно усмехнулся.

– Спасибо! – глаза Гуса заблестели благодарностью.

– Ладно, давай к делу.

Он замотал Гуса в мешки и донёс на плечах до своей палатки.

В жилище Хвостатого было тепло и спокойно. Печка потрескивала сухими дровами. Воздух пропитался запахом сигарет и каких-то трав. Две аккуратно заправленные лежанки-кровати разделялись небольшим ящиком для одежды, который одновременно служил столом. На нём стояла пара чистых кружек, сахар и чай. Из-под лежанки Хвостатого торчала коробка с какими-то железными деталями, проводами и инструментами. Ничего более из вещей не обременяло обстановку палатки.

– Хорошо тут у тебя, просторно.

– Скромно, но жить можно, – Хвостатый удовлетворённо потёр бороду, погладил по собранным сзади седеющим волосам.

Вечер спускался на лагерь странных людей. Закончив обязанности дежурного по столовой, Хвостатый вернулся в палатку, неся под мышкой скромный ужин для Гуса. Несколько печёных картофелин, солёный огурец и два ломтя хлеба.

– На вот, поешь.

Он с интересом смотрел на беглеца. Серые глаза испытывающе вопрошали. Налив ему большую кружку крепкого го-

рячего чая, Хвостатый спросил:

– Не люблю глупых вопросов, Гус, но по-умному спрашивать не научился. Что будет делать оживший символ Аскерии дальше?

Двое мужчин сидели друг напротив друга, оказавшись лицом к лицу без возможности молчать, откладывать на потом, говорить неправду.

– Я долго смотрел на людей, пытался их понять. Как ни удивительно, в человеке мало человеческого, мало того, чем он, якобы, отличается от всех остальных живых существ. Я должен сказать им, – Гус прямо посмотрел на Хвостатого. – Кто-то должен сказать им.

– Что сказать-то хочешь? – хриловатый голос Хвостатого органично вплетался в шум огня в печке, в сумрак палатки, в островок теплоты посреди зимней Аскерии.

– Хочу разбудить их, выдернуть из бредитного сна, безумия Достижений, засасывающего мира вещей, продажности. Хочу вернуть людям человека.

Хвостатый поперхнулся чаем и закашлялся.

– Веришь, что это возможно? Слово давно на службе у идеологов мира Достижений. Верят только им.

– Значит, надо прекратить подачу сигнала! – Гус ударил ладонью по столу. – Ты же видишь, всё управляется одним, регулярно повторяющимся сигналом. Достигай, контролируй баланс, переплюнь соседа, возьми бредит. Человеческий мозг находится под постоянным контролем посту-

пающих сигналов. Они пишут жизнь, называя сотворённое нормой. Надо устроить тишину! – Гус сильно подался вперёд, перешёл на шёпот, который зазвучал в ушах Хвостатого надрывным призывом. – Тишина прервёт цепочку, привычный ритм. Человек попадёт в вакуум, отгородится от внешних сигналов. Наконец-то сможет остаться один на один с самим собой. Возможно, большинство запаникует, но, я уверен, найдутся и такие, в ком оживут давно забытые навыки, они начнут рассуждать сами.

Хвостатый сомнительно покачал головой. Гус выпрямился, сложил руки на груди.

– Даже если нам удастся спасти хотя бы одного человека, всё было не зря. Он – единственный спасённый, а значит живой, сможет вернуть жизнь и остальным людям. Она ведь должна с кого-то начинаться, пусть хотя бы с него.

– После тишины, которую ты предлагаешь устроить, кто-то должен начать говорить. Людям нужны слова, неважно какие. Они всегда будут нуждаться в том, чтобы ими управляли. Не умеют они сами...

– Может, мы с тобой им скажем? – Гус с надеждой взглянул на Хвостатого.

– Нет, я не могу, – Хвостатый диковато отстранился. – Слова, – он затрясся, кадык нервно заходил. – Я так верил в слова, я так обманулся ими.

– Расскажи мне о себе, – попросил Гус.

– Зачем тебе? – Хвостатый дёрнулся. – Я забыл это, я про-

сто живу. Ты хочешь поднять это со дна моей души, обнажить боль, выгрести слизь прошлого опыта. Я сам-то долго не знал, что с этим делать, пока не перепрограммировал себя.

– Перепрограммировал? – Гус удивился новому слову, так не совпадающему с образом Хвостатого.

– Я программист, – он отвернулся. – Точнее, был им. Всё, что ты видишь вокруг себя – это программа Достижений, – Хвостатый закашлялся.

– Я и сам против правды, – хрипел он. – Мой организм не даёт мне её сказать.

Гус встал, налил воды и протянул чашку Хвостатому. Тот залпом выпил и сбросил оставшиеся капли на пол.

– Я написал эту программу Достижений, – еле слышно сказал Хвостатый. – Вот этими руками и этой головой, Гус. Перед тобой автор всего, что творится в Аскерии в последние годы. Перед тобой великое зло человеческого интеллекта.

– Что? – Гуса повело назад. – Как это – написал программу? Ты что такое говоришь?

– А то и говорю, – Хвостатый перевёл дыхание. – А теперь вот только тоска по гаверонам и осталась, – кивнул он на ящик с проводами.

Немного помолчав, Хвостатый вздохнул и начал свой рассказ.

– Я рос сильным и смелым ребёнком. В Климадоте мне удавались все предметы, но особенно я любил гавероны и программы. Меня привлекала не Аскерия, а магия виртуального мира и возможность им управлять. К шестнадцати годам я творил чудеса, слыл гением виртуального мира, быстро обратив на себя внимание.

Однажды меня пригласили участвовать в конкурсе на приз лидера Аскерии – Мистера Гавера. Он сам возглавлял жюри. Помню этого седовласого старика с крупными чертами лица и густыми белеющими усами в идеальном белоснежном костюме с золотыми запонками. Как он умел смотреть...

Я стоял на сцене и рассказывал о своей программе по обучению маленьких аскерийцев. Казалось, он обыскивал меня взглядом, копошился в моих мозгах. Очень неприятное чувство. Он въедался в меня глазами так, что я начал заикаться.

Гавер попросил меня остановиться. На конкурсе это случилось впервые. Зал замер.

– Вы считаете необходимым подвергнуть программированию обучение самых маленьких жителей Аскерии?

– Да, – я похолодел от ужаса, грудь сдавило страхом перед

ответом самому могущественному из людей.

– Это гениальная идея!

Зал недоумённо молчал, не видя гениальности даже в самой успешной программе конкурса.

– Это же гениально! – настойчиво повторил Гавер, оглядывая зал.

Первые хлопки робко раздались из разных концов зала, постепенно переходя в громкие аплодисменты.

В финале конкурса я получил главный приз. Награждая меня Гавер тихо, но твёрдо впечатывая слова в мой мозг, прошептал:

– Ты – гений!

Затем он всплеснул руками, посмотрел на зал и громко повторил:

– Он – гений!

Зал искупал меня в овациях начинавшейся славы, ставшей впоследствии моим концом.

На следующее утро меня пригласили на обед к Мистеру Гаверу. Молодым человеком, полным надежд и иллюзий я пересёк порог резиденции властителя Аскерии. В этот момент я ещё не знал, к какой катастрофе это приведёт.

Резиденция Гавера располагалась в огромном многоэтажном здании из стекла, прозванным аскерийцами «Иллюзией». Несмотря на прозрачный вид здания, стёкла отсвечивали, когда прохожие смотрели на них с улицы. Громадное зеркало с гигантским обманом прозрачности. Каждый хотел

увидеть, что творится за этими стёклами, но видел только себя. Вот пожилая пара, проходящая мимо, поднимала глаза на здание, отражаясь в нём. А вот молодые люди, идущие гурьбой, бросали небрежный взгляд мимоходом, оставляя следы своего изображения на стекле. «Я такая, какие вы» – говорила «Иллюзия» всем.

Представь себе мою гордость, когда двери «Иллюзии» распахнулись передо мной. Огромное фойе встретило легким холодом кондиционеров.

– Мистер Гавер ожидает вас! – шикарная блондинка в официальной чёрной юбке и белой блузке просияла улыбкой.

– Я готов! – мой голос сорвался от волнения.

Сердце забило сильнее, пытаюсь выпрыгнуть и побежать впереди меня. Власть казалась таинственной, загадочной. Блондинка молча двинулась вперёд, пересекая фойе. Я смотрел по сторонам и отчётливо видел улицу, людей, санеры. Изнутри «Иллюзии» стекло оказалось прозрачным. Обитатели этого здания, невидимые для других, сами могли наблюдать за всем. Восторг медленно охватывал меня. Радость наполнила грудь и разлилась по всему телу. Ноги стали ватными, словно не веря в то, что идут к Мистеру Гаверу. Да, да! К Мистеру Гаверу! Шаги гулко звенели в ушах.

Мы оказались во внутреннем дворике «Иллюзии». Зелёный луг, коротко постриженная трава. Посередине этой тотальной зелени, вдалеке – небольшая беседка с ожидающим

меня Гавером. Он, как всегда в белом костюме, ярко выделялся на этом фоне, будто нарочно играя цветами, оттеняя свою идеальную белизну.

– Дальше сами! – блондинка чуть улыбнулась. – Мистер Гавер ждёт вас.

Я двинулся к беседке, приминая газон. Выпрямившись, сложив руки на груди, Гавер смотрел прямо на меня. Я не видел его глаз, но чувствовал, что он, как в виртуальной игре, управляет моим движением. Казалось, что это расстояние придумано именно для того, чтобы создать ситуацию управления. Когда до беседки оставалось несколько десятков метров, Гавер вышел навстречу.

– Мой юный друг! Я признателен вам за то, что приняли моё предложение о встрече. Постараюсь не разочаровать, будет интересно.

Я склонил голову, приветствуя Гавера. Мы вошли в беседку, увитую цветами. Посередине располагался круглый стол, накрытый приборами на две персоны.

– Время второго завтрака! Я предлагаю выпить по чашке кофе. Не возражаете?

Синхронность лидера Аскерии проявлялась во всём – в движениях, разговоре, реакциях. Идеальный механизм, отлаженный с математической точностью.

Я сильно волновался. Гавер чувствовал мой трепет.

– Человек предсказуем! – он улыбнулся. – Я знаю, что вы волнуетесь. Всё это, – он обозначил рукой невидимое кольцо

в воздухе, – призвано вызывать этот трепет. Это – стимул, а у вас – реакция. Перед вами маленькая программа, я – программист, вы – пользователь. Я прописал стимул, вы ожидаемо отреагировали! – Гавер с блеском в глазах посмотрел на меня. – Мы похожи: я и вы пишем программы.

Я сглотнул, нервно хватаясь за чашку с кофе.

– Минут через десять вы освоитесь, адаптируетесь, и ваше волнение пройдет, – продолжил Гавер. – Это часть программы.

– Все всегда ведут себя одинаково в этом месте? – набравшись смелости, спросил я. – Неужели нет исключений? Погрешности?

– Я всё-таки в вас не ошибся, – Гавер внимательно посмотрел на меня. – Погрешность есть всегда, но не в этом суть. Дело в величине погрешности, в размере отклонения.

– Здесь она невелика?

– Минимальна! Причина в том, что стимул прописан очень грамотно, периодически он усиливается. Человек и рад бы реагировать по-другому, но каждый раз это желание гасится усиливающимся стимулом.

– Зеркальность, большое фойе, смена температур, красивая женщина, долгий путь до беседки, наконец, вы?

Гавер загибал пальцы, внимательно слушая меня.

– Чем это не файлы-усилители в моей программе? А? – завершил он. – Я хочу, мой юный друг, поручить вам большую работу, великую работу!

Гавер наклонился ко мне и как тогда, на вручении, впечатал в мой мозг эти фразы.

– Работу? – моё дыхание перехватило.

– Да, работу по написанию программы для управления всей Аскерией.

– А это возможно – программировать жизнь большого числа людей?

– Пойдёмте! – Гавер взял меня за руку. – Я покажу вам истоки этой мысли, вы поймёте, что это не только возможно, это необходимо. Мы сможем создать новое общество, общество счастливых людей.

Я с сожалением посмотрел на пирожные, Гавер уловил мой взгляд.

– О, мой друг! Я увлёкся, лишая вас вкусного и сладкого, но поверьте, вас ждёт пиршество иного рода, пиршество человеческого интеллекта.

Мы покинули беседку. Мистер Гавер менялся на глазах. Отлаженность и спокойствие перешли в одержимость и пылающую эмоциональность. Гавер нёсся впереди по многочисленным переходам и лестницам. Наконец, мы очутились в узком тёмном коридоре.

Нескончаемым потоком тянулись двери, подсвеченные электронными табличками. Красные цифры загадочно менялись, пульсировали и мельтешили, повинуюсь какой-то особой программе. Резко остановившись, он распахнул одну из дверей и буквально втолкнул меня в большое помещение.

Яркий свет слепил, я зажмурился.

По периметру комнаты стояли огромные стеклянные клетки, накрытые белыми простынями. Подбежав к одной из них, Гавер сдёрнул простыню. Крысы: белые, чёрные, с оранжевыми вкраплениями. Животные сонно подняли головы, задвигали носами, замахали огромными хвостами. Крысы оживали под влиянием дневного света. Клетка кишела грызунами, двигалась, начинала шевелиться спинами, звучать отвратительным шипением, издавая мерзкий забивающий ноздри запах.

– Крысы! – глаза Гавера сверкали. – Мы вывели особый вид аскерийской крысы. Она реагирует на свет. Спит, когда темно, просыпается при свете. Видите, они забеспокоились! – Гавер комментировал предсказуемое поведение животных.

Крысы активно обнюхивали друг друга. Клетка начала наполняться режущим ухо нарастающим визгом. В воздухе повисла атмосфера приближающейся драки.

– Сейчас начнётся! – Гавер обежал клетку вокруг несколько раз, будто высматривая кого-то.

– Что происходит? – отвращение внутри меня нарастало. – Зачем вы привели меня сюда?

– Что происходит? – Гавер повторил мой вопрос. – Работает природная программа этих животных. Крысы очень иерархичные существа. Они всегда выбирают своего доминанта, по-нашему – лидера. Вчера вечером мы собрали сюда

определившихся доминантов изо всех клеток и посадили в одну.

– И что же сейчас начнётся? – я ошалело смотрел на Гавера.

– Война, мой друг, война! – Гавер захохотал, запрокинув голову назад. – Узнаёте? Теперь понимаете, что происходит? Мы для чистоты эксперимента сделали этих крыс максимально агрессивными.

Крысы напряглись, визг слился в единый поток боевого клича всех против всех. Животные завертелись на месте, наступая друг другу на хвосты.

– Ищут последователей, потом – союзников! – комментировал Гавер. – А их нет! – он затряс головой. – Каждый за себя, каждая крыса сама по себе. Они будут выявлять сильнейшего.

– Их очень много для одной клетки.

– Вы гениально уловили суть конфликта, мой талантливый друг! Мы экспериментально установили допустимый предел, а сейчас сознательно его нарушили. Это война за территорию! – Гавер сиял.

Стекло на клетке начало сотрясаться от столкновения крысиных тел.

– Сейчас пойдут в ход зубы! – заорал Гавер.

– Это же конец для всех!

– Вы опять правы! Но я хочу, чтобы вы увидели финал!

Омерзение переходило в тошноту, к горлу подступал ко-

мок протеста. Первая кровь брызнула на стенки клетки, заставив меня зажмуриться. Густые подтёки крысиной крови на стекле быстро закрывали видимость. Визг срывался на середине, возобновляясь ещё более истощным победным. Клетка ходила ходуном, стекло дребезжало, расшатывая крепления. Гуща крысиных тел клокотала. В остервенелом стремлении дотянуться зубами до плоти врага, животные катались по углам, толкая в драке с каждой минутой всё увеличивающийся пласт мёртвых тел. Смерть ежесекундно наполняла клетку. Я закрыл лицо руками не в силах более смотреть на это ужасающее, противоестественное зрелище. Живот свело судорогами, в глазах потемнело. Рвота накатила неожиданно, но кто-то рядом стоящий похлопал по плечу, подавая специальный пакет. Меня рвало глубоко и долго. Мне казалось, что прошла целая вечность. Когда я снова смог бросить взгляд на клетку, то увидел лишь красные стенки, покрытые сверху вниз крысиной кровью. Тишина, полная тишина резанула моё ухо.

– Кто же победил? – выдавил я из себя, глядя на абсолютно спокойно стоящего рядом с клеткой Гавера.

– Смерть! Победитель настолько истерзан войной, что умирает, даже не вкусив плоды победы. Вам нравится эта программа?

Я замотал головой, замычал застрявшими в горле словами.

– Я предлагаю вам создать иную программу для Аскерии!

Программу без крови и смерти, программу справедливости и счастья! – Гавер накинул белую простыню на клетку. – Программа должна исключить живого доминанта, лидера, сместить точки борьбы. Согласны?

Я закивал головой, сам не понимая того, что даю согласие как протест против только что увиденной мерзости. Любая альтернатива этому в тот момент мне казалась выходом, жизнью на фоне смерти. Я не думал о других возможных вариантах. Человек всегда выбирает жизнь против смерти. Гавер играл мной, устраивая ужасный спектакль, шаг за шагом программируя мой мозг на необходимые ему ответы.

Обессиленного меня подвели к другой клетке. Гавер сдёрнул белую простыню. За стеклом стояли пять вращающихся металлических беговых колёс, прикрученных к полу клетки. Он щёлкнул пальцами. Около клетки появился высокий крепкий мужчина в белом халате с абсолютно лысой, отдающей блеском головой. В его руках я заметил большой холщовый мешок. Он открыл боковой люк в стеклянной клетке, запустил в мешок свою сильную волосатую ручищу, выудил крысу, бросил её в клетку. Мужчина спокойно, делая это механически, наполнил клетку пятью крысами.

В момент, когда крысы только начали знакомиться друг с другом, завизжал противный сигнал, похожий на резку стекла. Я закрыл уши руками, но глаза продолжали видеть. Крысы взвизгнули, как по команде бросившись внутрь колёс. Заняв свои места, они начали интенсивно перебирать лапами,

приводя механизм в движение.

– Открою вам секрет! – Гавер подошел ко мне, опустил руку на плечо. – Крысы дрессированные, они всегда бросаются к колесу, когда звучит этот сигнал. Мы долго добивались этого!

– А что дальше? – я поднял глаза на Гавера. – Зачем всё это?

– Смотрите! – Гавер указал большим пальцем в сторону стеклянной клетки. – Не пропустите ни одной секунды, иначе не поймёте великого секрета бега.

Противный сигнал прозвучал вторично. Лысый в мгновение оказался у клетки, открыл люк и бросил между колёсами сырое мясо. Животные, спрыгнув с колёс, схватили наживку, жадно пережёвывая её.

Гавер сиял всем своим существом, наслаждаясь ролью режиссера крысиных игр.

Я сжался в предчувствии очередных кошмарных поворотов в ужасной истории. В груди заныло, мысли в голове сжались, задавленные страхом.

Лысый добавил в клетку новых крыс. Сигнал. Они дёрнулись, выбирая колёса, толкаясь с другими крысами в попытке занять любое положение в них. Неважно, внизу, вверху колеса, главное – занять место, а затем начать перебирать лапами. Сигнал. Снова мясо.

О, ужас! Новые крысы в клетке. Толкотня. Борьба за своё место в колесе. Сигнал. Мясо. Зубы рвут мёртвую плоть.

Сигнал. Ещё больше крыс в клетке.

Мест в колёсах на всех уже не хватает. Те, кто не занял места, мечутся вокруг, пытаюсь протиснуться. Попытки неудачны. Колёса несут крыс вперёд. По кругу. Крысы сами, вращая колесо, создают себе бесконечный бег.

Неудачников изымает из клетки сильная волосатая рука.

Сигнал. Всем, кто бегал – новая порция мяса. Бегаешь – кушаешь! Всех, кого забрали, всех, кто не попал в колёса, сажают в такую же стеклянную клетку, стоящую рядом. Они видят, как те, другие, победившие, – едят.

Всё съедено. Новых голодных снова добавляют в клетку к сытым. Сигнал. Голодные стартуют быстрее сытых. Борьба. Лысый бросает в клетку ещё новых крыс. Колёса заняты. Новые, сытые, голодные – не важно. Они все делятся на две категории: попал внутрь колеса или остался вне игры. Бешеное вращение, надежда на новый сигнал. Изнеможение. Отчаяние. Радость быть внутри – радость бегать. Горе оказаться лишним – горе не есть. В аут неудачников. Сильная рука лысого безжалостно вытаскивает их из клетки.

Сигнал. Вот белая крыса, схватив мясо, скорее бросается в колесо. Темп нарастает. Сигнал. Зубы. Новые крысы. Наконец – кровь! Мертвая тушка крысы остаётся посреди вращающихся колёс, живых неудачников.

В клетку добавляют новое колесо. Новые крысы. Старые сигналы. Почти всем хватает мест. Одна крыса, мелкая, юркая носится между колёсами. Прыгает, протискивается,

встаёт боком, толкается, начинает перебирать лапами. Всё! Почти всё! Сколько мест, столько и крыс. Ситуация близкая к идеалу.

Только мёртвая тушка портит картину. Убирать или съедят?

Шум колёс, синхронные действия крыс, отсутствие лишних. Снова сигнал. Опять мясо, в этот раз сдобренное свежей мертвечиной. Съедят или оставят? Не видно! Крысы толкаются вокруг еды, жадно похрюкивая. Сигнал. Все занимают места, обеспечивая бешеное, безотчётное вращение идеального механизма. Вокруг колёс чисто! Ничто не смущает глаз. Финал. Финиш, который превращается в старт, бег по кругу, бег внутри колеса. Бег за еду, бег по сигналу, бег, составляющий основную часть жизни.

В глазах начинает рябить, уши привыкают к противоположному сигналу, мозг отказывается думать. Привыкание к омерзению и отсутствие времени на обдумывание. Темп скрадывает сюжет, идею, усталость, обезмысливает голову.

Гавер улыбается, смеётся, торжествует. Я вижу его фигуру в белом костюме на фоне крысиной истерии. В глазах темнеет. Он подхватывает меня под руку. Мы покидаем лабораторию.

Ступеньки. Лестница. Блеск пола. Зеленая трава под ногами. Мы снова в беседке. Он щёлкает пальцами в воздухе.

– Мой юный друг! – Гавер становился прежним, спокойным, синхронным. – Я виноват! Я утомил вас. Но теперь мы получили материал для обсуждения. Как вам всё это?

– Чувствую себя крысой! – честно сознался я.

– Так оно и должно быть! – Гавер серьезно трясёт головой. – Приятно?

– Нет.

– Потому, что вы были наблюдателем, вы могли думать. У них, – Гавер сморщил нос, изображая крысу, – такой возможности не было. Поглощённые действием, они тратили всю энергию на цель – занять место в колесе. Занять своё место, достойное место. В этом – жизнь, вернее, её правильное устройство!

– Жизнь?

– Да, как ни странно, жизнь! Жизнь – это когда человек занят! Жизнь – это когда некогда думать! Всё остальное – философская муть. Слышите, муть! От слова «смутить»! Человек не может не думать! Шум в его голове, он обречён на него. Так вот, этот шум доводит до бед, несчастий. Мозг надо занять! А как занять? Надо сфокусировать его вокруг

постоянных действий, обострённых стремлением опередить ближнего. Дефицит времени, колёс, стремление действовать – это и есть жизнь!

– Управляемая жизнь?

– Именно! – воскликнул Гавер. – Управляемая, а вернее сказать, прописанная программой жизнь и есть счастье. Не надо думать, принимать самостоятельные решения, искать свой путь, мучиться. Программа спасает от мучений, бесплодного поиска. Сначала Домик Маленьких Достигаторов, потом – Климадост, Великий Аскерийский Климадост, затем – накопление баланса, рейтинг, стремление жить в Серебряном, а может даже и в Золотом районе. Достижения! Достижения! Достижения! Смотрите, какая великолепная программа!

В тот момент мои глаза заблестели. Я не говоря ни слова, дал знак Гаверу, что он добился своего.

– А вы в процессе эксперимента сталкивались с крысами, которые не захотели бегать? – мысль вылетела, превратившись в слова помимо моей воли.

– Мы исследовали и этот процесс. Это же программа! Всего три роли. Первые – бегают, не думая. Их ждут красивые колёса, вкусное мясо. Вторые пытаются не бегать, но отнимать набеганное мясо. Мы обеспечиваем им изоляцию, временную, возможно, длительную, но изоляцию. Вы же видели соседнюю клетку. Их помещают отдельно, чтобы не мешали бегать остальным, но показывают, как те бегают. Третьи! –

Гавер сделал паузу, устремляя взгляд на меня. – С третьими проблема! Благо, их мало! Они продолжают думать, обрекая себя на несчастье. Мы создали Дом Странных Крыс – особую клетку.

– Отделили их?

– Да. Но суть в другом! Разрабатывая эту идею, важно понять одно. Бегающие задают норму для всех. Те, кто не хотят бегать, а просто отнимают набеганное, борются не с этой нормой. Они борются за мясо. Внимание же необходимо уделить тем, кто не отнимает, но и не бегают. Этим срочно надо объявить ненормальными, пока они не предъявили бегающим новую норму. Нацепить на них ярлык, сделав его позорным, маркировать их ядовитым цветом. В этом случае их прекратят слушать! Норма управляет, а не лидер. Стимул заменяет лидера.

– Так вы хотите исключить живого лидера? – удивился я.

– В этом суть! – тихо, но внятно отчеканил Гавер, прямо глядя в мои глаза и атакуя проникающим взглядом мой мозг. – Живые лидеры, доминанты соперничают, втягивая всех в свои игры. Вы, – он указал на меня пальцем, – пропишите программу, где лидер останется вечным, даже когда умрёт. Образ лидера и программа будут управлять Аскерией.

– Вы? – в моём горле пересохло, информация давила на меня, казалось, ещё немного – и голова взорвётся, разлетится на куски.

– Да! Мистер Гавер станет последним живым лидером Аскерии, первым и единственным вечным лидером после смерти.

– Вас никто не будет видеть?

– Да! Я для общего блага стану образом, комплексом представлений, ассоциаций, эмоций, ценностей. Я оживу в головах аскерийцев, стану бесспорным, положив конец борьбе доминантов.

Гавер встал, прошёлся по беседке, вышел из неё, подняв лицо навстречу солнечным лучам.

– И никто не задастся вопросом о живом Гавере? Никто не сделает попытку увидеть его, поговорить с ним? – я ткнул его вопросом в спину.

– В этом и будет состоять ваша роль! – он обернулся, снова буквально хватая меня глазами, управляя их бешеным светом. – Вы, мой юный друг, пропишите программу Достижений, подразумевающую переселение лидера из реальности в головы аскерийцев. Вы! – он сел прямо напротив меня и перешёл на шёпот. – Вы создадите программу жизни в Аскерии.

– Управления Аскерией?

– Нет, программу жизни! – он невыносимо бұхал каждым словом, как молотом. – Программа будет управлять всем! Программа ради людей, ради их счастья. Как отлаженный механизм, точнее часов, лучше самой жизни.

Наступила полная тишина, показавшаяся мне нескончае-

мой.

– К делу! – Гавер вернулся в разговор. – Программа Достижений! Слушайте и запоминайте!

Я весь обратился в слух, Гавер – в речь.

– Программу запустим через гаверофоны. Они должны стать вторым сердцем, третьей рукой аскерийца, его дополнительным глазом, ухом, ногой. Они заменят всё! Мы создадим много интересных и привлекательных беговых колёс. Аскерийцы постоянно бегут, спешат, им необходимо помочь. Вы же понимаете, они не всегда будут успевать думать. Мозг взорвётся, если мы не протянем им руку помощи. Гаверофоны будут помогать обрабатывать информацию, а порой и облегчать ситуацию, когда требуется принимать решения.

– Техника по-настоящему придёт на помощь человеку? – уточнил я.

– Во благо, ради самого человека! Но! Внимание! – Гавер напрягся, обозначая важность момента. – Вы пропишите систему рейтинга.

– Каждый получит возможность видеть свои результаты, сравнивать их с результатами других?

– Естественно! Сравнение будет двигать вперёд развитие аскерийцев. При этом потребности в сравнении будут расти. Аскерийцы начнут мериться с простых вещей: одежды, обуви, еды. Это взорвёт работу фабрик, заводов. Больше одежды, еды. Это же развитие нашей экономики! Изобилие! Как вам?

– Никогда не задумывался об этом! – я наполнялся необычайной энергией, которую, казалось, Гавер переливал в меня, открывая глаза на очевидные вещи.

– Это только начало! Не успеете моргнуть глазом, на место простых вещей придут клаеры и санеры! Как быстро ты двигаешься? Успеваешь ли за темпом жизни? За своим соседом?

– Но они же дорогие!

– Вот! В нашей Программе появятся бредиты – ключевой файл. Это подлинная программа помощи людям, реальный шаг навстречу человеческому счастью! Не хватает гаверов? Бредите по новому санеру? Возьмите бредит, и санер – ваш. Вырос в рейтинге? Санер уже не подходит – необходим клаер! Бредит, новый бредит! Бредитные дома расцветут, помогая аскерийцам стать быстрее.

– Дальше дома, жильё? – я азартно угадывал мысли Гавера, пытаюсь бежать впереди него.

– Абсолютно! Жильё, свой дом! Разве может быть что-то важнее? Раньше большинство даже подумать об этом не могли, ютились в жалких домишках. Теперь они смогут позволить себе новое, комфортное жильё! Вы увидите счастливые глаза матерей, услышите радостный детский смех!

– Они с детства будут расти в красоте! – вырвалось у меня.

– Вы правы, мой юный друг! Богатство – это так естественно. Вы ещё молоды, но когда вырастете, родите своих детей, то поймёте о чём я. Знаете, какое первое слово начи-

нают говорить миллионы малышей во всей Аскерии? Они говорят «Дай!» И если папа и мама не могут им дать, то провоцируют их плачем, который может продолжаться всю жизнь. Дать красивую игрушку, дорогую соску, хороший Домик Маленьких Достигаторов. Бредиты ответят всей Аскерии: «На!». Это будет колоссальный прорыв.

– Для всей семьи! – я улетал в своих мечтах о всеобщем счастье далеко за пределы нашего разговора.

– Для каждого! – Гавер подливал масла в мой разгорающийся огонь мечтаний, рисуя всё новые сладкие картинки. – Мужчины смогут почувствовать себя мужчинами. Каждый, слышите, каждый сможет сказать: «Я построил свой дом»! Мечты начнут исполняться мгновенно. Вариантов жилья масса, да ещё с разбивкой по районам. Поверьте, остановиться будет невозможно. Счастье захлестнёт Аскерию! Теперь вы понимаете, что можете сделать Аскерию не просто счастливее, впервые счастье станет нормой, обыденностью. Вы же не против, когда счастья много?

Я откинулся на спинку кресла. Мне казалось, что мир перевернулся, приобрёл другие краски. Стройность системы, описанной Гавером, вызвала ликование в душе программиста. Роль великого автора программы Гавер отдавал мне, главной программы не только моей жизни, но и жизни всей Аскерии.

– Вам нравится? – Гавер сиял.

– А почему я?

– Из ваших уст, помните, на той конференции, я услышал ключевую фразу про написание программ для маленьких аскерийцев. Всё необходимо начинать с Домиков Маленьких Достигаторов, развивать идею Достижений в Климадостах. В головах аскерийцев постепенно сформируются устойчивые нейронные связи правильной жизни. Программа вдолбит в их мозг норму счастья и изобилия.

Хвостатый наклонил голову вперед, запустив руки в волосы. Пауза висела долго, протяжно подвывая огнём в печке.

– Я написал программу, – продолжил он. – Гавер был в восторге. С этого момента я стал человеком, каждый день теряющим своё счастье и покой. Программа набирала обороты, приучая людей к сигналам, рейтингам, балансам, Достижениям. Аскерийцы менялись, как и было запрограммировано.

Хвостатый встал, присел на корточки рядом с печкой, подбросил в неё новые поленья, давая пищу огненной стихии.

– Я был молод, инстинкты брали своё. Красивые и стройные ножки, изгибы женских тел, падающие локоны волос сводили меня с ума. Я вволю отдавался плотским утехам, коллекционируя любовные победы. Гавер хорошо заплатил мне, но богатство быстро исчезало в праздной жизни. Вокруг меня вьюном вились красотки. Однажды я спросил одну из них про то, почему она со мной. Ответ вышиб мне мозг, ударил сильным ознобом, выворотил меня наизнанку.

– Ты такой милый! У тебя клёвый клаер и классный дом! Я не люблю мальчиков с маленьким... – она сделала паузу, пройдясь взглядом по моему телу, – рейтингом. Большой

рейтинг возбуждает! Размер лично для меня имеет большое значение.

– А если бы у меня не было рейтинга? Клаера? Дома? – уточнил я.

– Как это? – красотка удивилась, подняв вверх свои очаровательные бровки.

– Ну, вот так!

– Не бывает людей без рейтинга! Он либо маленький, либо так себе, либо большой! Я люблю большой!

– А я сам? Разве я сам тебя не привлекаю?

– Сам? – красотка изумилась. – Как это «сам»?

– Как человек? Как мужчина?

– Хм! Нет, мужчина без рейтинга, он в этом случае какой-то, – девушка сделала паузу, подбирая слово, – странный! Вот! – заключила она.

– А каков мужчина не странный? – наседал я.

– Прежде всего, у него должно быть нормальное, новое жильё. Приходя к нему, я не должна ютиться в маленькой квартирке. Старое жильё такое позорное! Фу! – она скусила лицо. – Потом, – красотка схватилась за гаверофон. – Вот! – указала она пальцем с идеальным маникюром. – У тебя, конечно, хороший клаер, но этот лучше!

– А санеры? Чем они плохи?

– Что ты! – девушка брызнула слюной. – Если на свидание ко мне мужчина приезжает на санере, то это полный жум.

– Жум?

– Ну, муж наоборот! Не слышал? Сейчас нормальные девчонки так бедных называют. Нормальный мужчина должен летать, а не ездить по земле.

– Так это же дорого!

– Так пусть возьмёт бредит, если хочет иметь нормальную женщину и не быть полным жумом!

– Так! Еще? – настаивал я.

– Он должен иметь бумагу о том, что закончил Великий Аскерийский Климадост!

– Так обучение займёт много времени.

– Ну и что? Я же вот учусь там! Но у меня куча времени на мужчин и гаверомаркеты. Главное – вовремя сдать экзамены и получить документ.

– А знания?

– Знания? Не смей меня! Я всё и обо всём давно знаю, а если и не знаю, посмотрю в гаверофоне. Зачем знать, если есть он. А бумага необходима, она же добавляет рейтинга. Вот Лобусы! – её глаза вспыхнули. – Говорят, они по два факультета в Климадосте закончили. При этом глава семейства завершил обучение на самом престижном факультете «Менеджер организации свободного времени». Мне подружка рассказывала, она хорошо эту семью знает. Посмотри, как они расцвели. Их теперь приглашают дорогие клаеры рекламировать. Разве без образования это стало бы возможным?

Тогда я рассмеялся словам красотки! Но потом начался смех сквозь слёзы. Я бродил по улицам, общался с друзьями.

Однажды, идя по Серебряному району, я услышал раздирающий душу вой, доносящийся из высотного дома. Мужчина стоял в полный рост на подоконнике верхнего этажа. Женщина хватала его за ноги, крича, смешивая надрывный голос со слезами.

– Нет! – мужчина крикнул ей в ответ. – Нет, я не хочу жить! Дай мне умереть, больше не видеть... – голос его срывался в истерику отчаяния, безнадёжности, последнего шага.

Я рванул в дом, бросился в лифт. Время поездки на последний этаж тянулось, отдавая звуками биения моего сердца на весь мир. Я выскочил на площадку, рассчитывая дверь квартиры. Хлипенькая деревянная преграда рухнула под натиском моего плеча. Малюсенький коридор. Комната. Открытое окно. Он стоял спиной, что-то продолжая орать. Хватаясь за его ноги, женщина голосила. Я оттолкнул её, схватил мужчину за рубашку и резко рванул на себя. Тело упало вниз, я успел оттащить его подальше от открытого окна. Тяжело дыша, мужчина смотрел на меня безумными глазами.

– Зачем? Кто вас просил? Я хотел умереть! – он осел рядом с окном прямо на пол, обхватывая голову руками, крупные слезы катились по его молодому лицу.

Мужчина не мог успокоиться, его колотило. Мы с его женой вызвали врачей. Бригада приехала, сделала укол, погрузила мужчину в свой санер и увезла. Жена долго плакала, я остался с ней, пытаюсь успокоить.

– Он ненормальный! – сказала она, когда начала успокаивать

ваться. – Муж имел всё: рейтинг, работу, Достигал, как все аскерийцы. Купили квартиру, пусть маленькую, но в престижном Серебряном районе. Через несколько месяцев планировали взять бредит на рождение ребёнка. Но нам не хватало! Я уговаривала его найти ещё работу по вечерам. Он нашёл, много работал, а потом... – она всхлипнула. – Он пришёл поздно вечером домой, сел на диван и сказал, что устал, больше не может. Он показывал мне цифры в считалке гаверофона. То, что он называл жизнью, требовало ещё больше гаверов. Муж говорил, что не хочет позориться перед своим будущим ребёнком. Каждый вечер он считал эти цифры, не выпуская из рук гаверофон. Вскоре он начал называть себя неудачником. Муж не мог понять, где он допустил ошибку? Почему не может купить новую модель клаера, сменить квартиру на большую. Он рассказывал о тех квартирах, в которых живут его коллеги, показывал фото детских спален, зло кричал о том, как и где они отдыхают. Постоянные подсчёты стали вызывать у него истерики. К чему это привело, вы уже видели.

Я оставил женщину, вышел на улицу. Ветер трепал мои волосы, мелкие капли начинающегося дождя брызнули в лицо. Вечер погружал Аскерию в темноту, разбавленную искусственным светом ярких фонарей и рекламных табло. В груди скопились неприятные ощущения моих давно возникших сомнений, которые сегодня окрепли и превратились в убеждения. Я создал программу несчастья! Меня обманули,

сделав игрушкой в руках Гавера.

Дождь усилился. Осенние листья шуршали под ногами, постепенно намокая. Весна моих надежд окончательно уступала место горькому разочарованию. Обманули! Сначала меня, а потом всех с моей помощью! Программа счастья превратила жизнь в большой коммерческий проект, зависящий от простого подсчёта расходов и доходов. Человек пропадал в цифрах, гаверах, в постоянной оценке себя с помощью рейтинга. Аскерийцами управляли. Жёстко, цинично, бесчеловечно, ради идеи всеобщего благоденствия. В обществе тотального счастья начинали разворачиваться личные драмы неудавшихся жизней, утраченных надежд, завышенных ожиданий.

Всех, абсолютно всех привязали к гаверофонам, создав источник единого сигнала. Темп жизни взвинтили до предела, возможно даже выше допустимого. Думать стало некогда. Делать, а не думать – вот что являлось основой жизни. Все действовали, сравнивая себя с теми, кто делает то же самое рядом. Аскерийцы начали покупать не потому, что нечего носить, а для того, чтобы показать себя, подтвердить свой рейтинг. Стало обязательным подчёркивать своё место в рейтинге шубками, туфлями, украшениями!

Но самое ужасное заключалось в том, что программа начинала управлять через долг. Аскериец перестал принадлежать себе, он должен работать, повышать рейтинг, баланс. Достигать. Не потому, что в этом есть потребность. Долг

управлял мотивацией. Страх потерять то, что тебе дано, но тебе не принадлежит!

Бредитное рабство. Продавать гаверы выгоднее, чем продавать вещи.

Жилье – неисчерпаемое поле для полной бредитизации Аскерии. Жильё сильнее транспорта! Бредитов можно выдать больше! А самое главное, бредит на клаер и дом – это полный контроль над доходами и расходами аскерийцев. Круг замкнулся.

Человечество обрекло себя на эту игру с жесткими правилами. Вечная гонка, добровольное рабство с бредитными кандалами. Достигающий не понимает, не осознаёт этого, он в процессе, он всё больше увязает в системе без шанса на остановку. Остановился – откатился назад. Человек человеку становится соперником, мерой отсчёта. Возня по кругу! А жизнь проходит! Человек становится не тем, кто есть на самом деле, а тем, чего он Достиг.

Я долго бродил по Аскерии. Дождь перешёл в ливень. Я успел забежать под навес какого-то здания. Скукожился, завернулся в куртку. Хотелось исчезнуть, не видеть этого мира. Стыд. Глубокий стыд душил меня. Мысль о том, что я своими руками обрёк аскерийцев на такую жизнь, запрограммировал их, не давала мне покоя. Я прислонился к стене. Холод камня, проникающий сквозь одежду, отрезвил меня. Надо найти Гавера, поговорить с ним. Может, есть возможность внести изменения в программу?

Жалкий программист, сотворивший великое зло, устремился в дождь, под струи хлеставшей с неба воды, помчался в поисках Гавера. Холодная вода возвращала меня к жизни. Я не боялся промокнуть, я боялся потерять этот момент истины, этот настрой, оказаться в тёплой постели, в хорошем доме, задать себе вопрос о необходимости изменений и ответить отрицательно. Я боялся раздумать, стать трусом. Я хотел остаться смелым, осознающим. Я хотел изменить программу. Ноги несли меня к стеклянной громадине, которая теперь, по понятным мне причинам, называлась «Иллюзией».

Мокрые пальцы вдавили кнопку звонка. Я отчаянно посмотрел в навешанные сверху камеры. Меня было видно, как на ладони. Я стоял освещённый, ослеплённый светом, промокший до нитки. Стоял у дверей одного из главных мест Аскерии, сам подчиняясь тем правилам, которые программировал. Дверь запиликала и отворилась, разъезжаясь в разные стороны. В этот момент я подумал, что дорога в ад мне открыта. Я хотел бы ошибиться, но этого не случилось.

Навстречу мне вышла пожилая женщина со светлыми волосами. Всё та же блондинка, только сильно постаревшая. Время, изменившее Аскерию, не пощадило и её.

– Я хотел бы видеть Мистера Гавера! – заявил я, смахивая капли дождя с лица.

– Я доложу!

– Вы меня узнали?

– Программа «Гость» определяет личность аскерийца за пять секунд. Более того, Мистер Гавер внёс вас в список допуска первой категории.

– Вы помните меня?

– Этого не требуется! Всё решает программа и нормы, – блондинка запнулась, – допуска.

Воспоминание резануло мой мозг. Я сам прописал эту программу, сам дал возможность Гаверу устанавливать нормы. Мой мозг сотворил всё это! Мысль душила меня. Я забыл то, что делал. Почему же я сразу не понял всей этой игры. Гавер! Конечно же! Он разговаривал не со мной, он разговаривал с моим молодым, требующим Достижений эго.

– Мистер Гавер ждёт вас! – блондинка вырвала меня из пелены мыслей.

Как и в прошлый раз, она последовала вперёд, указывая путь. Лифт поднял нас на верхний этаж. Крепкая, массивная дубовая дверь встретила меня чуть приотворённой. Блондинка молча указала рукой в сторону двери, исчезая в лифте. Я взялся за ручку, пытаюсь открыть себе путь. Дверь медленно, с усилием расширила место для прохода. Протиснувшись, я оказался в небольшом помещении.

– Закрывайте дверь, я не люблю открытых пространств! – знакомый, совсем не изменившийся голос отдал мне команду.

Приложив приличные усилия, я закрыл дверь, оглядывая помещение. Гавер оставался верен себе. В этой комна-

те всё управляло поведением гостя. Роскошь заставляла восхищаться. Огромная, низко свисающая люстра с двенадцатью рожками из чистого золота, дающая мягкий, спокойный приглушённый свет. Стены, увешанные светильниками всё с теми же золотыми рожками. Магия света успокаивала, начиная усыплять. Высокий потолок с обильной лепниной из картин с древними людьми, сражающимися с мифическими животными. Барельефы с красивыми лицами людей на стенах, которые до середины оставались чисто белыми, а затем переходили в дубовую отделку. Мягкий, топивший ногу в обильном и высоком ворсе, ковер. И, наконец, спиной ко мне в большом кресле-качалке, лицом к камину, играющему огненными языками, сидел сам Гавер. Рядом с ним, чуть ближе к камину, стояло ещё одно, точно такое же кресло. Я присел. Гавер нажал на пульт, неожиданно оказавшийся в его руках. Приглушённый свет начал нарастать, пока не приобрёл характер яркого, слепящего. Я зажмурил глаза.

– Мой юный друг взволнован! – голос Гавера начал вить словесные кружева, создавая очередную картину. – Давно ты не приходил!

– У меня к вам важный разговор, – начал я.

– Я знаю, – Гавер поднял руку открытой ладонью ко мне, давая сигнал не торопиться. – Не спеши! Слова не имеют обратной силы, ты не в себе. Помолчим немного, а потом, если ты решишь, скажешь. Я хочу, чтобы ты хорошо подумал.

Я сидел в кресле, мои губы оставались плотно сжатыми.

Молчание повисло между нами. Я молчал, потому что ничего не мог с собой поделать, не смея поднять глаза на человека напротив. Колдовство Гавера, как обычно, подчиняло, несмотря на моё внутреннее сопротивление. Пересилив себя, я поднял глаза и внимательно посмотрел на него. Старик. Передо мной сидел глубокий старик. Прежний блеск растворился, съеденный годами. Крупные морщины разрисовали лицо, уголки губ съехали вниз, волосы поредели, став абсолютно белыми. Как же этот человек расходился с тем образом Гавера, который видели аскерийцы. И только голос оставался прежним, властным, магическим.

Постепенно, погружённый в тишину, я стал различать звуки потрескивающих в огне поленьев. Сладкий, немного терпкий запах наполнил мои ноздри, проник внутрь. Гавер снова приглушил свет, погрузив комнату в царство полутонов.

– Очень сладко пахнет! – сам от себя не ожидая, проговорил я. Губы непроизвольно растянулись в полуулыбке.

– Успокоился? – Гавер отзеркалил улыбку, обнажив по-прежнему идеально белые зубы. – Начал замечать в этом мире не только свои эмоции и желания, включились уши и нос? – усмехнулся Гавер. – Это запах аскерийского мёда! Хочешь попробовать?

Я кивнул головой, ощущая движение слюны во рту. Гавер, совершив усилие, встал, направился к маленькому столику, поколдовал в темноте, появившись передо мной с подно-

сом. Небольшая кружка с чаем и маленькая розетка с мёдом, источавшим потрясающий запах. Гавер лично, подчёркнуто прислуживал мне. Он опустил поднос в мои руки, поймал мой взгляд, убедился в производимом эффекте, вернулся обратно в кресло.

Молчали. Мёд и чай сделали своё дело. Лёгкая расслабленность овладевала всем моим телом. Слова сначала застряли где-то в горле, а затем и вовсе исчезли.

– Я знаю, зачем ты пришёл. Я ждал. Думал, что эта встреча состоится раньше. Считаешь себя одураченным? Это не так! На твоём месте мог оказаться кто угодно. Тебе повезло: ты прожил этот период жизни именно так, получил опыт. Будь благодарен! Как любой программист, ты хотел бы изменить программу? Она кажется тебе несправедливой?

Я кивнул головой, потрясённый его словами. Человек-рентген читал мои мысли, да что мысли – видел меня насквозь. Понимание того, что ещё немного и он, как всегда, овладеет мной, успокоит и выпроводит назад, метнулось в сознании, но погасло, не прожив и секунды. Гавер владел ситуацией.

– Любая программа, запомни, любая – с определённого момента начинает жить своей жизнью, её нельзя изменить, не разрушив. Программой можно только управлять.

– Тогда её необходимо разрушить! – я зацепился за его слово.

– Разрушить? Вернуться к первой клетке, полной крови?

Ты этого хочешь? – глаза старика вспыхнули тем светом, который я видел много лет назад.

– Нет... – я ошалело посмотрел на Гавера, воскрешая прежние ощущения. – Нет, не хочу. Но мириться с исчезновением человека, превращением его в вещь, сведением жизни к показателям коммерческого проекта, я тоже не могу.

– Ты видишь только тёмную сторону, посмотри, как счастлива Аскерия!

– Всеобщее счастье на фоне личной драмы каждого. Эта программа блокирует развитие человека.

– Человек может быть счастлив только в массе, глядя на себе подобных, человек не может быть счастлив один! Нельзя допустить, чтобы человек остался один, наедине со своими мыслями. Необходимо запечатлеть человека, оставить его неизменным навечно, заняв Достижениями, рейтингами, балансами. Люди станут похожими друг на друга и в этом обретут счастье. В отсутствии изменений, в стабильности человека мы получим идеальную Аскерию.

– Но противоречия будут нарастать, неравенство доходов вызовет конфликты. Неизменность и стабильность запустят в оборот, сделают товаром войну как способ решения проблем. Бизнес на войне – вот что ожидает Аскерию.

– Это программа мира! Ты должен понять: я против войн, я не приемлю кровь.

– И я против войны! Поэтому, необходимо изменить программу, внести в неё что-то ещё очень важное.

– Что?

– Я не знаю...

– Я слышал об этом, – Гавер устремил взгляд на горящие в камине поленья. – Мои исследования привели меня к мысли о том, что человек – это не только тело и мозг, это ещё нечто такое, что не подчиняется здравому смыслу. Я не увидел, но я ощущал это. Древние называли это ДУХОМ. Так вот! – Гавер съёжился в кресле. – Я против этой болтовни, которая говорит о чём-то неосвязаемом, непонятном, ненужном.

– Духом? – я зачарованно повторил за Гавером.

– Духом или душой, которая, якобы, содержится внутри людей. Вот только я не нашёл эту душу, как ни искал. А самое главное, этим нельзя управлять.

Так вот, что мучается во мне. Так вот в чём должны сравнивать себя друг с другом люди! В духовности! Мысли взрывали мозг, я взмок. Тело коробило, в груди началась ломка.

– Необходима другая программа! – я орал, давя полутона нашего разговора, разрушая контроль Гавера.

Во мне просыпалось что-то неизведанное, большое, главное, неистребимое, присущее только человеку, выделяющее его среди всего живого в Аскерии. В тот период я не понял, что это было. Мой стыд за свои действия отступал, давая дорогу новому для меня ощущению.

– Мне необходимо знать ответ на один вопрос! – я вскочил и подбежал к креслу Гавера, который уже нажимал какие-то кнопки на своём пульте. – Я хочу точно знать! Что

стало потом с теми крысами, которые бегали в колёсах? С теми крысами, которые долго бегали?

Гавер с сожалением смотрел на меня, я видел боль и жалость в его глазах.

– Что стало? – я орал, напрягая голосовые связки.

В этот момент я услышал шум открывающегося лифта, топот чьих-то ног, в комнату ворвались люди в белых халатах.

– Ты заболел, мой юный друг! – проговорил Гавер, отдавая команду санитарам. – Ты стал опасен для Аскерии! Ты не похож на других, ты – ненормальный.

– Я столько сделал для вас! Скажите, только одно скажите! Что стало с теми крысами? – я срывался в крике, подхватываемый санитарями под руки.

– Зачем тебе это? – Гавер сощурился в непонимании.

– Вот и вы перестали понимать меня! Это же главный вопрос! – санитары тащили меня волоком к двери.

– Они стали безмордыми, потрясаяще похожими друг на друга. Исчезли глаза, нос, уши. Всё превратилось в одно отверстие для приёма информации и поедания мяса. Безмордые – нормальные и счастливые крысы! – слова настигли меня в дверях, подтверждая самые ужасные догадки.

Безмордые! Это слово стучало у меня в ушах, проникая в мозг, укрепляясь давящим грудью страхом.

Хвостатый снова встал, посмотрел на Гуса, молча вышел из палатки. Рассказ дался ему не просто.

– Знаешь, я после этих слов до сих пор каждое утро ощупываю своё лицо, смотрюсь в зеркало, проверяю, не уподобился ли я тем крысам! – проговорил он, возвращаясь в палатку. – Но вот что родилось во мне в тот момент, когда я узнал о Душе, до сих пор понять не могу. Что отличает человека от всего живого в Аскерии, какая программа действительно необходима нам, людям? Может ты, побывавший и птицей, и человеком знаешь про это? Что за программа спасёт Аскерию?

– Знаю! Я точно знаю! И кто-то вам, людям, должен про это сказать. Совесть. Совесть каждого, индивидуальная программа настоящей нормы, забытых в Аскерии ценностей.

Хвостатый сел напротив Гуса.

– Совесть? – он смотрел сквозь Гуса. – Предлагаешь вытащить из людей человека, искать в нём душу и совесть. Искать в каждом?

– Не искать! Она там есть, просто забыта, глубоко закопана шлаком Достижений, дешёвыми, но яркими стимулами типа рейтингов. Истинную природу человека не убить, не изменить, но возможно усыпить. Нам необходимо разбу-

дить человека. И тогда, продирая глаза, люди очнутся от постоянной, непрекращающейся гонки за Достижениями, снова начнут чувствовать, пробуждая совесть.

– А как же новая программа? Программа совести? – спросил Хвостатый.

– Сами, без программирования, следуя своей природе, они придут, поднимут из своих человеческих глубин совесть! – глаза Гуса светились спокойным, ровным, но очень добрым светом.

– Как ты это понял? Ты это видел?

– Видел! Видел разных людей. В основном заснувших, часто бессовестных, но всегда с искорками надежды. Видел тех, кто не воспринял сигнал, остался думающим. К сожалению, таких было меньшинство. Но даже один такой человек дарил веру, самое главное, коренное, что выделяет человека из всего мира живого – ВЕРУ.

– Веру во что?

– Веру в самого ЧЕЛОВЕКА! Необыкновенно сотворенного, уникального, но заблудшего, заснувшего, в случае пробуждения готового продолжить свой путь!

– Путь? Куда же идёт человек?

– К себе, это путь к себе! Путь любви ко всему, что его окружает! Путь развития. Человек в пути, верным компасом которого должна стать совесть. Чтобы никакие программы не смогли его заставить свернуть с этой важной, безальтернативной дороги.

– Веришь, что нам удастся вернуть людям чувство ответственности за свой путь? Правда, веришь? – Хвостатый менялся в лице, обретая добрые нотки в голосе.

– Верю! Надо только прекратить подачу сигнала! На время оставить человека один на один с собой, чтобы он начал мыслить и чувствовать.

– И всё? Все аскерийцы проснутся? Это же утопия!

– Может, и не все! Но мы должны дать им выбор и показать дорогу! Ты программировал Аскерию, знаешь источник сигнала. Сможешь помочь прервать его на какое-то время? – Гус прямо посмотрел на Хвостатого, не приказывая, не требуя, но прося, прося глазами, прося словами, прося всем своим существом.

Хвостатый снова вскочил, нервно заходил по палатке, ероша волосы.

– Я не знаю место, где стоит главный источник сигнала, – голос его дрожал.

– Я знаю! – голос Гуса отливал уверенностью.

– Откуда?

– Горбун рассказал. Помнишь такого?

– Как не помнить! Он же погиб в пожаре! – Хвостатый охнул, сжал голову руками.

– Погиб, но успел рассказать мне. Невысокое здание из красного кирпича, на втором этаже расположен огромный монитор.

– Сможешь показать это место на карте?

– Да! Он описал мне его местонахождение! Горбуна схватили в этом доме буквально через несколько минут после того, как он туда зашёл.

– Посмотрим! – Хвостатый махнул рукой. – Сигнализацию мы отключим, я подумаю, как это сделать. Но времени у нас будет мало. Отключив сигнал, мы успеем уйти, но всеобщая тишина приведёт туда программистов Рэйфа, которые быстро смогут всё восстановить.

– Нам нужно хотя бы двенадцать часов. Я хочу собрать всех на площади. Люди должны это знать. Понимаешь?

– Понимаю! Я помогу тебе, насколько это возможно, но на площадь с тобой не пойду!

– Почему?

– Я стар, поздно что-то менять! Я нашёл место гармонии для себя. Когда вся Аскерия сходит с ума, счастье можно обрести только среди ненормальных! Моё место здесь. Странные люди не принимали сигнала, они давно сделали свой выбор.

Тем более, что они против сигнала! Они воюют с ним! Наша задача – сделать так, чтобы человек ни с кем не воевал, а принимая сигнал, не реагировал на него, руководствуясь своим внутренним компасом – совестью. Ты можешь повести странных дальше, показать им иной путь.

Хвостатый ненадолго замолчал, опустив глаза.

– У странных ВОЗНИ меньше. Они просто есть, не пытаюсь казаться, их жизнь естественнее. Это и есть их выбор и

их путь.

Всю ночь Хвостатый возился в своих железяках. Гус сквозь сон слышал его возгласы, ругательства, видел его сторбившуюся спину над столом. Он писал, рисовал, перебирал написанное.

Гус идёт по большому стеклянному коридору, прозрачному с обеих сторон. Он ищет Линду, знает, что скоро её увидит. Полная тишина. Ни единого звука, только его шаги по стеклянному прозрачному полу. Он бросает взгляд вниз. Под ним, под его ногами, ярко, выпукло, сочно, видимая до мельчайших подробностей, раскинулась вся Аскерия. Вот Земляной район. Хоних машет ему рукой, напрягается, что-то кричит. Гус не слышит. «Иллюзия» блестит на солнце, отражая коридор Гуса. Снующие рядом клаеры, внизу санеры, многочисленные пешеходы. Яркое солнце, весна. Аскерия безмолвна. Почему выключили звук? Почему он видит, но не слышит? Гус трёт уши, напрягает слух. Безрезультатно. Он высматривает дом Линды. Вот то место, где он должен быть. Пустота. На этом месте большая яма, кратер, чёрная земля. Словно взрывом вырвали её дом.

Вдруг рядом, в таком же стеклянном коридоре, появляется Линда. Стекло, их разделяет абсолютно прозрачное, невидимое на первый взгляд стекло. Линда одета в длинное чёрное платье, словно змеёй обвивающее её стройную фигуру. Она в маске, в той самой, в которой он видел её на концерте. Она останавливается, кладёт обе ладони на прозрачную стенку, что-то шепчет. Гус подбегает, соединяет с ней свои

ладони. Тепло, так хочется чувствовать тепло её рук. Холод, безразличный, стеклянный холод. Она продолжает говорить, он старается читать по губам. Слова отсутствуют. Гус в отчаянии.

– Линда! – его губы произносят имя.

Он не слышит себя, она не слышит его. Безмолвие, отчаяние. Гус кричит, но слова исчезают. Слёзы текут по щекам Линды. Слезинки одна за другой, словно дождевики, скатываются по её лицу вниз, растворяясь в чёрном материале платья. Линда прижимается губами к стеклу. Он пытается поймать тепло её губ. Обман. Жестокий, испепеляющий душу обман стекла. Губы, разделённые миллиметрами бездушной прозрачности, ловят лишь холод и пустоту. Линда вынимает из платья маленькую иголку, втыкает её в палец. Гус видит кровь, одна за другой выступают капли на подушечке указательного пальца. Ему больно за неё. Зачем она это делает? Он опускает глаза, бросает взгляд вниз. Под ними Аскерия. Краски стали ещё сочнее. Он видит улыбки людей, их радость, они общаются, обнимаются. Они за стеклом, он их не слышит, но чувствует, что они стали другими. Гус не знает какими, не знает, что произошло. Ясно только одно: в Аскерии весна.

Линда прижимает раненый палец к стеклу, двигает им, выводя кровавые буквы.

– Линда! – голосовые связки на грани разрыва.

В груди Гуса всё напряжено. Он закрывает глаза, сжимая

веки до боли. Невыносимо видеть её кровь на стекле. Буквы кровью складываются в слово, делающее подтёки, скатываясь вниз.

– Линда! Я люблю тебя! Люблю! – больше нет сил кричать.

ПРОСТИ. Краткое слово стекает вниз кровавыми завитками. Линда стоит спиной к Гусу. Рядом с ней – мужчина в чёрном костюме и чёрном цилиндре. Они уходят, двигаясь в параллельном коридоре.

Гус бежит, стуча в прозрачную стену.

– Линда! – голос начинает прорываться.

Гус бросается вперёд, прямо на стекло. Брызги разбившейся стены, Линда уходящая с мужчиной в чёрном, картинка счастливой Аскерии – всё смешалось в едином потоке, водовороте. Гус открывает глаза.

– Ты чего кричишь? – Хвостатый посмотрел на него весёлыми глазами. – Линду какую-то зовёшь.

– Ты слышал?

– А то! Всю ночь, несколько раз! Но, давай к делу!

– Давай! – Гус поднялся, сел на кровати, протирая глаза.

– Я понял, как отключить оповещение о нашем проникновении в этот самый кирпичный дом. Времени, правда, у нас будет немного. Всего тридцать минут, чтобы прекратить подачу сигнала, нарушить программу. С началом наших действий СЗА получает сигнал о вмешательстве в систему. Время реагирования на проблему я программировал сам. Оно

составляет сорок минут. Тридцать минут нам на работу и десять минут, чтобы скрыться. За это время я должен установить вирус, который заблокирует программу Достижений.

– На какое время? – Гус окончательно проснулся.

– На сутки! Назовём его «вирус тишины»! – Хвостатый улыбнулся, довольный своими ночными трудами.

– А откуда у тебя этот вирус?

– Вот! – Хвостатый показал Гусу флешку. – Разработал на всякий случай, когда писал программу Достижений. Каждый программист немного хулиган, если выпадает свободная минутка. Теперь вот сгодится! Конечно, через сутки программисты ликвидируют вирус, восстановят действие программы, но у тебя будет двадцать четыре часа.

– А перед сбоем мы сможем отправить всем аскерийцам на гаверофоны сообщение?

– Да, запросто!

– Куда двинемся после установки вируса?

– Обрато в лагерь Странных!

– Не догонят?

– Не знаю! – Хвостатый поёжился. – Что-нибудь придумаем, не беспокойся, у меня есть по этому поводу кое-какие мысли.

– Отлично! Когда выходим?

– Вечером, когда начнёт темнеть!

– Ты гений! – Гус обнял Хвостатого.

– Гений, – Хвостатый почесал затылок. – Кто-то уже го-

ворил мне эти слова.

Вечер опускался на Аскерию. Гусу казалось, что в этот раз медленно, неторопясь, постепенно, участок за участком, он овладевал светлым пространством. Сумерки, проверив ситуацию, дали сигнал темноте, которая забрала всё под свой покров. Ночь по-королевски зашла в Аскерию, когда её уже ждали. Верная спутница ночи луна округлилась на небе, давая всем понять: сегодня произойдут важные и судьбоносные дела.

– Пора! – Хвостатый отдал команду, закидывая на плечи небольшой рюкзак, поднимая ворот своей тёплой куртки.

Они прошли среди палаток лагеря Странных, не оглядываясь, уверенно. Охранник в будке дремал. Преодолев забор, они перебрались за территорию лагеря. Гус поднял голову вверх, посмотрел на небо. Снежные тучи тяжело двигались, заволакивая небо, закрывая лунный свет, нарастал ветер.

– Метель! Скоро начнётся снежная буря! – определил Гус.

– Путь не близок! Надо поторапливаться! – кратко отреагировал Хвостатый.

Он был сосредоточен, молчалив, напряжён, но убеждён в том, что двигается верным путём. Короткие фразы, выверенные движения – казалось, что он экономит, сдерживает себя перед важным делом, возможно, делом всей его жизни.

Дорога проходила по полю, переходящим в узкие закоулки высоток Песочного района. Ветер нарастал, словно говоря путникам: «ускорьтесь, поторопитесь, я разгоняюсь, скоро меня будет не остановить». Несколько километров по полю дались с трудом. Шли молча, сопротивляясь снежным потокам, мчащимся навстречу, закрывали воротниками лица, опускали головы вниз. Метель добивалась от них покорности, согласия.

Наконец, они нырнули в крайнюю улицу Песочного района, скрываясь от порывов набравшего уверенность ветра. Дома-великаны могли спорить с метелью, меланхолично принимая на себя потоки холодного воздуха, сдобренного обильным снегом. Окна в домах светились шахматкой редких огней. Пустынные каменные мостовые улиц то накрывались снежным покровом, то оголялись до полной чистоты, сдаваясь отчаянным порывам ветра.

Пройдя длинную, прямую улицу, Гус и Хвостатый завернули направо.

– Стоп! – Хвостатый рванул Гуса за рукав куртки. – Патруль офицеров СЗА, видишь?

Гус остановился. Четыре силуэта виднелись вдалеке, рядом находился мигающий огнями санер. Офицеры двигались прямо по направлению к ним.

– Оставайтесь на месте, не двигаться! – прозвучал голос из громкоговорителя с другой стороны. – Поднимите руки и выйдите на середину улицы.

Яркий луч прожектора забегал между домами, заставив сердца Гуса и Хвостатого заколотиться с небывалой силой. Хвостатый резко обернулся. В другом конце улицы метались два человека, пытаясь скрыться от офицеров СЗА. Свет настиг беглецов. В небе сквозь рёв ветра послышался звук снижающегося клаера. Хвостатый и Гус прижались к стене, мимо них пронёсся санер с офицерами СЗА. Сердце Гуса сотрясало грудную клетку, обильный пот выступил на лбу. Свет ушел в сторону беглецов.

– Сдавай...ть! – доносились рвущиеся ветром звуки из громкоговорителя.

Крики, толкотня, переходящая в драку. Хвостатый и Гус обратились в слух.

– Су...ки! – возгласы пойманных утонули, унеслись ветром.

Клаер поднялся. Санер рванул с места. СЗА чётко и без промедления выполнила свою работу. Наступила долгожданная тишина. Ветер завывал теперь уже не грозно и ревуще, а ласкал слух путников. Тишина стала спасительной. Они находились в шаге от катастрофы, в шаге от возможности быть схваченными.

– Испугался? – голос Хвостатого прозвучал в темноте как-то по новому.

– Да, – ответил Гус, вытирая пот со лба.

– Не буря страшна – человек страшен сегодня ночью! – сделал вывод Хвостатый. – Страх – вот двигатель управле-

ния людьми. Так устроен человек, не деться ему никуда от страха. Страх – самое сильное чувство у людей.

Гус не видел лица Хвостатого, но чувствовал его, понимал. Впервые Гус поймал себя на мысли, что сейчас во всей Аскерии Хвостатый стал для него ещё одним близким человеком, близким по духу.

– Вот ты говорил, что вера в человека должна на любви быть основана, а я говорю тебе – на страхе. Так всегда было, так надёжнее, – продолжил Хвостатый. – Достижения! Га-вер так красиво пел про Достижения, а и они тоже на страхе замешаны. Страх не успеть, отстать, оказаться на обочине жизни. Рейтинг запускает этот страх. Он проникает в самую суть человека, пронизывает его до мозга и костей, въедается в мембраны клеток. Страх – это единственное чувство, которое передаётся по наследству. Королевство страха так многообразно, начиная от рейтинга и заканчивая светом спускающегося сверху клаера СЗА, топотом сапог офицеров по лестнице. Что скажешь? Гибнет твоя любовь в этом страхе, потому что человеку, который бежит, спасается, забивается в щели не до любви. Страх древнее, сильнее любви.

– Всё не так! Вы, люди, так давно боитесь, что забыли любовь. Но именно она единственная спасает от страха, потому что позволяет принять страх, разрешить себе бояться. В этом позволении и есть гармония всей жизни, не отрицать ничего, даже страх, любить его. Страх в любви гибнет, растворяется. Вера на любви – вот основа человека.

Двое мужчин, прижавшись к холодной стене дома, искали ответы на главные для них, ставшие жизненно важными для всей Аскерии, вопросы. Они двигались к кирпичному дому, к остановке сигнала, к всеаскерийской тишине, двигались единым порывом мысли и духа.

– Вперёд! – Хвостатый первым оторвался от стены, озираясь по сторонам.

Его глаза блестели. Теперь ветер и снег стали надёжными спутниками и помощниками в их нелёгком деле. Словно в подтверждении этого факта порывы ветра устремились им в спины, подгоняя, неся к заветной цели.

Дорога виляла, изгибаясь, покоряясь упорству Хвостатого и Гуса. Невысокое здание из красного кирпича показалось среди деревьев в тот момент, когда путники почувствовали усталость.

– Всё! Мы у цели! – воскликнул Гус. – Сил хватило, давай отдышимся – и внутрь.

Они облокотились о заветную кирпичную стену, тяжело дыша.

Хвостатый дал старт началу их операции.

– Удаляем решётку! – с этими словами он достал два напильника, отдал один Гусу, а вторым начал перепиливать решётку на окне первого этажа.

Звук напильника тонул в ветре, пустынность вокруг стала их верным соратником.

Решётка поддалась быстро. Оголённое окно тёмными

стёклами смотрело на них.

– У нас всего пять секунд! – глаза Хвостатого сияли. – Вырезаем стекло, я первый, ты за мной. Затем светишь фонарём, ищем щиток с сигналкой. Я вставлю пластинку, и первый барьер взят.

– Почему считаешь, что он на первом этаже?

– Я знаю все виды сигнализации в Аскерии!

Взятие окна прошло слаженно. Щиток оказался справа от него.

– Двадцать шесть секунд! – выкрикнул Гус, когда Хвостатый воткнул в щиток заветную пластинку.

Описание Горбуна подтверждало неизменность помещения. Затхлость с годами пропитала стены этого дома. Гус чиркнул выключателем. Диван. Горшки и кадки с искусственными цветами. Гигантский аквариум.

– Стоп! – лёгкий холодок пробежал по спине Гуса. – Смотри в аквариуме рыбки, диван чист от пыли. В кадках настоящие цветы. Здесь кто-то бывает!

Гус подбежал к одному из цветков, потрогал пальцем землю.

– Она сырая! У этого дома есть свой хозяин! – с тревогой сказал Гус.

– Наверх, надо работать! – оборвал его Хвостатый. – Помнишь порядок действий? Сначала отправляем сообщение, потом запускаем вирус.

Четыре ноги застучали по лестнице. Тёмный закуток.

Сердце Гуса защемило воспоминанием о рассказе Горбуна. Тяжёлая дверь. Перед ними пустая комната без окон, на столе – огромный монитор.

Хвостатый начал свою работу. Пальцы задвигались по клавиатуре, словно руки пианиста по клавишам. Хвостатого окатил восторг: после долгого перерыва он снова делал то, что было главным в его жизни. Тело напряжено, внимание сконцентрировано. Цифры носятся по экрану, окна сменяют друг друга. Он хватает из кармана куртки свои записи, вводит новые слова и цифры.

– Всё! Мы в системе! – он орёт на всю комнату, сотрясая многолетнюю тишину. – Какой текст сообщения?

– Гусь будет на площади Золотого района в 12.00, – отчеканивает Гус каждое слово.

Хвостатый печатает, аккуратно вдавливая клавиши.

– Предлагаю усложнить ситуацию, – он смеётся. – Добавим подпись «Мистер Гавер».

– А ты – игрок! – Гус улыбается широкой, тёплой улыбкой.

– Первое дело сделано! Сообщение доставлено на все гаверофоны Аскерии. – Хвостатый довольно потирает бородатый подбородок. – Теперь засекай время! Мы начинаем вторжение в систему.

Флешка появляется в руках Хвостатого. Он засаживает её в разъём машины на передней панели. Монитор издаёт странный писк, потухает. Капельки пота выступают на лбу

Хвостатого. Он разворачивается, сбрасывает на пол куртку. Экран вспыхивает ярко красным цветом, появляется шкала загрузки. Десять, двадцать, пятьдесят процентов. Время тянется неумолимо медленно. Хвостатый складывает руки на груди. Полная тишина, писк машины. Сто процентов. Монитор заливается жёлтым цветом. Хвостатый хватается за мышку и начинает завершающие действия.

– Сколько? – он режет комнату свои осипшим от напряжения голосом.

– Двадцать восемь минут! – Гус считывает показания часов.

Хвостатый делает последний щелчок мышкой. Экран гаснет.

– Чисто, подача сигнала прекращена, – Хвостатый смотрит на Гуса. – Наступает новая эпоха в жизни Аскерии. Я сделал своё дело, теперь твоя очередь. Тишина ждёт слов, важно, каковы они будут.

Тридцать минут. Гус и Хвостатый выбегают в морозную ночь. Впереди обратная дорога в лагерь странных людей. Десяти минут достаточно, чтобы добраться до высоток Песочного района. Они оборачиваются. Позади них небо освещается светом клаеров, безмолвие разрывается сиренами СЗА, слышатся звуки санеров, мчащихся к кирпичному дому.

– Работает программа! – Хвостатый смеётся. Сам писал. Работает по минутам.

Они неслись по улочкам Песочного района, лавируя, при-

жимаясь к стенам. Лучи света преследовали их, небо наполнилось клаерами СЗА. Огоньки окон вспыхивали в темноте. Разбуженная Аскерия пока ещё не знала, что её ждёт. Многие уже успели прочитать последнее сообщение от Мистера Гавера. Они трясли потухшими гаверофонами, впервые в их жизни ничего не значащими темными «кирпичами» из металла и пластмассы.

Песочный район остался позади, впереди – поле, большое поле перед лагерем Странных. Они остановились, успевая оценить обстановку. Поле встретило их клаерами СЗА, извергающими яркий свет прожекторов. Их заметили.

– Назад! – взревел Хвостатый. – В Песочный район.

Поздно. Несколько клаеров взмыли в воздух. Гус с Хвостатым успели скрыться в лабиринтах многоэтажек. Луч света преследовал их. Доносились звуки санеров. Одна за другой улицы перекрывались. Ожили громкоговорители с призывами остановиться.

– Мы не уйдём вдвоём, – Хвостатый задыхался, утирая налипший на лицо снег рукавом.

– Уйдём! – Гус посмотрел прямо ему в глаза.

– Ты спрашивал, почему я не приду на площадь? Так вот, это тот вариант, в котором кроется мой ответ. Слушай и не перебивай. Ты должен в двенадцать часов быть на площади, Аскерия ждёт твоих слов. Поэтому, – Хвостатый тяжело дышал, прерывая свою речь, – поэтому я выбегаю под луч света, отвлекаю их, увожу погоню за собой. Ты бежишь в об-

ратном направлении, они оставят тебя в покое, когда увидят реальную добычу.

– Нет, – слёзы выступили на глаза Гуса. – Сколько жертв. Горбун, теперь ты.

– Зато я поступаю по совести, по велению моего внутреннего голоса. Неважно кто ты, главное – слушать свою совесть. Прощай! Время с тобой было лучшим, что я знал в этой жизни! – с этими словами Хвостатый развернулся и бросился в сторону лучей света от клаеров.

Он замахал руками, заорал, не снижая темп бега.

– Эй, вы! – Хвостатый ликовал, привлекая к себе внимание. – СЗА, мать вашу, чего не хватаете, я же здесь, гады позорные!

Голос Хвостатого удалялся, утопая в порывах ветра и звуке моторов клаеров. Гус перешёл на бег. Тёмные улочки сменяли друг друга. Он бежал один, бежал к площади в Золотом районе.

Выстрелы. Они заставили его остановиться, прислушаться. Один, второй, третий. Выстрелы. В Аскерии стреляли. Сердце сжалось. Он поднял глаза к небу. Рассвет нового дня пробивался сквозь уставшие сыпать снег тучи. Начинался новый день.

Будильник Жафа задребезжал командным голосом главреда. Вставать по будильнику для Жафа было всегда травмой. Сны, его сны прерывали! Это казалось недопустимым! Весь день после этого Жаф чувствовал себя разбитым, несчастным, неожиданно повергнутым в пучину несправедливости.

В этот раз он видел во сне море. Оно плескалось, оmyвая его волосатые ноги. Он брёл по берегу, любуясь чайками. Почему-то они были жёлтыми, нагло кричали, опускались низко, заглядывая в глаза журналисту. Вдруг на небосклоне, на месте, где должно было быть солнце, появилось лицо главреда. Яркая картинка моря осыпалась как новогоднее конфетти. Жаф проснулся.

Что у нас сегодня? Мысли Жафа заметались. Необходимо срочно закончить и сдать статью про хлебный скандал. Разлепив сонные глаза, он потянулся и сел в кровати. Рыжая красавица сладко сопела, по-детски подложив ладошки под щёку.

Открыв стеклянную дверь балкона на кухне, он закурил сигарету. Рабочее утро встретило его особой звенящей тишиной. Жаф беспокойно оглянулся. С улицы не доносилось ни единого звука. Высунувшись наружу и почёсывая голую

волосатую грудь, он зажмурился, снова открыл глаза.

За окном простиралась его улица, но отчего-то непривычная и чужая. Рекламные и новостные дисплеи чёрными засасывающими глазницами молча тарасились по сторонам, сами удивляясь несвойственной им тишине. В это утро никто не призывал аскерийцев купить новый вид зубной пасты или тонкие, невидимые глазу, гигиенические прокладки самого нового поколения. Не бегали строчки рейтингов, побуждающие стремиться к покорению новых вершин Достижений. Не мелькало уже известное всему аскерийскому народу лицо Гуса. Никаких новостей, происшествий и трагичных случаев.

Взглянув на гаверофон, Жаф увидел ночное сообщение: «Гусь будет на площади Золотого района в 12.00. Мистер Гавер».

Крякнув от удивления, он начал водить пальцем по экрану. Никакой реакции. Гаверонет не открывается. Доступ к личным кабинетам и всей новостной паутине заблокирован. Рабочие данные по статьям также надёжно защищены, но сегодня даже от самого владельца. Что за чертовщина? Попытки позвонить главреду и другим знакомым наткнулись на глубокую тишину. Под ложечкой засосало. Информационный голод требовал своей утренней порции. Оставалась последняя надежда на гаверовизор. Привычным движением Жаф нажал на кнопку пульта. Гаверовизор засветился, вспыхнул синевой и зашипел от натуги и отсутствия сигнала.

Беготня по кнопкам не принесла результата. Все каналы солидарно мычали или не подавали вообще никаких признаков жизни. Маленькие глазки Жафа с каждой минутой расширялись от удивления. Не сон ли это?

В комнате заверещала Рыжая.

– Жафчик, что-то случилось с моим гаверофоном!

Девушка выскочила из спальни, на ходу накидывая прозрачный пеньюар на стройное обнажённое тело.

Хоть это осталось прежним, с облегчением подумал Жаф, с наслаждением разглядывая длинные стройные ноги и выпирающие бугорки.

– Жаф, у меня сломался гаверофон! Мне срочно нужен новый! Он не реагирует. О, ужас! Я не смогу сегодня выставить в гаверонет свои новые селфи, – глаза девушки заблестели от подступающих слёз.

– Не волнуйся, милая! Наверное, перебой в сети. Скоро всё наладят, – попытался успокоить её Жаф.

Однако интуиция подсказывала ему, что этой ночью случилось что-то серьёзное. В Аскерии ещё ни разу не прекращалась подача сигналов. Нужно идти по следу. Отсутствие связи журналисту не помеха. У него есть глаза и уши. Самые талантливые глаза и уши Аскерии.

Рыжая ходила по комнате и заламывала руки. Надевая чистую голубую рубашку и натягивая джинсы, Жаф бросал на девушку короткие взгляды. Grimаса несчастья и искреннее

глубокое расстройство так исказили лицо девушки, что падающие на него спутанные волосы превратили её в разъярённую ведьму. На этом фоне красивая фигура быстро меркла. Наревевшись, Рыжая присела на краешек дивана и, уставившись в одну точку, начала раскачиваться взад-вперёд, убаюкивая на руках гаверофон, ставший бесполезной штуковиной.

Жаф окликнул её.

– Дорогая, ты опоздаешь на работу, – повторил он.

Девушка молчала, не реагируя на слова, словно всё живое в ней ушло вместе с сигналом, оставив лишь пустую телесную оболочку.

Неужели последние четыре месяца он встречался с этой странной куклой. Нет уж, начинается самое интересное. Сейчас не время впадать в протрацию. Жизнь полна приключений. Найдя в шкафу фотоаппарат, он нацепил его на шею и выскочил в подъезд.

На всех этажах бряцали двери, выпуская сонных соседей, рвущихся узнать, в чём же дело. Одетые в ночные рубашки и семейные трусы, они трясли в руках гаверофоны. Никто не спешил на работу, не собирал детей в климадосты. Удивлённые лица ждали сигнала. Но сигналов не было. Никаких. Лишь только один, не заглушаемый никакими другими информационными помехами. Сегодня на площади их ждёт Гусь. Лишь только это стало темой разговоров.

Уже много лет соседи не общались между собой. Спеша

по своим делам, они мимоходом приветствовали друг друга, улыбаясь сквозь зубы. Их пристальное внимание привлекало лишь электронное табло на первом этаже, ежедневно обновляющее рейтинг и список Достижений, каждый день напоминая им, кто они есть в Аскерии.

Но сегодня и оно не подавало признаков жизни.

Жители пытались распределить полураздетых соседей по фамилиям из рейтингового списка. Но видели лишь себе подобных – растерянных и неспособных принимать решения людей, грубо вырванных из привычного, сложившегося ритма жизни в системе.

Они впервые начали задавать вопросы. Скучковавшись группами, люди обсуждали приключившееся событие, пытались совместно найти выход. Разучившись думать, все пришли лишь к одному выводу: нужно выполнить приказ последнего сигнала. Всем – на площадь. К Гусю.

Толпа росла и мешала Жафу пробираться к лестнице, а если и удавалось протиснуться сквозь поток людей, следующий этаж встречал его новой пробкой.

Заплаканный, сопливый ребёнок лет пяти, дёргал за юбку мать, пытаясь привлечь к себе внимание. Его детское устройство с играми тоже предательски молчало. Разозлившись, он бросил его в сторону лестницы. Игрушка врезалась в спускавшегося Жафа и, отскочив, со свистом унеслась между лестничными проёмами вниз. Детский рёв усилился.

Перед самым выходом, на последней ступеньке, сидел мо-

лодой мужчина с первого этажа, держа в руках безжизненный электронный прибор. Жаф часто видел его входящим и выходящим из подъезда, всё время смотрящим в гаверофон, что-то перебирающим пальцем на экране. Мужчина посмотрел на Жафа, не узнавая его. Да и откуда он мог его знать. На лице мужчины отражалось явное горе. Глаза тускло и безжизненно смотрели на журналиста, нижняя губа по детски выпятилась вперёд, тёмная богатая шевелюра разломатилась.

– Что будет со всеми нами? Как я теперь узнаю свой рейтинг? – слезливо промямлил сосед.

– Не печалься! Твой рейтинг высок! – Жаф похлопал мужчину по плечу.

– Откуда вы знаете? – прогнусавил он. – Ваши слова не подтверждены последними данными. Да вы, вообще, кто такой?

– Сосед я твой! Живу я здесь! Ты – на первом этаже, а я – на пятом!

– Сосед? – лицо мужчины перекошило удивлением.

– Сосед, сосед! – Жаф направился к выходу. – Сделай только лицо попроще, а то мне за тебя страшно становится.

С ума, что ли, все походили, думал Жаф, фотографируя на ходу ошарашенных соседей, вбегающих в подъезд.

Выскочив на улицу, он двинулся в сторону остановки общественного транспорта. Вызволить клаер со двора Хониха пока не удалось. Остановка пустовала, впрочем, и утренние

гаверобусы отсутствовали на ней. Зато по дороге вышагивали аскерийцы. Людские потоки тонкими ручейками сливались в один широкий, двигавшийся по направлению к площади.

Аскерийцы с интересом рассматривали друг друга, смеялись, размахивали деревянными гусями. В полдень они наконец-то увидят живого символа Аскерии, живого лидера! Сигнал, любопытство и ожидание новизны.

Окна домов, обычно наглухо закрытые и зашторенные от чужих глаз, распахивались. Жильцы высовывались наружу, перекрикивались и через несколько минут покидали свои квартиры, присоединяясь к уличному шествию.

Запахавшись, Жаф добрался до офиса редакции Аскерийских новостей. Коридор не шумел каждодневными разговорами, стук шагов непривычно гулко отзывался в пустоте. Одинокая пальма, стоявшая у огромного оконного витража, наклонилась, пытаясь прорваться сквозь стекло, чтобы узнать последнюю, самую важную новость Аскерии.

Неожиданно Жафа схватили за плечо могучей рукой и резко развернули.

– Жафчик! Какое чудо, что ты догадался прийти сам! – Главред сжал журналиста в объятьях так, что у того захрустели косточки. – Ты видел, что там происходит? Во всей Аскерии исчезла связь. Невозможно никому позвонить. Ещё и последнее сообщение про Гуся. Как думаешь, кто за этим стоит? Надо выяснить, – шепнул он на ухо Жафу. – Сейчас

наша газета – единственный источник информации! Это наш шанс повысить продажи!

– События развиваются слишком стремительно, шеф, – Жаф почесал затылок.

– Ты справишься! Давай, Жафчик, надо успеть на площадь раньше всех!

Журналист скептически посмотрел на главреда и с сомнением покачал головой.

– А... Ты об этом?

Главред достал из-за пазухи пухлый конверт и протянул Жафу.

– Давай, не теряй времени!

Он хлопнул Жафа по плечу и выставил на улицу.

Рэйф беспокойно ходил по кабинету. Головные боли неотступно преследовали его уже несколько дней. Контроль ситуации в Аскерии и противоречивые сообщения от Гавера создавали постоянное напряжение. Прошедшая ночь стала печальным следствием неизвестно куда развивающейся ситуации.

Катастрофа настигла Аскерию внезапно. Взлом сервера в кирпичном доме, о котором знали единицы, потряс главу СЗА. Беспомощность программистов в восстановлении сигнала стоила Рэйфу нескольких седых волос.

– Как сутки? Почему нельзя восстановить подачу сигнала немедленно? – Рэйф орал на пятерых специалистов, уныло стоящих вокруг потухшего монитора на втором этаже кирпичного дома.

– Это вирус, неизвестный нам, – оправдывались программисты.

– Кто же мог запустить такой вирус? – Рэйф неистовствовал.

– Только тот, кто писал эту программу! – спокойно ответил один из программистов – низенький, лысоватый парень в круглых очках.

– Тот, кто писал? – Рэйф побагровел, понимая, что он не

знает имени этого человека. – Делайте, делайте! Скорее! – Рэйф буквально гремел на весь дом.

– Обыскать всё вокруг! – отдал он приказ офицеру СЗА.

Бессилие душило Рэйфа. Восстановить систему не удавалось.

Трое последних суток он не появлялся дома и ночевал в кабинете на твёрдом диване. Ощущение опасности придавливало с каждым днём сильнее. Он превратился в острый нерв, любое прикосновение к которому вызывало невыносимую боль. Правила и нормы, устоявшиеся в Аскерии, рушились, погружая её в пучину хаоса. Отрядам СЗА с трудом удавалось поддерживать безопасность. Система проседала под влиянием человеческих масс, нашедших для себя нового кумира.

«Найти и уничтожить живого Гуся. Мистер Гавер»

«Гуся оставить в живых и доставить лично мне в Иллюзию. Мистер Гавер»

«Гусь будет на площади Золотого района в 12.00. Мистер Гавер»

Полное отсутствие связи сегодня.

Рэйф тщетно пытался разгадать части головоломки. Какую игру затеял Гавер? Здесь уже не пахнет никакой системой. Куда он смотрит? Необходимо его найти. Нельзя тянуть дальше.

Но что-то ещё, мучительное, томилось и пыталось прорваться сквозь поток мыслей об Аскерии. Что-то, терзавшее

сердце и совесть. Он взглянул на календарь, висевший на стене комнаты с не подающим признаков жизни монитором. 22 декабря. Знакомые цифры пронзили мозг раскалённой иглой.

Мама... Сегодня день рождения мамы. Как же он забыл? Проклятый гаверофон. Он с презрением ощупал в кармане бесполезный мёртвый чёрный кусок, напичканный микро-схемами. Каждый год гаверофон напоминал ему об этой дате. И Рэйф, постоянно погруженный в дела, звонил, чтобы произнести скудные сыновьи поздравления и ежемесячно переводил ей гаверы. Уже пять лет он не видел её. Она всегда радовалась его редким звонкам, звала в гости и печально сокрушалась о его занятости. Служба. Она понимала, вздыхала и просила беречь себя.

Рэйф спустился вниз. Рыбки безмятежно плавали в аквариуме. Лишь только прозрачная стена отделяла мир людей от мира рыб. Их не интересовали гаверофоны и сигналы. Удивленно выпучив глаза, водные обитатели поглядывали на снующих и орущих за стеклянной стенкой людей, словно кто-то включил для них сериал про двуногих существ. Рэйф устало опустился на диван. Шум вокруг прекратился. В комнате наверху программисты притихли, напряжённо раздумывая над решением проблемы. Давящая тишина постепенно разъезжалась, окутывала, позволяя струйкам памяти вытекать из него, унося с собой, в далёкое детство.

Крошечная комната с втиснутой узкой ванной. Стена, от-

деланная белым кафелем. По ней плывут разноцветные рыбки. Пахнет апельсиновым мылом. Тёплая вода приятно булькает под ладошками и даже иногда попадает в рот, оставляя солёный привкус. Когда он вырастет, то станет капитаном дальнего плавания, будет вести свой корабль к неизведанным берегам. Ему покорятся моря и океаны.

Пятилетний мальчишка задорно хохочет и изворачивается в маминых мыльных руках. Ему щекотно и смешно. Мама хочет отмыть грязное пятно на его лодыжке, тщательно оттирая его вехоткой. Детский смех разносится по ванной комнате, звонко отскакивая от стен.

Женщина строжится, чтобы стоял смирно, но сама начинает смеяться. Шапки мыльной пены разлетаются в разные стороны и попадают на нос малышу. Мама нежно сдувает их и целует раскрасневшегося сына. Ребёнок увлекается новой забавой и сам начинает дуть на пенные островки и вытягивать из них вершины заколдованных дворцов.

Дав ему наиграться вдоволь, женщина вытаскивает голого малыша из водного царства и начинает вытирать мягким полотенцем.

Мама. Как вкусно пахнет мама. Какое счастье, когда рядом мама. Такая заботливая, весёлая. Рядом с ней ты всегда в безопасности. На минуту он вдруг представляет свою жизнь без неё. Ему становится страшно и больно. Нет! Никогда, этого не должно случиться!

– Мамочка, ты же всегда будешь рядом? Ты никогда меня

не оставишь? – глаза малыша широко раскрыты, ещё чуть-чуть и две огромные слезы, уже плещущиеся и рвущиеся наружу, упадут на лицо.

– Глупенький мой! – женщина удивлённо смотрит на сына. – Я всегда буду с тобой!

– Всегда-всегда?

Она прижимает к себе малыша и начинает покрывать его поцелуями: в мокрые щёчки, пахнувший апельсиновым мылом затылок.

– Всегда, мой любимый, всегда!

Ребёнок успокаивается. Ему тепло и хорошо. Только лишь от того, что мама с ним.

Солёные слёзы скатились на небритый подбородок. Как в детстве, Рэйфу захотелось снова прижаться к ней, спрятаться от проблем и ни о чём не думать.

Клаер Рэйфа приземлился в одном из дворов Земляного района. Маленький, ничем не примечательный домишко, хоть и старый, но всегда аккуратный, кольнул воспоминаниями и какой-то не проходящей тоской.

Отворив дверь, он полной грудью вдохнул знакомый запах. С кухни доносился аромат пирогов с яблоками и жареной курицы. Вычищенная до блеска комната. Все вещи, как и прежде, на своих местах.

– Рэйф, сыночек!

Женщина, вышедшая к гостю, вытирала руки о передник. Седые волосы, гладко зачёсанные назад и собранные на за-

тылке гребнем, отливали серебром. Морщинки, пролёгшие тонкой сеточкой на её лице, не портили, а лишь по-особому оттеняли её красоту. Глаза, по-прежнему яркие и весёлые, светились задором и хитринкой.

Она крепко обняла сына. Он уже забыл, как это приятно, – видеть её улыбку, искать в глубине серых бездонных глаз маленьких чёртиков и радоваться жизни.

– С днём рождения, мама!

Рэйф протянул букет белых хризантем, её любимых.

– Я чувствовала, что ты придёшь. Как же ты исхудал, сынок, осунулся, – женщина погладила его дрожащей ладонью по щеке.

Она вглядывалась в его лицо, не отрывая глаз, пытаясь запомнить каждую чёрточку.

– Иди же скорей, мой руки.

Рэйф прошёл в ванную. Рыбки на кафеле почти стёрлись, едва виднелись лишь ошмётки осыпавшейся краски. Апельсиновое мыло пузырилось под струями воды. Он снова попал в другой мир, мир другого Рэйфа.

Люди растут, меняются, набираются опыта и проживают не одну, а несколько разных жизней за один человеческий срок. Оглянувшись назад, понимаешь, что вчерашний ты, а тем более прошлогодний – это совершенно разные люди. Время беспощадно. Оно убивает в тебе одну личность, наслаивая на неё другую. Меняются окружающие вещи, люди, события, и человек меняется вместе с ними. Умирает, засы-

пая, и рождается утром уже немного иным. И вот уже ты – это не ты, а вереница призраков предыдущего тебя. Стоит ли таскать этот хвост повсюду за собой? Хвост старых установок, утраченных надежд, потерянного времени, невыполненных обещаний. Не лучше ли, проснувшись поутру, взять кисти и создать нового себя. Человек творит себя сам каждую минуту своей жизни. У него есть такое право не быть чьей-то иллюстрацией, размалёванным рисунком, в который советчики добавляют свои мазки, в котором гноятся старые раны, кровоточат обиды, надрывается злоба и зависть. Только человек, написанный собой, может источать внутренний свет и счастье.

Взрослый Рэйф смотрел на себя в зеркале, наблюдая всех других Рэйфов, накопившихся в его жизни. Грудь сдавило будто тисками. Уязвило детской мечтой, несостоявшимся капитаном дальнего плавания, забывчивым сыном. Что с ним? Почему именно сейчас он думал об этом? Тишина, отсутствие гаверофона, события последних дней – вот что изменило Рэйфа. В этот момент вдруг всё стало бессмысленным, страшным. Может, он уже не способен меняться? Может, дни Рэйфа сочтены? Нет! Он отогнал от себя эту глупую мысль, вышел из ванны, обнял мать.

Рэйф сел за стол, погрузившись в атмосферу тепла и заботы. Руки матери забежали по столу, накладывая то одно, то другое в его детскую тарелку. Потрясающе! Она сохранила эту тарелку с изображением поросят. Он вспомнил, как при-

хрюкивал, видя эти два радостных розовых пятачка. Долго прихрюкивал, даже, когда уже почти вырос. Он надул ноздри, но в этот раз прихрюкнуть не смог, совсем не смог, не потому что вырос, а потому что забыл, как это делается, разучился.

– Беспокоюсь за тебя, Рэйфик! – такой вариант его имени резанул ухо. – Сон плохой видела накануне. Будто ты скачешь на коне.

– Что ж плохого-то, мама?

– Так конь-то чёрный, полностью чёрный, как смоль!

– Ерунда! – Рэйф погладил мать по руке, хватая особое тепло пальцами, разнося его по всему телу.

Почему так хорошо? Почему он раньше не ощущал этой теплоты? Почему так приятно, когда кто-то за тебя беспокоится? Что вообще это за ощущения, неожиданно нахлынувшие, захватившие его? Вопросы теснились в голове.

Он поднял глаза от тарелки, перестал жевать. Мать смотрела на него, как тогда, когда он был маленький, смотрела глазами любви. Она его любит по-прежнему, как в детстве. Так вот почему так тепло. Всегда тепло, когда тебя любят – он это понял именно сейчас. Только мать умеет любить своего ребёнка раз и навсегда, с первого крика при рождении до последнего вздоха при смерти. Любить, не требуя взаимности, ответа, любить, не видя годами, любить по-настоящему, любить, как может любить человек человека.

Он обнял её, опустил свою голову на плечо, обмяк.

– Спасибо, мама! – прошептал Рэйф. – Надо спешить.

– К Гусю? На площадь? – вопрос заставил закрыть глаза, сглотнуть скопившуюся слюну.

– Почему так решила?

– Знаю! В жизни случаются такие минуты, когда всем со всеми нужно встретиться и взглянуть друг другу в глаза. Вспомнить. Опустить головы, разделить этот всеобщий стыд за многие годы своей жизни. Очнуться, чтобы дальше жить! Такие минуты необходимы!

– Что вспомнить, мама?

– Жизнь свою, сынок! Оглянуться, остановиться, прекратить бег! Вот для этого Гусь к нам и прилетел!

– В чём стыд, мама? Твой стыд! Скажи в чём?

– Мой? – мать опустила глаза. – В тебе, сынок! Каждая мать верит, что её ребёнок рождён для счастья, для добра. А потом, когда дети вырастают, они жизнь свою живут, сталкиваясь с другими, соревноваться начинают, воевать, теряя материнскую любовь в себе. Мечутся, страдают, стараются друг другу что-то доказать. Несчастливыми становятся. Вот тут-то зло их и подстерегает. Страшное зло, зло великой и бесцельной возни, вызывающее слёзы всех матерей Аскерии. Неужели мы такими и для того своих детей рожали? Вот в этом и есть мой стыд!

Рэйф слушал, опустив глаза. Слова потрясли его. Внутри снова заныло, засвербело, закололо, ожило. Родилось что-то новое, непонятное ему, но такое необходимое.

– Прости, мама! – Рэйф смахнул скупую слезу.

– Береги себя, сынок! Иди на площадь, смотри людям в глаза, будь со всеми.

Он вышел из дома матери. Солнце, яркое зимнее солнце искрилось лучами на снежных сугробах. Рэйф зажмурился. Он вспомнил, что не смог отменить приказ Борни об уничтожении Гуся. Его агент искал Гуся, искал, чтобы уничтожить. Почему он об этом подумал так поздно? Рэйф вскочил в клаер, запуская машину высоко в воздух.

Сурри долго мучился бессонницей. А странное сообщение от Мистера Гавера поздней ночью и вовсе украло всякую надежду на покой. Сурри пытался позвонить Рэйфу, но связь отсутствовала. Он не мог взять себя в руки, метался по комнате. Густая темнота за окном пугала его неизвестностью. За каждым деревом мерещились опасные личности. На улице залаяла собака. Сурри резко отпрянул от окна и плотнее задёрнул шторы. Охрана, выделенная Рэйфом, мирно спала в прихожей. Отпускать их с весточкой к Рэйфу он не решился. Кто бы тогда остался его охранять? Гаверофоны сотрудников СЗА солидарно молчали, ещё больше убеждая министра в серьёзности положения. В сомнениях Сурри надел свою розовую пижаму, особо тёплую, с начёсом. Он всегда надевал её в трудную минуту, она согревала, спасая от страха. Чтобы не бояться, надо согреться! Эту истину он хорошо помнил от своей бабушки, которая нянчила маленького Сурри. Под одеялом стало тепло и спокойно.

Утро не принесло облегчения. Сурри очнулся, сбросил с головы остывший за ночь компресс, нащупал на прикроватной тумбочке свой гаверофон. Связи не было до сих пор.

Сурри расхаживал по комнате, приглаживая волосы. Тишина действовала на него пугающе. Ниточки, за которые он

дёргал, устраивая театр живых марионеток в Аскерии, вдруг внезапно лопнули, оставив его с голыми руками. Его магия, его власть лишилась инструментов. Министр перестал управлять информацией и сам же страдал от её недостатка. Контрастный душ не добавил бодрости. Сурри глубоко вдохнул и шумно длительно выдохнул. Дыхательная гимнастика слегка отрезвила его и придала уверенности. «Нужно срочно прекратить этот балаган. Рэйф начал заигрывать в свои игрушки. Из охранных они очень быстро могут превратиться в военные. Никак нельзя этого допустить» – думал Сурри, поправляя шёлковый галстук цвета индиго. Синий костюм и жемчужная рубашка сидели на нём идеально. В очередной раз крутанувшись перед зеркалом и придирчиво оценив безупречность каждой детали, Сурри решительно направился к выходу.

– К Рэйфу! – приказал он вскочившим при его виде офицерам СЗА.

Пролетая над Аскерией, Сурри, сидя на заднем сиденье клаера между двумя охранниками, вытягивал шею, чтобы оценить масштабы бедствия. Людские ручейки стекались к площади.

– Бездельники! – вскричал он. – Рабочий день, а они прогулки решили устроить! Безобразие! Он схватился за гаве-рофон, но опомнившись, тут же спрятал его обратно в карман пиджака.

Здание СЗА пустовало. На входе их остановил заспанный

молодой дежурный. Увидев Сурри, паренёк вытянулся по струнке и отдал честь.

– Никого нет! – отрапортовал он.

Сурри сердито уставился на дежурного.

– И где же глава СЗА в столь сложный для Аскерии час? – язвительно осведомился он.

– На объекте. Взломаны сервера подачи сигнала.

– Ну, и где этот объект? – Сурри начал раздражаться.

– Секретная информация! Никому не велено говорить!

– Какая ещё такая секретная информация? – Сурри трясло. – Вся информация принадлежит мне! – рявкнул он.

– У меня приказ, – паренёк пожал плечами.

Слова удивления и раздражения одновременно попытались вылететь изо рта Сурри, превратившись в нечленораздельное мычание. Он тряхнул головой, развернулся и вышел на улицу.

Вытащив сигару, Сурри нервно закурил. Власть над людьми. Он всегда упивался ею. Он получил всё. Шикарный дом с дорогой антикварной мебелью, счета в гаверодомах, переполненные гаверами. Самолюбование и творческая натура доставляли ему удовольствие в процессе властвования. Он любил играть в жизнь. Играть по своим правилам, аккуратно лавируя между остальными министрами, обостряя или сглаживая отношения в зависимости от ситуации. Но правила внезапно и стремительно начали меняться. И в этой ситуации сохранять влияние становилось крайне сложно. В один

МИГ МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ВСЁ.

Сурри взглянул на золотые часы. Запас времени ещё оставался.

Жаф пробирался сквозь толпу аскерийцев, двигавшуюся на площадь. Глаза журналиста, похожие на объективы фотокамер, привычно выхватывали и фиксировали интересные моменты. Периодически он щёлкал своим инструментом, делая кадры для статьи в «Аскерийских новостях». Объектив скрывал открытость и наглость его взгляда при виде женских прелестей. Жаф обшаривал глазами красивые ноги, упругие груди, статные фигурки. Репортаж репортажем, а мужская натура пробивалась в Жафе даже сквозь оптику. Женщины были не просто его слабостью, они являлись его катализатором, двигателем творческой мысли, да и жизни вообще. Он просыпался с мыслями о них, он засыпал, удовлетворённый ими.

– Дяденька, дяденька! – маленькая девочка потянула Жафа за куртку. – Сфотографируй нас!

– Не трогай чужого дядю! – строго осадил её мама, рыжеватая толстушка. – Извините нашу дочку, на неё и в Доме Маленьких Достигаторов жалуются: она постоянно что-то выдумывает.

– Милый ребёнок! Милый! – Жаф поймал на себе строгий взгляд папы девочки. – Чик, чик! – проговорил журналист, делая вид, что фотографирует её.

– Не-е-ет! – девочка насупилась. – Вы же обманываете, вы не фотографируете. Вы же врётё!

Вру!?! Жаф задумался. Он всё время кому-то врал, обманывал, от кого-то убегал, кого-то догонял. Враньё и бег! Бег вранья! Формулировки запрыгали в голове Жафа. Эй! Ты чего? Мозг журналиста начал привычно создавать тексты. Сегодня они получались какие-то особенные, как и люди вокруг.

Толпа унесла семью с девочкой далеко вперёд. Жаф огляделся. Что же в людях сегодня другого? Они ничем не заняты, медленнее, чем обычно, ходят. Головы подняты. Они смотрят друг на друга. Прямо, открыто. Смеются, радуются знакомым. Не боятся вступать в контакт. Общение без гаверофонов, общение глазами, эмоциями, словами. Общение людей, а не электронных приборов.

Оказывается, люди совсем другие! Эта мысль пронеслась в голове Жафа и остановилась. Он поймал себя на том, что не знал людей такими, не видел их открытыми, добрыми, смеющимися, счастливыми. Может, он вообще никогда не видел людей? Как же быстро они изменились! Часы электронной тишины, призыв Гуся. Аскерия становилась другой.

Ужас! Его охватило странное ощущение потерянности. Взгляд не через объектив, ничем не прикрытый взгляд начал блуждать по рядам идущих людей. Лица. Одно за другим они проходили перед Жафом. Глаза. Десятки глаз, с которыми он встречался.

Миг, секундное пересечение. Жафа бросило в пот. Яркие, искристые глаза, подёрнутые вокруг первыми морщинками, но отчего-то знакомые ему, следили за ним. Он их знал. Вернее, узнал. Потоки людей померкли рядом с этими глазами. Она остановилась на другом конце улицы, держа за руку мальчика лет десяти. Она держала за руку маленького Жафа. Журналист зажмурился, открыл глаза. Женщина с мальчиком стояли и смотрели на него. Ребёнок дёргал её за руку, что-то спрашивал. Как же мальчик похож на него! Майка под курткой прилипла к телу Жафа, сердце заколотило набат, страх от неожиданности увиденного сковал движения. Они стояли и смотрели друг на друга. Удивительно, что они смогли увидеть, узнать, выцепить друг друга из толпы, одновременно встретиться глазами. Нет! Этого не может быть! Надо спешить, бежать, торопиться. Глупо останавливаться на разных концах улицы и стоять, смотреть! Глупо! Но Жаф стоял, как вкопанный. Смотрел на мальчика, как две капли воды похожего на него.

Такого не бывает! Жаф, он один.

Не может кто-то на него быть похож.

Он один! Или не один?

Жафа колотило, переворачивало.

В памяти начало бушевать цунами, сметая всё на своём пути, оставляя только это. Имя? Он не помнил! Репортаж о шоколадной фабрике. Цех, конвейер. Она оборачивается. Как и сейчас, их глаза встречаются. Сколько в них кокетства,

игривости, радости. А она – ничего! Жаф мысленно снимает рабочий халатик.

– Я бы хотел взять интервью у одной из работниц! – журналист на полном ходу останавливает репортаж, направляя его в новое русло.

Что же он у неё спрашивал? Он не помнит. В этот же день встретил её у проходной фабрики с огромным букетом цветов. Маленькая комнатка, тяжёлые зелёные шторы на окнах. Скрипучая кровать. Они еле дотянули до двери её квартиры, расположенной в доме, рядом с фабрикой. Зайдя в подъезд, он сразу прижал её к стене, губы слились, руки сами опустились до мягкого шёлка узеньких трусиков. Шум открывающейся двери наверху. Лестница. Нескончаемое количество ступенек.

– Ты на каком этаже?

– На самом верхнем!

– О, ужас!

Мужчина с собакой спускается на встречу. Удивлённый взгляд, аккуратно подстриженные усы. Визг собаки, давно томящейся по улице. Наконец старенькая дверь. Замок, ключи, один поворот, второй. Одежда, летящая в разные углы комнаты. Почему же кровать так скрипит? Казалось, что скрипит на весь мир, жалобно отчаянно, прогибаясь под бешеной страстью их движений.

– Это любовь с первого взгляда? – она смотрит на него, искрясь счастьем.

Жаф сидит на краю кровати, жадно потягивая папиросу. Как же в этот раз всё удачно получилось. Он давно хотел быть у кого-то первым мужчиной. Сколько раз пытался, пробовал, верил словам, а в этот раз – молча, непредсказуемо попал в цель. Понравилось. Чувствовалась чистая неопытность, неподдельное волнение. Реакции, движения, не ради простого, очередного удовольствия, а в надежде на что-то особое, великое, обязательно должное стать началом счастья. Он чувствовал её, внутренне смеялся над ней, но не мог не воспользоваться. Получить те ощущения, которые никто кроме неё не мог ему дать.

– Любовь, любовь! – Жаф оборачивается.

– Мы вместе навсегда?

Он закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Конечно, дорогая!

– А ты, сколько детей хочешь?

– Детей?

– Да! – она искренне сверкает лучистыми карими глазками.

– Ну... Когда-нибудь потом...

Дети существовали в тот период для него просто словом, журналистским инструментом, профессиональным призывом для статей и репортажей. Он видел детей, сам был ребёнком. Иметь детей? Зачем? Жизнь так интересна, захватывающая! Дети могут украсть у него вечера в барах, деньги на развлечения и красивых женщин, заставят скушать долги-

ми вечерами. Дети могут украсть у него жизнь! Нет! Жаф не создан для детей.

Она начала ходить к нему в редакцию «Аскерийских новостей». Главред смеялся над ним, похлопывая по плечу. Жаф помнил её лицо, когда впервые сказал ей своё мнение о детях.

– Как ты мог? – глаза девушки вмиг наполнились слезами. – Ты обманул меня, ты врал? Ты говорил, что это любовь с первого взгляда!

Длинная осенняя аллея, шуршащие под ногами листья, порывы холодного ветра. Он помнит попытку сунуть ей несколько гаверов на аборт. Она бросает гаверы ему в лицо. Помнит её спину, которую он провожал взглядом до самого конца аллеи. Помнит зазвонивший в этот момент гаверофон с призывным голосом главреда. Надо было срочно бежать, снимать, писать, рожать статьи.

Помнит пьянку в одном из баров, после которой утром он пытался её найти. Помнит того мужчину с собакой, снова шедшего навстречу. Закрытая дверь. Владелец собаки скажет потом, что она съехала с этой квартиры. Куда съехала, он не знает. Дальше пустота. Годы метаний, суеты, убеганий от других и себя.

Теперь вот этот день тишины. Она на другой стороне улицы с ребёнком, тем самым, о котором она так мечтала, тем самым, о котором ему некогда было узнать долгие десять лет. С мальчиком, про которого он врал самому себе, делая вид,

что его нет. Он, Жаф, врал сам себе, врал о собственном сыне!

Жаф двинулся первым. Толкался плечами со встречным потоком аскерийцев, шёл, не в силах опустить глаза, не видя людей. Шёл, как сейчас понимал, в правильном направлении.

Что он им скажет?

Ей, имени которой он даже не помнил. Ему, которого он никогда не видел. Нет! Ему, который никогда не видел своего отца. Он шёл целую вечность. Слова исчезли. Они растворились в незнакомой для него ситуации. Опустошённый, но уверенный, что должен сейчас идти именно к ним. Надеюсь, что не струсит, что ничто его не отвлечёт, не заставит свернуть.

Он остановился, глядя прямо ей в глаза, когда их разделял метр. Сын что-то спрашивал её, теребил за руку. Он не слышал. В голове шумело, менялось, не складывалось. Он не знал тех слов, которые надо сказать. Он владел словом, как мастер, профессионал, но не как человек.

Жаф опустил голову. Вернее она опустилась сама.

– Прости... – это вырвалось помимо него, вырвалось откуда-то изнутри, из самой глубины.

В этот момент теплая рука коснулась его руки, обжигая всё тело импульсом совершенно нового для него чувства. А потом слух оглушила фраза, отбросившая его взрывной волной в другой мир.

– Сынок! Это твой папа!

Папа! Он – папа! Мир, привычный для него мир, померк. Большущий главред стал совсем маленьким, лилипутиком. Клаер превратился в игрушку, гаверы – в бумажки. Он, его сын, эта женщина с забытым именем выросли. Все трое, они возвышались над всем миром, сделались главными, гигантскими, самыми важными.

– Папа? – мальчик повторил это взрывное для Жафа слово. – Папа! Разве он не погиб? Он жив?

Жаф поднял глаза. Слезы, неизвестно откуда взявшиеся слёзы мешали смотреть на сына. Жаф смахнул их, смахнул неопытно, неумело. Он никогда не плакал, он забыл, как плакать. Он слишком любил себя, чтобы позволить это. Он, своими репортажами вызывавший слёзы миллионов, не знал плача. Слезы как инструмент воздействия на людей теперь больно били по нему самому, били жестоко, выворачивая душу, не оставляя живого места, но меняя его, вымывая прежнего Жафа.

Били по делу! За то, что он до этого момента писал не тот текст, неправильный текст. Он, Жаф, писал про неправильную жизнь, что самое страшное, свою жизнь. В этом тексте он совершил самую ужасную ошибку – он потерял главное, потерял себя.

– Жив, сынок, жив! – слёзы душили, подступая к горлу, не давая говорить. – Сначала погиб, а теперь жив.

Мальчик, ещё не забывший слёзы, засверкал мокрыми

глазами.

– Папа, мама! – мальчик оглядел их. – Вы снова вместе? Помнишь, мама, ты говорила, что всегда любила нашего папу, что он – самый лучший. Но ты говорила, что он погиб. А он жив!!! Жив! Мама! – голос мальчика срывался. – Получается, это Гусь оживил его?

– снова вместе! – женщина смотрела на Жафа всё таким же взглядом, как тогда, много лет назад, повернувшись от конвейера шоколадной фабрики. В этом взгляде ничего не изменилось.

Она меня любит, она смотрит – любит. Жаф подошёл к ней, обнял, лоя особое тепло. Он раньше не испытывал этого тепла ни с одной женщиной. Он искал его, но не мог найти, меня рыжих, блондинок, брюнеток, умных, глупеньких. Только сейчас он обнимал не просто женщину, он обнимал женщину, которая подарила ему сына, женщину, которая сделала его отцом.

– Папа, мама! – Жаф выдернул с наслаждением новое для него слово «папа».

Мальчик прильнул к ним. Все трое обнялись.

– Прости меня, – повторил Жаф твёрдо и уверенно, повторил своими, такими новыми для него словами.

– Прощаю, – женщина прижалась к нему.

Фантастика! Она его простила! Жаф поднял глаза к небу. Она его любит. Сын, его сын любит его.

– Мама! – вскричал радостно мальчик. – Вот мы и дожда-

лись своего папу. Наш папа жив, он вернулся.

– Мы семья, – Жаф сказал, испугавшись и зажмурившись, боясь, что это слово испарится, исчезнет.

Они влились в толпу, направляясь к площади. Крепко держась за руки, трое счастливых людей шли к Гусю, шли вместе, шли семьёй.

Шелуха общества, копившаяся годами, отлетала под резкими рывками очищения, обозначая близость финала, гаммы аккордов, которые, нарастая, в один миг вспыхнули ярким светом.

Тревога, терзающая Линду, изматывала, уничтожала сон и требовала снотворных. Наглотавшись таблеток, она наконец-то сомкнула глаза и провалилась в чёрную бездну, глубокую пропасть без сновидений.

Скрежет ключей в замке входной двери заставил её подскочить. Голова раскалывалась, сон не принёс облегчения. Временная изоляция в пустой камере между сном и явью прервалась. Гус! Линда вскочила с постели, на ходу накидывая прозрачный халат. Он вернулся! Босиком она кинулась к двери.

На пороге стоял Сурри.

– Ты? Что ты здесь делаешь? – Линда поспешно завязывала пояс на халате. – Откуда у тебя ключи? – недовольно спросила она.

Сурри замялся, молча облизывая её глазами.

– На всякий случай оставил себе дубликат, – быстро пряча ключи в карман, оправдался Сурри. – Я уже и забыл, что ты прекрасна не только в концертном платье. Мне очень тебя не хватает...

– Не начинай опять! Между нами давно всё кончено! – перебила его Линда.

– Линда, мы могли бы начать всё сначала...

– Жить в вечном ожидании? Снова стать отголоском тебя? Всего лишь новым красивым носовым платком в кармане твоего пиджака? Нет уж, совместная жизнь в личном одиночестве не для меня! Только не надо врать про мифическую любовь. Человек, которого ты любишь больше жизни на земле только один. Это ты сам!

Изумрудные глаза Линды засверкали, наливаясь чернотой.

– Зачем ты приехал? Я тебя хорошо знаю, Сурри! Ты просто так ничего не делаешь. А богатых женщин вокруг тебя вьётся миллион.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Ты мог воспользоваться гаверофоном, не так ли?

– Так ты ещё ничего не знаешь?

Линда непонимающе уставилась на Сурри.

– Связь отключена во всей Аскерии. Взломаны сервера. Никаких сигналов нет. Полная тишина. И этот проходимец, назвавшийся ожившим Гусём, собирается пудрить мозги нашим дорогим аскерийцам. Мне нужен твой совет.

Линда, не дослушав его, схватила гаверофон. Ужас в её глазах нарастал с каждой секундой. Как же она пропустила это сообщение?

– Я искренне не понимаю, почему Мистер Гавер допускает такие вещи. Это же противоречит всем принципам Аскерии, – продолжил Сурри, успокоившись из-за того, что разговор удалось перевести в нужное русло.

Линда побледнела. Она лихорадочно соображала. Гус будет на площади. Он жив! Его не поймали. Нервы накалились до предела. Нужно спасти... Времени почти не осталось.

– Сурри, ты знаешь, мне некогда, – начала она торопливо, схватив его за локоть, и потащила к двери.

– Но, дорогая, что же мне делать? – Сурри сопротивлялся. Подталкиваемый Линдой, он неуклюже пытался её обнять, но она проявляла силу, отнюдь не присущую хрупкой женщине.

– Ты же министр информации? Вот и лети на площадь к аскерийцам! Выступишь перед народом! Давай, давай, занимайся своими прямыми обязанностями, тем, чему ты посвящаешь всё своё время, двадцать четыре часа в сутки!

Она сняла волосинку с лацкана его пиджака, ловкохватила торчавший из кармана ключ и выставила Сурри за дверь.

– Линда, умоляю тебя, открой!

Сурри стучал в дверь, заглядывал в окна.

– Вам нужна помощь? – осведомился подошедший офицер СЗА.

Сурри вздрогнул.

– Нет-нет... – поспешно ответил он, отряхивая пальто. – Летим на площадь!

Лучи полуденного солнца пробивались сквозь забитое зимними тучами небо. Площадь наполнялась людьми. Аскерийцы стекались к самому главному месту этого дня – на центральную площадь Золотого района. Привыкшие бывать здесь на ежегодном Дне Достижений, они удивлённо оглядывались вокруг. Сегодня всё было по-другому. Световые рекламные баннеры молчали чёрной пустотой экранов. Картонные плакаты оставались на своих местах, окружая площадь, но глаза лишь скользили по ним, не отправляя в мозг никаких сигналов. Не издавая привычных звуков молчали гаверофоны. При входе на площадь улыбки исчезали с лиц людей, разговоры уступали место задумчивости.

Тишина. Она забирала любого в свой плен. Тишина до слышимости движений рядом стоящих, до пронзительной сосредоточенности в боязни что-то пропустить. Отсутствие любых сигналов, указаний, призывов. Нескончаемые внутренние диалоги с самим собой, заканчивающиеся одним вопросом: «Что дальше?»

Леденящий холод отступал на второй план. Коллективный жар ожидания грел воздух на площади. Весенние надежды душ оказывались сильнее зимних реалий улицы.

Все ждали! Ждали Гуся. Ждали его слов. Ждали нового

сигнала от нового лидера.

Живого лидера.

Каждый пришедший на площадь мучился неизвестностью. Определённости не было. Минуты ожидания давались с трудом. Сердца бились чаще, взгляды становились тревожнее, лица наполнялись выражением несостоявшегося, несбывшегося, не случившегося. Это был старт без видимости финиша, движение в неизвестном направлении для привыкших Достигать аскерийцев. Новая, пусть длившаяся всего несколько часов жизнь без рейтингов и балансов, жизнь, в которой все уравнивались ожиданием на центральной площади по-старому называемого Золотого района.

Ожидание по-новому равных, по-старому ждущих очередного сигнала.

Сурри пробирался сквозь толпу широко расправив плечи. Он двигался к сцене. Двигался, как ему казалось, к решающему моменту своей жизни. Он двигался менять историю Аскерии в одиночку, менять раз и навсегда, так, как он считал необходимым. Он умел говорить, он знал, что его слушают. Сурри был мастером производить эффект, строителем сигналов, технологом влияния на людей.

– Пропустите, пропустите! – министр информации, наконец, добрался до сцены, преодолев молчаливые ряды аскерийцев. – Расступись! – проговорил он перед самыми ступеньками.

Легко взбежав на сцену, дойдя до её центра, Сурри ото-

ропел. Его не приветствуют? Полное безобразие! Он поймал себя на мысли, что не умеет начинать говорить без привычных аплодисментов.

Аскерийцы, насупившись, глядя исподлобья, мерили его тысячами глаз, полных колючести, недоверия. Ждали не его! В этот раз его не ждали совсем.

Сурри сделал паузу, приходя в себя, зачем-то махнул рукой снизу вверх, словно самому себе, давая сигнал. Он нервничал.

– Гусь мёртв! – начал министр информации. – Мёртв совсем! – зачем-то добавил он, сам же понимая, что говорит глупость. – Мы его похоронили, поставили памятник, он наш, но – мёртвый герой!

Тёплый воздух облачком пара вырвался изо рта Сурри. Он овладевал ситуацией. Слова привычно начинали выстраиваться в слаженные предложения. Люди напряжённо молчали. – Ничего! Я сейчас им покажу! Пущу в ход испытанное средство!

– Вы меня хорошо знаете! – Сурри довольный, сделал паузу, ожидая оживления в толпе. – Я – министр информации всей, – он подчеркнул, – всей Аскерии!

– Нет больше твоей информации, над которой ты министр! – донеслось откуда-то сбоку.

– Вам на гаверофоны пришло сообщение о том, что здесь будет Гусь! – Сурри говорил, пытаясь игнорировать нарастающий в толпе рокот. – Это не Гусь, это самозванец! Настоя-

щий Гусь мёртв!

Толпа зашумела, редкие выкрики переросли в нарастающий гул недовольства.

– Хватит врать! – голос из глубины сцены толкнул Сурри в спину.

Толпа вмиг заликовала, многие начали привставать на цыпочки, кто-то охнул. Взметнулись вверх деревянные палочки с гусями.

Сурри стоял, боясь пошевелиться, язык прилип к небу, губы сомкнулись.

Гус, широко расправив плечи, вышел к краю сцены, поравнявшись с Сурри.

– Хватит врать! – повторил он. – Я жив, я здесь! Как и обещал, я пришёл к вам, чтобы сказать правду!

Безмолвие воцарилось в толпе. Тысячи глаз устремились на Гуса. Он стоял, открыто глядя аскерийцам в глаза, стоял, излучая уверенность. Сурри съёжился, испугался, ноги сами понесли его вбок, спуская со сцены. Незамеченный, ненужный, неудавшийся, он соскользнул вниз, прячась за спинами охранников.

Тишина. Редкая, невозможная тишина поглотила площадь. Люди ждали так долго, что лишние минуты безмолвия казались уже привычными. Он молчал, они слушали. Слушали себя, свои мысли.

Он заговорил!

– Научный эксперимент по превращению птицы в чело-

века состоялся. Его результаты перед вами. Я прошёл путь из сарая в Земляном районе до этой площади, став человеком. Я успел многое испытать, побывать в Доме Станных Людей, потерять друзей, влюбиться и, как мне кажется, стать любимым, обрести популярность. Я жил человеком. Я скажу вам просто: быть человеком – это великое счастье!

Толпа зашумела, задвигалась. Люди словно удивились, что обыденное, каждодневное может быть счастьем. То, что они искали так далеко, оказалось таким близким и доступным.

– Но, – Гус сделал паузу, обводя взглядом людей, – Человек попал в беду! Вы все в большой беде, в шаге от катастрофы. Петля потребительства, накопления, гонки за Достижениями всё явственнее затягивается на шее, удавливая человека. Раздвиньте этот аркан. Вставьте свои, человеческие руки в эти верёвки баланса и рейтинга на вашей шее, не дайте им удушить себя.

Петля иллюзии, накинутая на вас, – это не есть жизнь. Это великая подмена жизни, давно забытых её истин с целью управлять вами. Посмотрите на это!

Гус выдернул из-под куртки пук проводов, вытащенных из компьютера в кирпичном доме.

– Я буду говорить правду! В одном маленьком доме стоит компьютер, окутанный вот этими проводами, посылает вам сигналы, каждый день, каждую минуту, управляя вашим мозгом, вашими действиями. Схватитесь за голову, поймите

эту великую глупость, разорвите эту петлю управления, как я вчера остановил подачу сигнала.

Толпа выдохнула, напряглась, завибрировала осмыслением простоты того, над чем они раньше никогда не задумывались.

– Вы говорите: Мистер Гавер? Его нет, он давно умер. Мистер Гавер, которого вы считаете своим лидером, – это программа. Вами управляет распиаренный мертвец, управляет с помощью этих проводов и микросхем. Можете ли вы остаться живыми, если мертвецы, безжизненные символы правят Аскерией? По его заказу давным-давно написали программу – набор сигналов, который регулирует вашу жизнь. Вы все бегаєте по кругу, кругу Достижений, потому что так написано в этой программе.

– Доказательства! – раздались с нескольких сторон выкрики. – Почему мы тебе должны верить?

– Доказательства? – Гус усмехнулся. – А кто-нибудь в последние годы видел Мистера Гавера живым? Может быть, ушедший с этой сцены несколько минут назад Сурри? Или стягивающий офицеров СЗА к площади Рэйф. Может быть, кто-то из вас видел его на этой сцене? Молчите?

Крикуны опустили головы. Движение на площади прекратилось. Гус заметил невзрачного человека в чёрной кепке, пробирающегося к сцене. Он увидел Хониха, который стоял совсем рядом, смотрел на него восхищённым взглядом.

– Доказательства? Подтверждение действия программы

Достижений? – Гус вскинул руки к толпе. – вспомните ваших детей. Посмотрите на них прямо сейчас! Вы старались определить их в лучшие Климадосты, выбрать для них перспективу, решить всё за них. Воспитание в детях успешности, а не доброты, богатства, а не любви. Воспитание не человека, а товара. Возращение красивого, умного, хорошо упакованного маленького товара, но не человека.

Зачем? Так делают все.

Детьми, в том числе, измеряется уровень ваших Достижений. Сначала Климадост, затем престижный Великий Аскерийский Климадост, потом обязательно клаер и дом, да подороже. Набор того, к чему стремятся все! А как иначе? – спросите вы. Иначе – это воспитывать человека, а не циничного достигателя-потребителя, рассматривающего жизнь как коммерческий проект. Дети ради любви, а не хвастовства. Дети не как реванш за собственные несбывшиеся надежды. Передаваемое из поколения в поколение стремление Достигать детьми должно быть прервано. Вместе с детьми Аскерия должна научиться рождать любовь, доброту, веру, совесть.

Многие в толпе прижали своих детей к себе, подняли на Гуса глаза. Он видел слёзы, чувствовал, что говорит не зря, надеясь не на многих, надеясь на прозревших, осознавших, надеясь на начало движения к человеку.

– Доказательства? – Гус снова выделил в толпе человека в чёрной кепке, нескольких офицеров СЗА,двигающихся

за ним. – Любовь! Подменённая, искажённая расчетом, проданная за благополучие, преданная вами самими. Любовь как средство обмена, исключаящая бескорыстие, обязательно требующая ответа. Безусловная любовь забыта. Любовь как высшая ценность растоптана в гонке Достижений.

Шаги и движения офицеров СЗА во главе с человеком в чёрной кепке стали слышны в замолчавшей толпе.

Это не относится ко мне, так мыслили многие. Это то, над чем я давно не задумывался, решали для себя другие.

Дорогой чёрный клаер завис над сценой, демонстрируя намерение спуститься вниз.

– Семья! – Гус сделал паузу. – Семья, маркированная рейтингом, клаером, домом в престижном районе. Выбор не человека, а его Достижений, подбор не партнера, а его обёртки. Возбуждение от статуса и баланса. Необходим поворот к семье, в которой сердца начинают биться в такт жизни. Семья, когда двое нашли друг друга, самого главного человека на земле. Семья как поток счастья глаз, гаммы ощущений, нескончаемой радости быть рядом, не мысля себе в отдельности. Семья как осознание единого целого. Семья, когда так радостно засыпать рядом с любимым человеком, улыбаясь, якоря счастье и, просыпаясь, встречать новый день, открывая глаза, видеть любимое лицо. Семья как великое, вселенское состояние взращивания и сохранения любви, рождения в этой любви детей.

– Какая наивность. Что ты несёшь, Гусь? – в толпе послы-

шались смешки и фырканье молодых аскерийцев.

– Если высшие ценности объявляются наивными, то это – первый знак приближающейся катастрофы, гибели Человека.

Офицеры СЗА и человек в чёрной кепке вплотную подошли к сцене. Гус чётко различал их лица, напряженные, злые, но думающие. Человек в кепке поднял глаза. Перед Гусом стоял Борни. Чёрный клаер приземлился на сцену.

– И, наконец, – ваше призвание, то, зачем вы пришли в Аскерию, то, зачем вы родились! – продолжал Гус. – Кто вы? Вы, конечно же, ответите – сотрудник Гаверодома, водитель санера, офицер СЗА.

Борни отдал офицерам СЗА приказ. Они не двигались, оставаясь на месте. Слушали.

– Услышьте меня! – Гус заметил, что Хоних взбирался на сцену. – Люди! На вопрос «кто вы?», – ответ один: «я есть человек!»

Борни перешёл на крик. Офицеры СЗА попятились, исчезая в толпе. Борни выхватил пистолет. Хоних рванулся к Гусу.

Выстрел.

Жёсткий, гадкий, разрывающий историю Аскерии на части выстрел громыхнул из пистолета, направленного на Гуса. Хоних сделал шаг, закрывая его собой.

Толпа дёрнулась. Несколько человек схватили Борни, потащили назад. Мужчины один за другим наносили удары.

Борни упал. Разъярённая толпа накинулась на него.

Гус подхватил раненного Хониха. Он хрипел, кровавая пена выступила на губах.

– Сын! – Хоних перебирал губами.

– Отец! – слёзы подкатили к горлу Гуса.

– Я услышал... Услышал это слово! – Хоних терял жизнь с каждой секундой. – Ты молодец, сын. Всё говорил правильно. Я тобой горжусь. Благодарю тебя.

– Отец! – Гус заорал на всю площадь, сотрясая всё вокруг, словно стараясь словом вернуть Хониха. – Отец!

Взгляд Хониха замер, жадно цепляя последние секунды, устремившись на Гуса.

Из чёрного клаера выбежали офицеры СЗА во главе с Рэйфом. Сильные руки схватили Гуса сзади. Рэйф, вытащив пистолет, наставил его на аскерийцев, ринувшихся на сцену защищать своего героя.

– Приказано доставить вас к Мистеру Гаверу! – раскати-сто пробасил Рэйф.

Последнее, что увидел Гус на площади – это закрывающиеся глаза Хониха. Всё остальное померкло. Офицеры СЗА подхватили Гуса, потащили в клаер. Он не сопротивлялся. Родное, подёрнутое морщинами, спокойное лицо Хониха следовало за ним. Лицо его отца, отца по духу.

Сурри, не растерявшись, бросился к клаеру Рэйфа и, коротко поприветствовав главу СЗА, втиснулся на заднее сиденье.

Клаер взмыл в небо. Гус бросил взгляд вниз. Толпа двинулась за клаером. Аскерийцы, высоко подняв головы, бежали за своим героем.

– Прибавь скорости! – командовал Рэйф. – Мы должны приземлиться в «Иллюзии» раньше, чем толпа наводнит площадь перед ней.

«Иллюзия» ждала Гуса. Клаер приземлился рядом с зеркальными дверями, которые распахнулись в тот же миг. Офицеры СЗА втолкнули Гуса внутрь. Человек в чёрной маске, полностью закрывавшей лицо, цепко схватил его за руку. Лифт. Последний этаж. Лифт открывается. Человек в маске подталкивает Гуса к выходу, сам оставаясь в лифте. Гус погружается в полумрак верхнего этажа.

И что дальше? – Рэйф вглядывается в глаза Сурри. – Ты и сейчас не намерен действовать? Посмотри, что творится внизу.

– Ждём известий от Мистера Гавера! – Сурри одарил бегущим испуганным взглядом Рэйфа.

– Ты опять ждёшь? – Глава СЗА взорвался. – Надо самим идти к Мистеру Гаверу, идти сейчас.

– Иди! – Сурри открыл дверь клаера. – Прямо сейчас выходи.

Снизу нарастал гул человеческих голосов. Толпа бушевала вокруг «Иллюзии», взяв зеркальное здание в кольцо.

В холле верхнего этажа царила звенящая тишина. Гус двинулся вперед, еле улавливая в полумраке открытые двери единственного зала. Ковёр с высоким ворсом гасил движения его ног, делая их неслышными. Большие массивные двери распахнуты. Гус сделал несколько шагов, приближаясь к дверям. Перед ним – огромная комната. Звуки шагов неожиданно начинают отдаваться по паркету, принявшему эстафету от ковра. Он делает ещё один шаг, пересекая порог, ошарашенный, останавливается у входа. У единственного окна, спиной к нему, скрестив руки на груди, стоит человек. Молча, не оборачиваясь.

Гус замирает не в силах двинуться, глаза прикованы к человеку у окна. Он знает этот силуэт, он узнал бы его среди тысяч. Как это может быть? Мысли отказываются соединяться, вопросы виснут в воздухе.

– Линда? – шепчут пересохшие губы Гуса.

– Гус? – Линда оборачивается.

– Что ты здесь делаешь?

Линда смотрит на него. Смотрит новым взглядом. Что же в нём поменялось? Иное лицо всё той же Линды. Она молчит, сверля его глазами.

– Меня привезли к Мистеру Гаверу? И где же он?

– Он перед тобой, Гус! – Линда сделала шаг к нему.

Мир рухнул, перемешался от нелогичности невысказанных комбинаций. Казалось, жизнь затормозила на полном ходу, издавая скрежет и боль.

– Этого не может быть. Мистер Гавер умер. Аскерией уже много лет управляет программа.

– Ты всё успел узнать! – Линда горько улыбнулась. – Ты далеко зашёл, слишком далеко. Ты попал в сердцевину Аскерии, ты, не разобравшись, начал действовать. Я – внучка Мистера Гавера. Перед смертью он поручил мне управлять программой. Я поклялась, что никогда не допущу появления в Аскерии живого лидера.

Линда заходила по комнате, она нервничала.

– Я просчиталась с тобой!

– Просчиталась? Ты считала?

– В том-то и дело, что впервые в жизни – нет! И ты, ты погубил Аскерию! – Линда закрыла лицо руками. – Ты не понимаешь этой великой идеи идеального устройства жизни людей. Ты никогда не сможешь понять и оценить гениальность моего деда.

– В чём же его гениальность?

– В просчитанности до мелочей. В математической предугаданности действий людей. В формуле счастья, построенной на системе Достижений.

Она двигалась по комнате, нервничала, переживала. Линда не знала, что делать дальше. В этот момент она была

похожа на хорошую, исполнительную девочку, попавшую в плохую ситуацию. Девочку, которая долгие годы старательно выполняла домашнее задание деда. Девочку, которая осталась такой же, как в детстве, только выросла. В этот момент она не могла не говорить.

– Я не помню своих родителей, они разбились на клаетре, когда мне было всего несколько месяцев. Дед, только он, с самого рождения один занимался моим воспитанием. Он сделал меня, вылепил, сложил из кусочков. Он сотворил ту Линду, которую ты знаешь.

– Линду? Или программу под названием «Линда»?

– Линду, которая всегда будет нести ответственность за жизнь всей Аскерии!

– Но не за людей Аскерии!

– Много ты знаешь! Ты же птица! Давно ли ты человек?

Гус смотрел на неё, не узнавая, но по-прежнему любя. Каприз, это был чистейший каприз, как детское неумение уже взрослого человека действовать в изменившейся ситуации.

– Знаешь, Линда! – Гус улыбнулся. – Люди, они забавные существа! Растут, меняются, женятся, стареют, но всегда остаются детьми, до конца своих дней. Редко кому удаётся повзрослеть.

Программу детства человек реализует всю жизнь.

Вот только программы у всех разные. Простые детские игры перетекают во взрослую жизнь, обрастают набором установок и ритуалов. Войнушки превращаются в войны, выяс-

нение отношений – в политику, детская агрессия – в преступление. Так и хочется взять всех вас к себе на руки, прижать, поцеловать в лобик, погладить по головке и сказать: «Ну что, дружок! Ты же знаешь, что тебя любят, ценят, ты же знаешь, что ты – хороший!»

Просто искупать человечество в любви и ласке.

Уверен, что войны уйдут, кризисы ослабнут. Любовь сильно взрослит человека. Линда, я хочу, чтобы Человек вырос, наконец-то повзрослел, перестал играть в опасные игрушки.

– Это чушь! Полная чушь! – Линда обернулась к Гусу, пылая гневом. – Ты пытаешься сбить меня с пути, ты делал это всё время.

– Нет, – Гус опустил глаза. – Ты так ничего и не поняла, я люблю тебя. Я хочу, чтобы в этой ситуации девочка Линда стала взрослой, прервала эту программу деда, осознала ситуацию такой, какая она есть.

– А какая она есть?

– Точка, важный момент! Сейчас человек в Аскерии может сделать шаг вперёд, может измениться, может стать взрослым, взять ответственность за свою жизнь в свои руки.

– Всё! Хватит! – Линда выхватила пистолет, направив его на Гуса.

Здание «Иллюзии» оказалась в плотном кольце людей. Аскерийцы отражались в его зеркальных стенах, стучали в двери, требовали ответов на свои вопросы.

– Где Гусь? – кричали с одной стороны.

– Мы знаем, что он здесь! – отвечали другие.

– Гавер, выходи! – скандировало большинство.

Клаер Рэйфа висел над толпой.

– Что будем делать? – спросил Сурри.

– На крыше Иллюзии есть площадка! – задумчиво проговорил Рэйф. – Вот она! – он указал пальцем вниз.

– Рояль? – изумился Сурри. – Что там делает рояль?

– Какой рояль? – Рэйф вглядывался. – И правда, рояль.

Очертания музыкального инструмента проступали под наброшенным на него брезентом.

– Может, сыграть, а, Рэйф! – Сурри толкнул Рэйфа в бок.

– Сейчас только играть не хватает! – поморщился глава СЗА. – По-моему, сейчас Аскерия требует иной музыки. На эту площадку можно сесть на клаере, затем спуститься на этаж ниже, там должен быть Мистер Гавер! – Рэйф развернул план «Иллюзии» у себя на коленях.

Клаер начал аккуратное снижение. Через несколько минут Министр Информации и глава СЗА под дружный свист

толпы припарковали клаер на крыше-площадке «Иллюзии». Ветер усиливался, разгоняя тучи. Зимнее солнце вышло на небосклон, даря редкое тепло аскерийцам. Сурри подошёл к роялю и сдёрнул брезент.

– Какая прелесть! Потрясающий рояль! Смотри, Рэйф, скрипка в чехле! – он достал инструмент.

– Хватит поэзии, Сурри! Давай вниз, искать Мистера Гавера! – Рэйф торопился.

– Вот мы его и увидим, Мистера Гавера! – мечтательно поднял глаза к солнцу Сурри. – Помнишь, Рэйф, ты про это меня спрашивал. Все мечты сбываются!

– Тихо, – Рэйф схватил Сурри за рукав. – Кто-то идёт.

– Посмотри! – Линда тянула Гуса за руку. – Посмотри, что творится с людьми! Ты всё испортил!

– Линда? – глаза Сурри округлились, готовые выпрыгнуть из орбит.

– Где Мистер Гавер? – Рэйф преградил дорогу Гусу и Линде. – Что вы здесь делаете?

– Это же Линда, Рэйф! Ты что, не узнаешь? Наш известный музыкант! – проговорил с волнением Сурри.

– Где Мистер Гавер? – Рэйф перешёл на крик.

В спине Гуса что-то задвигалось, заломило. Он скорчился, подошёл к самому краю площадки, облокотился о заградительный бордюор.

– Что? – Линда посмотрела на него. – Плохо от увиденного? Теперь ты понял, что всё испортил.

Народ, завидевший Гуса, начал радостно скандировать:
«Гусь! Гусь!»

Глава СЗА бросился к лестнице, спустился, забежал в поисках Гавера. Послышались его возгласы и ругательства. Наконец, он снова появился на площадке.

– Я должен вас арестовать! Вас и вас! – Рэйф размахивал руками, тыча в Линду и Гуса.

– Не там ищите, Рэйф! – Линда презрительно прищурилась. – Мистер Гавер перед вами, я – его внучка. От меня вы годами получали приказы. Так что успокойтесь.

– Что за абсурд! – лицо Рэйфа покраснело. – Какая внучка, я не знаю никаких внучек.

– Это правда! – спокойно ответил Гус, глядя на Рэйфа.

Сурри отошёл к роялю. Рэйф выхватил пистолет и направил его на Линду, которая была ближе к нему.

– Я вас... – Рэйф дёрнулся в сторону, хватаясь за грудь.

Один, два, три бесшумных выстрела вылетели из маленького женского пистолета Линды, пронзив Главу СЗА.

– Ма-ма, – Рэйф, держась за грудь, со всего размаха рухнул на пол.

Сурри схватил скрипку, прикрываясь ей, поднял руки. Гус подошёл к краю площадки, развернулся к толпе. Аскерийцы взревели.

Линда направила пистолет на Гуса.

– Я должна тебя убить!

В её мозгу пронеслась сцена из подростковой жизни. Га-

веру стало плохо, она усадила его в кресло, дала лекарства.

– Что будет, когда ты умрёшь, дедушка? – она плакала.

– Не волнуйся, детка, после моей смерти программа будет управлять Аскерией.

– Как так? – Линда хлопала глазами.

– Запомни, девочка! Любой живой лидер, кроме меня, всё испортит. Я потом тебе всё расскажу. Главное, запомни, ты не должна допустить живого лидера в Аскерии.

Пистолет холодил Линде руку. Она уверенно направила его на Гуса. Нет, не могу.

«Не должна допустить живого лидера в Аскерии!» – набатом раздавалось в голове Линды.

Толпа скандировала имя Гуса. Имя живого лидера.

Не могу! Люблю его! Не должна допустить! Слёзы показались по щекам Линды.

Гус стоял на самом краю площадки. Его спина вспучилась. Крылья разрывали куртку, высвобождаясь на свободу. Линда не видела этого. Она закрыла глаза. Палец на курке заныл.

– Я успел сказать людям! – шептали губы Гуса. – Успел!

Он оглянулся. Гус видел Линду с закрытыми глазами, с пистолетом, пальцем на курке. Видел Сурри с поднятыми руками, закрывавшегося скрипкой. Он обернулся к людям. Толпа безумствовала, повторяя его имя.

– Дальше сами! Сами! Сами! – шептали его губы. – Слышите, дальше – сами. Вы всё должны сделать сами, сами

управлять своей жизнью.

Все в ваших руках, люди!

Линда нажала на курок.

Осечка.

Гус, расправив крылья, взлетел. В небо, согреваемое тёплыми лучами солнца, взлетел обычный гусь. Аскерийцы задрали головы вверх. Удивление сменилось возгласами людей.

– Он улетел! Наш Гусь улетел!

– Он обязательно вернётся!

Холодный ветер обжигал крылья. Гусь с наслаждением вдыхал свободу. Он снова стал неотъемлемой частью природы, где всё перетекает одно в другое. Люди... Люди? Кто эти существа, махавшие ему с земли? Мысли начали путаться, исчезать. Слова таяли, стирались из памяти. Шум в голове прекратился. Гусь наконец-то смог сконцентрироваться на полёте, слиться с небом. Уже ничего более не мешало этому.

Пистолет выпал из рук Линды.

– Что же теперь делать? – Линда обернулась к Сурри.

– Играть, Линда! Играть! – Сурри протянул ей скрипку и сел за рояль.